Юрій Таличъ

Волчій смѣхъ

ЮГ

БИБЛIОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LXXI

ЮРIЙ ГАЛИЧЪ

ВОЛЧІЙ СМѢХЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 2 9

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площадь 25-27.

„Я снова здѣсь, въ краю родномъ,
Среди полей, въ зеленомъ тренѣ.
И снова дышатъ, подъ окномъ,
Кусты жасмина и сирени.
Я снова здѣсь, я снова вашъ,
Родныя степи и долины —
Въ душѣ звенитъ, какъ „Отче Нашъ“,
Знакомый голосъ журавлиный . , .“

ВОЛЧІЙ СМѢХЪ

ВОЛЧІЙ СМѢХЪ

Удивительный край — Полѣсье!..

Если взглянуть на карту генеральнаго штаба, сохранившуюся случайно отъ Стохода и прорыва подъ Луцкомъ — ни малѣйшаго бѣлаго пятнышка, все покрыто сплошь зеленью и ультрамариномъ... Другими словами — лѣсъ да болото, съ омутами, съ трясинами, съ зловѣщими окнищами, въ которыя — поминай, какъ звали! — можно нырнуть съ головой на три сажени...

Короче, я былъ увѣренъ, что буду бить утокъ съ крыльца доброславской усадьбы, что рябчики будутъ садиться на крышу дома, а дикія козы — „козля“, щипать капусту и кукурузу на огородѣ.

Ничего подобнаго!

Какъ ошибочны наши иллюзіи!

Качекъ, правда, бываетъ не мало, но по случаю засухи, всѣ чируки и крыжаки подались сейчасъ куда-то на югъ, за рѣку Припять.

За рябчиками или, какъ ихъ здѣсь кличутъ, за „оробками“, а также за слонками, тетеруками и прочею птицей, нужно походить по лѣсу не версту и не двѣ.

Что же касается козъ — не то что на огородѣ, не увидишь ихъ теперь и въ Тужиковомъ Болотцѣ, въ которомъ, всего два года назадъ, бѣгали, какъ вороны на пашнѣ.

А про крупнаго звѣря, про медвѣдей, лосей и кабановъ — „диковъ“, лучше не говорить. Словомъ, ничего нѣтъ, абсолютно, кромѣ лисъ и волковъ!..

— Гдѣ причина исчезновенія благородной полѣсской дичи?

— Въ культурѣ!

— Въ интенсивной культурѣ, милостивые государи и государыни!

Ахъ, будь она неладна, эта культура, которая вырубаетъ лѣса, осушаетъ болота, занимается меліораціей и запашкой новыхъ пространствъ бараболи и бульбы, той самой бульбы, про которую поется въ полѣсской пѣсенкѣ:

„Бульбу варють,
Бульбу жарють,
Бульбу парють
И пекуть!.."

Изъ края въ край, куда ни посмотришь, только и есть, что картофельныя поля, да жито, да озимая рунь, да бобовый лупинъ... Или жиденькій ржавый лѣсокъ съ сыроѣжками... Или лонки съ кислой травой, которую не трогаетъ полевая скотина...

Скучно съ охотничьей точки зрѣнія!

Чрезвычайно скучно!

Нѣтъ, культура и лѣсъ — два ядовитыхъ противорѣчія, которымъ не сойтись на компромиссѣ...

Однако, рѣшено все же попытать счастье на козъ.

Дядя Валерьянъ Львовичъ — великій комбинаторъ, мужчина коммерческой складки и выразительной внѣшности, на сто пятьдесятъ кило чистаго вѣса, два бывшіе пажика его императорскаго величества — Яша и Дима, неукротимый анекдотистъ и спецъ по женскимъ болѣзнямъ — докторъ Заржецкій, и бывшій деникинскій прапоръ — хохолъ Подгорный, обсуждаютъ за ужиномъ планъ предстоящей кампаніи.

— Первое орудіе — пли!

Раздается дядюшкина команда и батарея переходитъ на ураганный огонь. Шесть баночекъ подъ жареныя сыроѣжки съ лучкомъ — нормальная порція. На столѣ поетъ самоваръ. Весело хрипитъ въ углу радіо, связывающее насъ съ внѣшнимъ міромъ, пере-

дающее то московскія достиженія на фронтѣ „Агитпросвѣта“, то классическую серенаду Тозелли въ исполненіи лиссабонскаго симфоническаго оркестра, то послѣднія сплетни варшавскаго агентства.

Но трещитъ телефонъ.

— Алло!

— Слушаю!

— Кто говоритъ?

Яша, красавецъ-пажикъ его величества, съ изумительнымъ фамильнымъ топазомъ на мизинцѣ правой руки, отрывается черезъ минуту отъ трубки и съ вопросительнымъ видомъ сообщаетъ:

— Панъ Бембновскій приглашаетъ на волковъ!

Наступаетъ непродолжительное молчаніе.

Потомъ начинаются споры, противорѣчія, разнообразные про и контра, затягивающіе разрѣшеніе основного вопроса. Въ каждомъ планѣ кампаніи есть свои плюсы и минусы, есть защитники и противники, и споръ готовъ затянуться до безконечности.

Дядя Валерьянъ Львовичъ молча выслушиваетъ всѣ доводы, глотаетъ сверхкомплектную рюмку и, поигравъ жилетной цѣпочкой, заключаетъ категорическимъ, не оставляющимъ сомнѣній, басомъ:

— Своихъ козъ завсегда успѣемъ набить!.. Разсуждая съ логической точки, предлагаю ѣхать за чужими волками!..

Вотъ когда цѣнишь удобства хорошей американской машины „Доджъ“, въ тридцать пять лошадиныхъ силъ!..

Полѣсскія дороги созданы спеціально для автомобилей и созданы при этомъ руками природы.

Это не гудронированное шоссе Сингапура или Гонгконга, и не асфальтовый паркетъ берлинской Курфюрстенштрассе, и даже не плитнякъ рижскаго бульвара Свободы.

Это — полѣсскій песокъ, обыкновенный песокъ,

къ которому, отъ сотворенія міра, не прикасалась лопата. Но песокъ изумительно плотный, чистый, какъ развѣсной сахаръ, бѣлый, какъ мука-крупчатка или поваренная соль...

Идеальный песокъ!..

Уже давно проскочило Тужиково Болотце и Фурманова Нивка...

А вотъ и Солоденьки Лѣсочекъ, Волчій Островъ, Поповая Поросля...

Ближе и ближе несется изумительная машина къ сборному пункту, къ лѣсной деревнѣ Рѣчки, которая уже виднѣется на пригоркѣ, между зелеными лонками, сметанными стежарами и низкими поплавами, которая разметалась огородами и сѣренькими полѣсскими хатками на полторы версты и ожидаетъ званыхъ гостей...

Машина фыркаетъ и подлетаетъ къ большой избѣ, окруженной любопытствующей толпой, егерями и поплавнычими, съ самопалами, перевязанными бичевкой, съ трещотками и дубинами, съ гончаками Мурзой и Зеемъ, съ лукавымъ мужицкимъ хохотомъ, съ широкими дѣвичьими улыбками, съ своеобразнымъ полѣсскимъ жаргономъ:

— Паночку!..

— Немашики!..

— Я яму ге, а енъ мине ге!..

Еще минута—и вельможный панъ Станиславъ Бембъ на Бембновѣ-Бембновскій — удивительная фамилія! — выходитъ изъ сѣней и обмѣнивается плотнымъ рукопожатіемъ.

На немъ сѣрый спортивный костюмъ, зеленая охотничья тиролька съ тетеревинымъ перомъ, толстыя икры въ желтыхъ чулкахъ. А носъ, удивительный носъ, спѣлый, какъ баклажанъ, и лоснящіяся отъ сытой жизни щеки, съ сѣдыми шляхетскими усами, дополняютъ цвѣтовую симфонію до полнаго спектра:

— Моє ушанованье, панове!

Утро, ясное и погожее, чуть подернуто полѣсскимъ туманомъ.

Вотъ-вотъ, изъ-за синяго лѣса, глянетъ красное солнце, разгонитъ туманъ и червонцемъ вспыхнетъ на небѣ.

Вчера дѣлали провѣрку — подвывали волковъ. Молодежь тотчасъ отозвалась тонкими голосами — ууу-ууу-ууу...

Тихо, нищечкомъ, безъ лишняго шума, съ собаками на смычкѣ, двигаются загонщики. Охотники съ главными егерями, Самуйликомъ и Тимохой, становятся на номера.

Я стою на дорогѣ, въ моховомъ рѣдколѣсьѣ, прислонившись къ соснѣ... Обстрѣлъ идеальный!.. Кругозоръ прямо на ять!.. Солнце чуть бьетъ въ глаза, изъ-подъ кудрявыхъ елокъ... Въ рукахъ маленькая „двадцатка", съ умѣреннымъ чокомъ, работы французскаго мастера Лебо... Въ правомъ стволѣ — крупная заячья дробь, въ лѣвомъ — картечь... Указательный палецъ на спускѣ...

Ахъ, какое это великое наслажденіе снова сжимать стволъ безбурковой „двадцатки", послѣ винтовки со скользящимъ затворомъ!

Сказка и мифъ!

Поэма, не имѣющая названія!

И я вперяю взоръ въ зеленую чащу, буравлю близорукими глазами валежъ, верескъ, гнилое багно, и вспоминаю старую поговорку:

„На ловца и звѣрь бѣжитъ!"

— Тахъ! — прогремѣлъ далекій сигнальный выстрѣлъ, отдался въ лѣсу и пошелъ гулять по просторамъ.

И тотчасъ визгливо запѣли Мурза и Зей, затрещали трещотки, ожилъ, загудѣлъ, загремѣлъ сотнями голосовъ притаившійся полѣсскій лѣсъ.

Сердце колотится отъ волненія. Глаза прикованы къ чащѣ. Пальцы судорожно обхватываютъ ружье...

Выскочилъ заяцъ...

Выскочилъ, присѣлъ на кочкѣ, поводитъ ушами, пытливо смотритъ въ упоръ...

Бить не годится, чтобы не отпугнуть волковъ.

Пролетѣла надъ головой пара рябковъ, одинъ за другимъ, и сѣла сзади на елочкѣ.

Вынырнулъ лисъ, внезапно, на единственное мгновенье, повелъ лукавою мордочкой и круто повернулъ бѣшенымъ ходомъ назадъ...

Вниманіе напряжено до предѣла.

Я гляжу передъ собой и одновременно вижу, какъ сосѣдъ справа, дядя Валерьянъ Львовичъ, подымаетъ ружье. Онъ поднялъ его, приложился и вновь опустилъ.

И тотчасъ гремитъ выстрѣлъ Яшинаго „Пердея", четкій и ясный, какъ ударъ грома въ солнечный день:

— Бомммъ!

Загонщики ближе и ближе.

Уже видны отдѣльныя фигуры и лица полѣщуковъ, прокаленныя солнцемъ и вѣтрами, изъѣденныя полѣсскимъ туманомъ и самогономъ, съ острыми лѣсными глазами, съ путаной гривой, съ почернѣвшими отъ махорки щербатыми корешками вмѣсто зубовъ, въ рваныхъ кафтанахъ, онучахъ, лаптяхъ, прикрученныхъ веревкой къ ногамъ.

Загонъ прекращается, и я досадую, что не выпало на мою долю охотничьяго счастья, что кажется зря пропустилъ и зайца, и лису, и пару рябковъ...

Но что-то есть...

Загонъ не въ пустую...

Это, безъ сомнѣнія, Яша грохнулъ по волку изъ своего славнаго англійскаго дробовика...

Въ самомъ дѣлѣ, окруженный загонщиками, на дорогѣ лежитъ трофей — не переярокъ, а старый самецъ, огромный, костистый, съ могучими лапами, съ сѣрымъ пушистымъ хвостомъ.

Волкъ раненъ въ пахъ.

Онъ еще живъ и мигаетъ стальными глазами. Загонщики улюлюкаютъ, бьютъ волка дубьемъ, шпыняютъ ногами, плюютъ въ волчью морду, ругаютъ скверными, особенными словами:

— Псяюха!

— Холера!

— Шобъ табя пранцы зъѣли!..

Велика ненависть полѣщука къ волку.

Но раненый волкъ не кричитъ. Раненый волкъ абсолютно не реагируетъ на удары. Обезсиленный, обезоруженный, истекающій кровью, онъ только смотритъ на окружающихъ его счастливыхъ враговъ и смѣется. Смѣется углами губъ, острыми мигающими глазами:

— Ха-ха-ха-ха!.. Кончайте же, смѣлые двуногіе звѣри!.. Кончайте скорѣй!.. Прощай, старый лѣсъ!..

Отъ этого смѣха становится нехорошо на душѣ.

Три револьверныя пули всаживаются волку въ упоръ. Его тянутъ за заднія лапы, волокутъ мордою по землѣ, на которой остается кровавый прерывчатый слѣдъ.

Но волкъ живъ и моргаетъ глазами.

Еще три пули, и волкъ продолжаетъ беззвучно смѣяться — ха-ха-ха-ха, пока ударъ дубиною по головѣ не прекращаетъ его дыханія.

Въ послѣдній разъ улыбнулись лѣсу потухающіе глаза, завертѣлся пушистый хвостъ и волка не стало...

А потомъ былъ завтракъ съ выпивкой, съ шутками, съ веселыми тостами. Плясали левониху перепившіеся полѣщуки, звенѣли серебряныя монетки съ одноголовымъ польскимъ орломъ, звучалъ дробный полѣсскій смѣхъ.

Охотники занялись стрѣльбой по бутылкамъ и картузамъ.

Вельможный панъ Бембъ на Бембновѣ-Бембновскій, стоя на четверенькахъ, сдвинувъ тирольку на ухо, безукоризненно подражалъ волчьему вою.

Дядя Валерьянъ Львовичъ, съ неудачи, отыгрывался на пивѣ...

Высоко стояло полѣсское солнце.

Пахло смолой, богуномъ, дурищей, пряными ароматами лѣса.

И звенѣлъ волчій смѣхъ...

Доброславка. 1928.

КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ

1

Валекъ — другъ дѣтства, сынъ кухарки, вдовы Юзефовой.

Такихъ друзей было нѣсколько, но Валекъ первый изъ нихъ, лучшій изъ нихъ. Валекъ — идеальный товарищъ, который не выдастъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Бывало, вдова стегаетъ его ремнемъ — Валекъ стиснетъ ротъ и молчитъ, не проронитъ ни жалобы, ни одного звука.

Валекъ — замѣчательный мальчикъ. Изобрѣтательность его не имѣетъ предѣла. Онъ все рѣшительно знаетъ, хотя и не учится въ школѣ. Со всѣми онъ въ дружескихъ отношеніяхъ, всѣмъ онъ оказываетъ услуги, и не любитъ только моего репетитора, студента-медика, Алексѣя Михайловича...

Въ день пріѣзда на дачу Валекъ выманилъ меня въ садъ и подарилъ пару сорочьихъ яицъ. Если подложить эти яйца подъ курицу и кормить ее куриными яйцами, говорятъ, будто выходятъ цыплята. А на другой день Валекъ угостилъ меня папиросой и мы сидѣли, укрывшись въ кустахъ, до самаго вечера, наблюдая со смѣхомъ, какъ студентъ бѣгалъ по дачѣ.

— Эти шуточки вамъ не пройдутъ! — встрѣтилъ меня Алексѣй Михайловичъ и задергалъ рыжею бородой. Сквозь зеленыя стекла очковъ блеснули сердитые маленькіе глаза.

— Еще одно подобное развлеченіе и я доложу

вашей матушкѣ! — добавилъ студентъ. — Объясните, чѣмъ замѣчателенъ Мельхиседекъ?

Ахъ, противная личность!

Онъ ненавистенъ мнѣ и отравляетъ существованіе. Днемъ, во время занятій, когда умышленно, иной разъ въ присутствіи матушки, задаетъ неопредѣленные, двусмысленные вопросы. За обѣдомъ, во время игры въ крокетъ, даже вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, когда дымитъ трубкой и рѣшаетъ шахматную задачу.

Даже тогда, когда поднявшись изъ-за стола, прохаживается изъ угла въ уголъ по комнатѣ и напѣваетъ одну и ту же, старую пѣсенку:

„Ахъ, вы, сашки, канашки мои,
Размѣняйте мнѣ бумажки мои,
А бумажки-то всѣ новенькія,
Двадцатипятирублевенькія...“

Валекъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Онъ свободенъ, какъ вѣтеръ, и предоставленъ себѣ цѣлый день. Съ утра Валекъ уходитъ на рѣчку, плещется въ водѣ, ловитъ на удочку окуней, вытаскиваетъ изъ щелей налимовъ и раковъ, шатается по всему парку, сбиваетъ пращой птичьи гнѣзда.

Вотъ сейчасъ, напримѣръ, онъ стоитъ передъ окномъ дачи и дѣлаетъ мнѣ знаки рукой.

— Ахъ, Валекъ, Валекъ!..

Я углубляюсь нарочно въ книгу, но черезъ мгновенье, украдкой, перевожу взглядъ на Валека.

— Денъ! — звучитъ первый звонокъ. Обѣ руки приподымаются, дѣлаютъ кругообразное движеніе, точно колесо паровоза.

— Пфъ-пфъ! — это выпускается паръ, колеса двигаются быстрѣе и поѣздъ скрывается за поворотомъ аллеи.

И я снова одинъ, въ цѣломъ мірѣ, до самаго вечера...

Есть еще одно существо, съ которымъ меня связываетъ тѣсная дружба. Это — панна Ирена, съ со-

сѣдней дачи. Она старше меня на восемь лѣтъ, окончила женскую гимназію, но охотно играетъ со мною въ крокетъ. Однако, въ послѣднее время, за нею ухаживаетъ Алексѣй Михайловичъ, и становится мнѣ окончательно ненавистенъ.

2

Горсть песка, брошенная въ стекло, производитъ знакомый шумъ. Подъ окномъ стоитъ Валекъ и дѣлаетъ, по обыкновенію, знаки рукой. На этотъ разъ, я отрываюсь отъ книги, проскальзываю на крыльцо и мы скрываемся въ паркѣ.

Валекъ, съ таинственнымъ видомъ, не произнося ни одного слова, ведетъ меня за собой. Вотъ старая дача, съ разбитыми окнами, съ провалившейся крышей. Двѣ ночи подрядъ, при свѣтѣ луны, мы искали въ ней кладъ. Она служитъ надежнымъ убѣжищемъ и нѣсколько разъ спасала Валека отъ вдовы Юзефовой.

Валекъ толкаетъ дверь, по сгнившей, трясущейся отъ нашихъ шаговъ лѣстницѣ подымается на чердакъ и останавливается въ темномъ углу. Потомъ, съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ, откидываетъ рогожу и обнаруживаетъ горшокъ, большой, бѣлый, отбитый съ одного края горшокъ, покрытый паутиной и плѣсенью.

— Смотри! — торжествующе говоритъ Валекъ.

Я наклоняюсь, пытливо вглядываюсь и тотчасъ отскакиваю назадъ. Господи, что же это такое?

Я вижу двѣнадцать черныхъ, жирныхъ, лоснящихся крысъ, которыя совершенно спокойно, не выказывая какого-либо испуга или волненія, лежатъ на днѣ горшка, одна подлѣ другой, на подобіе широко раскрытаго вѣера. Онѣ не двигаются, смотрятъ на меня острыми глазками и точно смѣются.

— Посмотри хорошенько! — говоритъ Валекъ.

Я снова склоняюсь и вижу новое чудо. Двѣнадцать длинныхъ тоненькихъ хвостиковъ соединены между собою и образуютъ огромный узелъ... Крысы не мо-

гутъ двигаться... Онѣ срослись своими хвостами и должны лежать неподвижно...

Я смотрю съ изумленіемъ на Валека.

— Это — крысиный король! — объясняетъ мнѣ Валекъ. — Крысиный король, ты понимаешь?.. Это счастье!

И Валекъ разсказываетъ много интересныхъ вещей.

Такой случай происходитъ чрезвычайно рѣдко, одинъ разъ въ сто лѣтъ. Кто увидитъ крысинаго короля, того ожидаетъ удача. Крысиный король пользуется большимъ уваженіемъ у своихъ подчиненныхъ. Крысы приносятъ ему пищу, питье, заботливо, какъ вѣрные подданные, пекутся о всѣхъ удобствахъ. Кто владѣетъ крысинымъ королемъ, того ожидаетъ богатство. Это нужно держать въ глубокой тайнѣ, въ строгомъ секретѣ. Иначе — все пропало!

— Валекъ, подари мнѣ его! — шепчу я взволнованнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я не могу подарить! — говоритъ Валекъ.

У меня есть альбомъ почтовыхъ марокъ, весьма приличная коллекція стальныхъ перышекъ, десятка два рѣдкихъ монетъ. Недавно я пріобрѣлъ волчій зубъ и клѣтку съ настоящимъ живымъ чижикомъ. О, что бы я далъ за крысинаго короля!..

— Нѣтъ, это я не могу подарить! — повторяетъ Валекъ.

— Въ такомъ случаѣ, можешь продать... Милый Валекъ, я дамъ тебѣ четыре злотыхъ?

Валекъ на минуту задумывается:

— Продать мнѣ тоже нельзя!

— Я прибавлю тебѣ перочинный ножикъ?.. Новую зубочистку?.. Я достану тебѣ табаку отъ Алексѣя Михайловича?..

Но Валекъ твердъ, какъ кремень:

— Я не могу! — отвѣчаетъ онъ опечаленнымъ голосомъ. — Я никому не дамъ крысинаго короля!.. Ты понимаешь, это — счастье!..

И мы спускаемся внизъ.

3

Въ теченіе нѣсколькихъ дней крысиный король не давалъ мнѣ покоя. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разжигалось мое любопытство. Я бѣгалъ украдкой на старую дачу, влѣзалъ на чердакъ и цѣлыми часами смотрѣлъ на горшокъ, изъ котораго глядѣли на меня двѣнадцать крысиныхъ мордочекъ.

Ахъ, что бы я далъ за крысинаго короля!..

Однажды, въ воскресенье, по случаю праздника, былъ спектакль. Вечеръ прошелъ съ большимъ оживленіемъ. Была поставлена сказка „Красная Шапочка", въ которой приняли участіе дачные кавалеры и барышни.

Послѣ спектакля начались танцы, подъ открытымъ небомъ, на специальной площадкѣ. Военный оркестръ изъ двухъ десятковъ уланъ, въ синихъ, съ желтымъ околышемъ, лихо надѣтыхъ набекрень шапкахъ, образовалъ кругъ. Музыканты, нѣкоторое время, продували мѣдныя трубы — басы, альты, корнетъ-а-пистоны, разбирали ноты, откашливались. Потомъ, на мгновенье, все смолкло. Толстый капельмейстеръ, съ серебрянымъ шеврономъ на рукавѣ, обвелъ музыкантовъ строгимъ взглядомъ, постучалъ по складному пюпитру, взмахнулъ палочкой — и грянулъ маршъ изъ „Пророка". Потомъ, начался вѣнскій вальсъ, и парочки закружились. Алексѣй Михайловичъ, по обыкновенію, не танцовалъ, ухаживалъ за панной Иреной и не отходилъ отъ нея ни на шагъ.

Я ревновалъ и слѣдилъ за ними исподтишка.

Ревность — если бы вы знали, какое это ужасное чувство?.. Горе тому, кѣмъ оно овладѣетъ!.. Оно не отпускаетъ васъ, оно толкаетъ на страшныя мысли, на преступленіе!..

— Мой бѣдный рыцарь! — замѣтивъ меня, сказала панна Ирена, улыбнувшись своей особой, слегка печальной улыбкой. — Не въ настроеніи?.. Мы, въ самомъ дѣлѣ, кажется, влюблены?

И она ласково потрепала меня по щекѣ своей тоненькой ручкой.

— Ха-ха!.. Онъ влюбленъ! — захохоталъ Алексѣй Михайловичъ. — Онъ влюбленъ! — повторилъ репетиторъ. — Non omnia possumus omnes!.. Нѣтъ, уважаемая панна Ирена, онъ просто объѣлся черникой!

И учтиво склонившись, предложилъ руку паннѣ Иренѣ и усадилъ ее въ парадномъ ряду, возлѣ эстрады.

О, ненавистная личность!..

Я отошелъ въ сторону и, терзаемый бѣшенствомъ, тщетно обдумывалъ планы мести...

Мститель появился съ неожиданной стороны.

Когда начались фанты, ко мнѣ подошелъ Валекъ. Вдова Юзефова нарядила его, какъ куколку, въ короткую курточку съ кружевнымъ воротникомъ. Черезъ плечо у него была пропущена ленточка, а на ней висѣла жестяная коробочка отъ монпансье, съ отверстіемъ посрединѣ. Онъ выглядывалъ, какъ почтальонъ любви, точно Амуръ, передающій влюбленнымъ записки.

Валекъ загадочно улыбается въ мою сторону и нерѣшительно подходитъ къ студенту:

— Фокусъ-покусъ, пане профессоръ! — говоритъ Валекъ.

Алексѣй Михайловичъ хмуритъ брови, поправляетъ очки, отмахивается рукой. Но панна Ирена — милая дѣвушка, славная дѣвушка, смѣясь, говоритъ что-то студенту. Тотъ улыбается.

— Пять грошей, пане профессоръ! — заявляетъ серьезнымъ тономъ Валекъ.

Студентъ достаетъ кошелекъ, протягиваетъ мѣдную монетку и, по указанію Валека, опускаетъ палецъ въ отверстіе.

— А теперь что? — спрашиваетъ Алексѣй Михайловичъ.

— Теперь?.. Теперь надо понюхать, пане профессоръ! — говоритъ Валекъ и, на всякій случай, предусмотрительно отбѣгаетъ. Алексѣй Михайловичъ подноситъ палецъ къ ноздрѣ, нѣсколько мгновеній си-

дитъ въ замѣшательствѣ и, точно ужаленный, срывается съ мѣста.

Но Валека и слѣдъ простылъ.

На другой день, вдова Юзефова стегала его ремнемъ. Валекъ героически перенесъ наказаніе.

Бѣдный другъ, онъ отомстилъ за меня!

Панна Ирена не встрѣчается больше съ студентомъ и, безъ хохота, не можетъ слышать его имени.

4

Прошло не больше недѣли.

И вотъ... Вмѣсто признательности, я отплатилъ моему другу черной неблагодарностью, самымъ неслыханнымъ вѣроломствомъ.

Тайна крысиннаго короля оказалась раскрытой.

Я — виновникъ этого рокового несчастья. Я не сумѣлъ удержать языкъ за зубами и, разжигаемый любопытствомъ, сначала намеками и разспросами, а затѣмъ съ полною отровенностью признался во всемъ репетитору.

Въ тотъ же день, съ тяжелымъ чувствомъ, точно преступникъ, котораго ведутъ на эшафотъ, подымался съ студентомъ на чердакъ старой дачи. Валекъ тихонько слѣдовалъ за нами. Мнѣ было стыдно и я избѣгалъ его взоровъ.

Я осторожно поднялъ рогожу. Раздался крысиный пискъ. Двѣнадцать крысиныхъ мордочекъ тотчасъ уставились на насъ.

Алексѣй Михайловичъ долго, черезъ очки, склонившись надъ самымъ горшкомъ, созерцалъ неожиданное зрѣлище. Потомъ поправилъ очки и сказалъ:

— Необычайно!.. Съ точки зрѣнія факта исключительный случай!.. Гмъ-гмъ... Изумительно!.. Bene valete! Будьте здоровы!

Онъ чихнулъ, высморкался и продолжалъ:

— Необходимо произвести медицинскую экспертизу! Эй ты, крысиный король! — обратился онъ къ

стоявшему на порогѣ Валеку. — Принесешь горшокъ на дачу!.. Понялъ, маленькій негодяй?..

Но Валекъ не отдалъ крысинаго короля.

Когда опустился вечеръ и алый закатъ заигралъ въ вѣткахъ каштановъ, Валекъ выманилъ меня въ садъ. Черезъ четверть часа мы стояли съ горшкомъ возлѣ рѣчки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ такъ ловко брались окуни и держались налимы.

— Валекъ, прости меня! — обратился я къ моему другу и протянулъ руку. — Ты хочешь утопить крысинаго короля?.. Не дѣлай этого, Валекъ... Мы спрячемъ крысинаго короля!

Но Валекъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ поднялъ рогожу, взглянулъ на горшокъ, въ послѣдній разъ прикоснулся къ крысиному королю.

Потомъ, изо всей силы взмахнулъ горшкомъ и закричалъ:

— Прощай, крысиный король!

Горшокъ упалъ на середину рѣки. Нѣсколько короткихъ мгновеній онъ держался еще на поверхности. Потомъ, зачерпнувъ краемъ воду, сталъ медленно погружаться, перевернулся и вскорѣ исчезъ.

Валекъ упалъ на траву и зарыдалъ въ первый разъ въ своей сознательной жизни...

БУТУРЛИНОВКА

Бѣлый, приземистый, крѣпко сколоченный, какъ строили въ доброе старое время, домъ, съ всевозможными дополнительными пристройками, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась семья, съ низенькимъ мезониномъ, съ различными кладовками и чуланами, съ увитой дикимъ виноградомъ верандой, стоитъ на крутомъ берегу Сердобы.

Рѣка огибаетъ петлею усадьбу, переливается золочеными брызгами и лижетъ песчаныя отмели, на которыхъ, съ нѣжнымъ посвистомъ — тіу-тіу, стонутъ и бѣгаютъ кулички.

За рѣкой, верстъ на тридцать, вплоть до Сердобска, тянется заповѣдный дубовый, кленовый, липовый лѣсъ. А по эту сторону, куда ни посмотришь, безъ конца и безъ края, лежитъ пшеничное поле.

— Чей лѣсъ?

— Устиновскій!

— Чье поле?

— Устиновское.

Можно проѣхать десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ — все устиновское. Да, безъ малаго, почти весь уѣздъ устиновскій — богатѣйшихъ саратовскихъ помѣщиковъ, чей достатокъ ведетъ начало отъ дѣда, откупщика временъ николаевскихъ.

Только Бутурлиновка да девятьсотъ десятинъ при усадьбѣ принадлежатъ другому хозяину — отставному гвардіи поручику, Фомѣ Петровичу Бурцеву...

Въ тихій погожій сентябрьскій полдень Фома Петровичъ, по обыкновенію, сидитъ на верандѣ, въ креслѣ-качалкѣ, и посасываетъ пѣнковую трубку.

Мысли его въ пространствѣ.

Взоры безучастно скользятъ по фруктовому саду, въ которомъ весной такъ изступленно заливаются соловьи, по каменной кладкѣ амбаровъ, конюшенъ, молочной фермы, по ясному васильковому небу съ легкой кавалеріей облачковъ.

Губы, точно заржавленная труба, наигрываютъ старый военный сигналъ — тръ-тръ-тра-та-та, или мелодію давно забытой цыганской пѣсни, или слова опереточнаго куплета:

„Мой люби-мый ста-рый дѣдъ,
Волочился двад-цать лѣтъ,
Клятву вѣр-ности да-ва-алъ,
Свою Лезерль цѣ-ло-ва-алъ...“

Иногда мысли его возвращаются къ дѣйствительности и, замѣтивъ мелькнувшую на дворѣ босоногую дѣвку, Фома Петровичъ кричитъ:

— Эй, Грунька, позовешь Талимана!.. А что, барчуковъ нѣтъ?.. Чай, обѣдать пора, куда дѣлись, паскудники?.. Да погоди, глупая дѣвка, квасу велишь подать!

На немъ просторный чесучевый пиджакъ и панталоны такого размѣра, въ которыя можно упрятать добраго кабана. Фома Петровичъ самъ похожъ нѣсколько на кабана, грузный, коротконогій, короткошеій, съ объемистымъ чемоданомъ. Лицо его въ шишкахъ, на головѣ жесткая сѣдая щетина, а маленькіе глаза смотрятъ добродушно и ласково.

Давнымъ-давно разстался Фома Петровичъ съ гвардейскимъ полкомъ, сталъ помѣщикомъ, остепенился, женился на Екатеринѣ Павловнѣ, наплодилъ кучу дѣтей и доживаетъ дни въ родной Бутурлиновкѣ. Дѣтей, одного за другимъ, еще въ отрочествѣ, прибралъ къ себѣ Господь Богъ. Только осталась замужняя дочка,

Ина Фоминишна, да младшій сынокъ, любимецъ и баловень, гусарскій корнетъ Юрка.

Въ сентябрѣ, когда кончаются кавалерійскіе сборы, Юрка пріѣзжаетъ на мѣсяцъ въ деревню. Обычно прихватываетъ съ собою кузена — гардемарина Чарли, Жанчика и меня.

И мы рѣжемся въ карты, или скачемъ съ борзыми за зайцами, или выѣзжаемъ въ поле на дрофъ...

Фома Петровичъ тоже когда-то былъ охотникомъ и борзятникомъ.

Да, впрочемъ, кѣмъ онъ только не былъ на своемъ долгомъ вѣку? Поручикомъ гвардіи имѣлъ страстишку къ столичнымъ клубамъ, къ цыганщинѣ, къ императорскому балету. Три года содержалъ первую танцовщицу, Новикову 2, весьма одобрялъ француженокъ изъ Михайловскаго театра, стрѣлялся четырежды на дуэли, потомъ вышелъ въ отставку и одно время былъ предводителемъ.

Укатали сивку крутыя горки и сейчасъ, на шестьдесятъ пятомъ году, Фома Петровичъ только вспоминаетъ, бывало, свои петербургскія приключенія. Отяжелѣлъ Фома Петровичъ, опустился, обрюзгъ, въ поясницѣ стрѣляетъ, ноги стали плохо держать. И если осталась для него радость — это баночка особой настойки — „еже монаси пріемлятъ“ — передъ обѣдомъ, да карточный столикъ.

Екатерина Павловна, маленькая, кругленькая, подстать старику, но удивительно подвижная и сохранившаяся старушка, занята хозяйствомъ и фермой. Продукты поставляются въ лучшій гастрономическій магазинъ Саратова, что на Нѣмецкой улицѣ, и въ ресторацію сада Очкина. Это даетъ хорошій барышъ и, независимо, цѣлыя горы, въ обмѣнъ, всевозможныхъ гастрономическихъ тонкостей, начиная отъ зернистой икры, балыковъ, устрицъ и прочаго.

Старики любили покушать съ большимъ разумѣніемъ. На этотъ счетъ въ Бутурлиновкѣ дѣло было поставлено образцово. Обѣдъ еще начинается, а уже

сыть по горло однѣми закусками. А что касается водокъ, наливокъ различныхъ сортовъ, дреймадеры, малаги, токайскаго — это уже, само собой разумѣется, не поддается опредѣленію...

Тихо, спокойно текутъ дни въ Бутурлиновкѣ, отъ ѣды къ картамъ, отъ выпивки къ псовой, къ ружейной охотѣ, къ шутливой бесѣдѣ, къ анекдотамъ, до которыхъ большой любитель Фома Петровичъ.

На тройкѣ собственнаго завода пріѣзжалъ изъ пензенской губерніи зять — Василій Васильевичъ, бывшій Царвскій гусаръ, мужчина атлетическаго сложенія. Пріѣзжалъ въ единственномъ числѣ, ибо Иночка, по причинѣ вѣчной беременности, не отлучалась изъ дома.

Василій Васильевичъ показывалъ фокусы — выпивалъ однимъ духомъ кувшинъ кахетинскаго или крюшона, гнулъ подковы, разрывалъ карточную колоду, изъ кочерги сплеталъ императорскій вензель...

Какъ-то верхомъ прискакала Зина Волконская. Провела только сутки, закрутила, взбаламутила всѣхъ, перессорила между собой и умчалась...

По воскреснымъ днямъ къ обѣденному столу появляется бывшій помѣщикъ Юматовъ и отецъ Семенъ. Петръ Ивановичъ Юматовъ, маленькій, сухенькій человѣкъ, въ выслужившемъ всѣ сроки сюртучкѣ черного драпа, горчайшій пьяница, изъ милости служитъ на мельницѣ, на полныхъ харчахъ и на жалованье въ тридцать цѣлковыхъ. За обѣдомъ держитъ себя смиренно, безмолвствуетъ, сидитъ на кончикѣ стула, отвѣчаетъ на шутки съ какимъ-то испугомъ.

Отецъ Семенъ жалуется обычно на поповскую долю.

Эхъ, что за доля!.. Отецъ былъ попомъ и дѣдъ былъ попомъ, ну и отдали, стало быть, въ семинарію... А между тѣмъ, влеченіе къ реализму, къ натурализму, къ наукамъ естественнымъ, къ теоріи господина Дарвина... Какъ совмѣстить съ божественнымъ, съ ученіемъ

о душѣ человѣческой, со святыми легендами и загробною жизнью?..

— Разстригусь я, Фома Петровичъ! — говоритъ батюшка. — Не могу больше, видитъ Богъ, не могу!

И точно, разстригся вскорѣ молодой попъ Семенъ и подался изъ саратовской губерніи въ мѣста отдаленныя, за Уралъ...

Какъ-то нагрянули цѣлой компаніей, за сорокъ верстъ, къ пензенскимъ помѣщикамъ Хвощинскимъ.

Осматривали конскій заводъ, дѣлали выводку, гоняли на кордѣ племенныхъ матокъ и жеребцовъ.

Устроили облаву на волковъ, переходили изъ острова въ островъ.

На другой день травили съ гончими зайцевъ и лисъ, а послѣ завтрака поочередно признавались въ любви восемнадцатилѣтней Аничкѣ, плѣнившей насъ окончательно своей смѣлой ухваткой, съ каковой, въ мужскомъ костюмѣ, который ей удивительно шелъ, обскакивала насъ на бѣломъ арабѣ.

Помню добрыхъ хозяевъ, съ такимъ широкимъ, истинно русскимъ радушіемъ, открывавшихъ ворота усадьбы и двери стараго насиженнаго екатерининскаго гнѣзда, въ которомъ, на парадномъ простѣнкѣ барскаго кабинета, въ тяжелой орѣховой рамѣ, висѣлъ портретъ въ масляныхъ краскахъ, въ натуральную величину, въ бѣломъ мундирѣ, при латахъ, съ золотой кирасирскою каской въ рукѣ.

Помню, что старшій сынъ, получивъ титулъ графа Головкина-Хвощинскаго, покинулъ вскорѣ пензенскую губернію. А младшій, красавчикъ Вася, едва нацѣпивъ эполеты уланскаго офицера, умчался въ Манчжурію и сложилъ голову въ первой же стычкѣ съ японцами...

Но вотъ снова тройка киргизовъ, несущая насъ полнымъ махомъ домой, съ получасовой остановкой на серединѣ дороги... За тройкой клубится мелкая черноземная пыль, точно заволакивающая образы пере-

житого... По бокамъ — неподвижная степь, застывшая подъ ласками солнца, съ пряным запахомъ мяты, ромашки и ковылей, съ безконечными далями, съ распластавшимся кобчикомъ въ синевѣ неба...

Тройка мчится и скачетъ... Заливаются бубенцы... Пристяжныя, отвернувъ круто головы, летятъ, точно рыжіе дьяволы...

Еще остается какая-нибудь верста — и блеснетъ золото Сердобы, и покажется снова край бѣлаго бутурлиновскаго дома, съ садомъ, съ верандой, съ кресломъ-качалкой, съ просторной фигурой Фомы Петровича, въ чесучевомъ костюмѣ, съ пѣнковой трубкой во рту...

Сегодня рѣшено выѣхать въ поле.

Пара добрыхъ конягъ, заложенныхъ въ обыкновенную, набитую сѣномъ телѣгу, съ кучеромъ Талиманомъ, съ четырьмя молодыми охотниками, мѣрно потрухиваютъ по большаку.

Отъѣхавъ отъ Бутурлиновки версты полторы, минуя деревню того же названія, Талиманъ сворачиваетъ направо, прямо на цѣлину съ сжатой пшеницей.

Колеса врѣзаютъ грудь жирнаго чернозема, скребутъ по рыжей, смоченной росою щетинѣ, оставляя далекій слѣдъ. Кони пофыркиваютъ, съ усиліемъ тянутъ телѣгу, временами пріостанавливаются.

Тогда Талиманъ, безъ кнута, подбадриваетъ ихъ голосомъ:

— Эй, лебеди!.. Го-го-го-го!... Эй, любезные!.. Эй, голуби сизокрылые!.. Го-го-го-го!..

И кони, напружась, подхватываютъ телѣгу и выносятъ изъ ложбины на взгорье...

Свѣжее сентябрьское утро еще не распахнуло свои одежды.

Уже побѣлѣлъ мѣсяцъ и гаснутъ звѣзды одна за другою. Но небосклонъ еще теменъ и сѣръ. Только на востокѣ чуть обозначилась блѣдная лента, и точно

ширится съ каждымъ мгновеньемъ, и заливаетъ сонное поле тусклымъ, матовымъ свѣтомъ.

Талиманъ покрикиваетъ на коней, взглядываетъ на небо и выводитъ жиденькимъ голосомъ:

„Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, сиротъ бѣдны-ихъ,
Солдатъ бѣглы-ихъ !..“

И въ самомъ дѣлѣ, блеснулъ зажеппый чьей-то рукою огонь, разлился по полю, разбросалъ золоченыя искры, оживилъ, ослѣпилъ, разбѣжался по небу и засверкалъ радостнымъ, торжественнымъ окомъ.

Сразу повѣяло сладкимъ тепломъ, заголубѣло, прояснились полевые просторы... И вотъ, уже видно — впереди, направо, налѣво, со всѣхъ сторонъ, цѣлыя стаи, точно отары овецъ, какихъ-то огромныхъ, медлительно пасущихся птицъ, съ бѣлыми отъ солнечнаго свѣта грудями...

Дрофа — дикій индюкъ черноземныхъ полей, чуткая, сторожкая птица.

Промышленники бьютъ ихъ обычно глубокою осенью, когда послѣ дождей ударитъ сразу морозъ, скуетъ крылья и птицѣ не подняться на воздухъ.

Въ сентябрѣ лучше всего бить ихъ съ подъѣзда.

Талиманъ останавливаетъ коней. Изъ телѣги вынимается погребецъ, извлекаются домашніе пирожки, яйца, сардины, бутылки, и тутъ же, балагуря и смѣясь, опрокидывая рюмку за рюмкой, охотники обсуждаютъ планъ дѣйствій.

Складки мѣстности, освѣщеніе, направленіе вѣтра, какъ протянуть цѣпь, съ какой стороны лучше подъѣхать, наконецъ, численность стада — все принимается во вниманіе. Лучше всего стадо среднихъ размѣровъ. Къ одиночкамъ и парамъ подъѣзжать очень трудно...

И вотъ, снова ползетъ набитая сѣномъ телѣга, и одинъ за другимъ, скатываясь съ наружнаго края, охотники плотно прилегаютъ къ землѣ.

Я продолжаю сидѣть съ Талиманомъ въ телѣгѣ и постепенно, не обращая вниманія и даже не глядя на стадо, медленно продвигаюсь впередъ, огибаю пасущихся птицъ и, въ концѣ концовъ, становлюсь въ створъ между охотниками и ими.

Можно сдѣлать еще одинъ кругъ, еще ближе подъѣхать къ дрофамъ. Но стоитъ-ли терять время при такомъ изобиліи, да и охотничье сердце не выдерживаетъ.

— Пора, баринъ! — подаетъ глазами знакъ Талиманъ, и я соскакиваю съ телѣги и съ двустволкой въ рукѣ мчусь полнымъ ходомъ на птицъ.

Прежде всего, вижу, какъ часовой, стоящій нѣсколько въ сторонѣ, высоко поднявъ голову, издаетъ тревожный крикъ. Стадо, въ свою очередь, подымаетъ головы, лѣниво отрывается отъ кормежки и начинаетъ уходить отъ меня. Разстояніе уменьшается, и птицы, какъ огромные гуси, переваливаясь съ боку на бокъ, уже бѣгутъ.

Но разстояніе все-таки уменьшается.

Остается не больше полутораста шаговъ.

Птицы бѣгутъ все быстрѣй, наконецъ, тяжело отдѣляются отъ земли. Въ этотъ моментъ, вдогонку, гремятъ два выстрѣла крупной дробью:

— Бахъ-бахъ!

Стадо подымается на воздухъ. Но одна птица низко стелется надъ сжатымъ полемъ и падаетъ. Остальныя летятъ на охотниковъ. Если послѣдніе хорошо скрыты, будутъ еще трофеи. Если охотники обнаружены, дрофы подымаются высоко на воздухъ или уходятъ стороною.

— Бахъ-бахъ-бахъ! — гремитъ цѣлый рядъ выстрѣловъ.

И я вижу, какъ отдѣлившись отъ стада, въ странной изломанной позѣ, двѣ птицы падаютъ камнемъ на землю. Это Юрка — великолѣпный стрѣлокъ, спустилъ ихъ дуплетомъ.

Третья — огромный дрофичъ съ перебитымъ крыломъ, снижается на подобіе парашюта, стоитъ на землѣ,

бьетъ здоровымъ крыломъ и шипитъ, наступая на подбѣжавшаго Жанчика.

Гардемаринъ Чарли, по близорукости, далъ выстрѣлъ съ дальняго разстоянія, безъ результата...

Спокойно и тихо текутъ дни въ Бутурлиновкѣ, отъ ѣды къ картамъ, къ охотѣ, къ поѣздкамъ по ближайшимъ сосѣдямъ — Волконскимъ, Слѣпцовымъ, Лодыженскимъ, пока не проползетъ мѣсяцъ...

Осень, золотая черноземная осень, надвинулась уже вплотную. Порѣдѣли замѣтно лѣса. Вѣтеръ гонитъ и кружитъ по степи перекати-поле. Подаются на югъ дикіе гуси и журавли.

И вотъ, уже сборы къ отъѣзду, и стоитъ киргизская тройка у веранды бѣлаго дома, и бьетъ некованымя копытами по сухой землѣ.

И по очереди обнимаетъ всѣхъ старый Фома Петровичъ, и щекочетъ щеки жесткой щетиной, и сморкается въ клѣгчатый платокъ... Увидимся-ли въ слѣдующемъ году?.. Конечно, увидимся!.. Пріѣзжайте же, паскудники, не забывайте!.. Будемъ отыгрываться!..

Какъ женщинѣ, Екатеринѣ Павловнѣ умѣстно оросить щеки слезами... И стоятъ старики на верандѣ бѣлаго дома и машутъ платками, пока тройка не скроется за поворотомъ...

Не отыгрался Фома Петровичъ и прибралъ Господь Богъ его многогрѣшную душу къ себѣ. А за нимъ, черезъ какой-нибудь годъ, послѣдовала и добрая Екатерина Павловна.

Еще черезъ годъ палъ доблестной смертью героя молодой мичманъ Чарли, въ бою подъ Цусимой.

Не знаю, что стало съ другими — съ Жанчикомъ, съ синеглазою Аничкой, съ Талиманомъ... Не знаю, что стало съ бѣлымъ бутурлиновскимъ домомъ на берегу Сердобы, по которому съ нѣжнымъ посвистомъ — тіу-тіу — стонали и бѣгали кулички.

А корнетъ Юрка дослужился до чина полковника, воевалъ на великой войнѣ, громилъ съ конницей Гая поляковъ и скончался отъ сыпняка, въ должности начальника красной конной дивизіи, въ Узбекистанѣ...

КЛО

Образовательное путешествіе

1

Въ маѣ смѣются бульвары.

Смѣются въ столицахъ и въ городахъ, въ больщихъ стратегическихъ центрахъ и въ маленькихъ гарнизонахъ, расположенныхъ на самой границѣ. Смѣются вездѣ, гдѣ только можно смѣяться, улыбаться майскому солнцу и небу.

Бульваръ, на которомъ каштаны выкинули первыя свѣчи, пересѣкаетъ городъ насквозь. Онъ невеликъ, однимъ концомъ упирается въ Нѣманъ, другимъ въ православный соборъ и не лишенъ, въ общемъ, поэтическаго очарованія. Съ утра до поздняго вечера бульваръ оживленъ смѣхомъ, улыбками, а когда солнце опускается за Зеленую Гору, начинаетъ шептать тихія сказки и засыпаетъ...

— Сейчасъ хорошо въ Парижѣ! — замѣчаетъ Перепелицынъ.

О, въ маѣ вездѣ хорошо! Въ столицахъ и въ городахъ, въ глухихъ отцовскихъ усадьбахъ и въ міровыхъ центрахъ, закутанныхъ паутиной желѣзныхъ дорогъ. Заграницей, впрочемъ, я не бывалъ, если не считать поѣздки къ инстербургскимъ уланамъ двѣнадцатаго полка.

Представьте русскую депутацію, парадный, съ солидной нагрузкою, завтракъ, заздравныя рѣчи и, въ

заключеніе, полковое ученье въ честь приглашенныхъ гостей?

Все было хорошо до тѣхъ поръ, пока старый прусскій драбантъ не вынесъ меня изъ строя и не заставилъ, въ новыхъ чакчирахъ, на скользкомъ, какъ угорь, сѣдлѣ, съ рискомъ, на посрамленіе арміи, ежеминутно свалиться, продѣлать съ прусскимъ уланскимъ полкомъ полковое ученье въ качествѣ замыкающаго унтеръ-офицера.

Мои мысли отвлекаются въ сторону...

Между тѣмъ, Перепелицынъ продолжаетъ говорить о Парижѣ, точно въ самомъ дѣлѣ это какой-то особенный городъ, не имѣющій равнаго себѣ въ мірѣ. Онъ соблазняетъ поѣздкой, говоритъ что-то о Луврѣ и гробницѣ Наполеона, объ искусствѣ, цивилизаціи, великихъ достиженіяхъ галльской культуры и о многомъ другомъ.

Перепелицынъ — удивительный человѣкъ.

Онъ уменъ, дерзокъ, находчивъ. Спорить съ нимъ невозможно. Онъ уничтожаетъ не столько аргументами, сколько апломбомъ и какой-то внутренней силой. Его цинизмъ не имѣетъ предѣла. Я замѣтилъ, что подобные люди нравятся женщинамъ.

Какъ въ каждомъ человѣкѣ, есть въ немъ, конечно, и слабости.

Такъ напримѣръ, не взирая на безпринципность и грубоватость натуры, онъ имѣетъ какое-то необъяснимое тяготѣніе къ аристократизму, къ звонкимъ родовымъ титуламъ, ко всему тому, что принято именовать „хорошимъ тономъ“, бонтонностью, и не столько во внутреннемъ содержаніи, сколько во внѣшнихъ его проявленіяхъ.

Этимъ, между прочимъ, объясняется и прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ онъ ходатайствовалъ о перемѣнѣ своей скромной птичьей фамиліи Перепелицына на Орлицына.

Въ натурѣ Перепелицына наблюдаются странныя противорѣчія.

Онъ не пропуститъ ни одной торжественной службы

въ кафедральномъ соборѣ, ни одного праздничнаго визита къ сколько-нибудь вліятельнымъ лицамъ, начиная отъ супруги начальника губерніи, кончая женой адъютанта дивизіоннаго штаба. Въ то же время, не скрываетъ своего равнодушія къ вопросамъ религіознаго культа и обычной морали.

Въ присутствіи постороннихъ онъ можетъ небрежнымъ жестомъ швырнуть лакею на чай сторублевый билетъ и одновременно забываетъ денежныя обязательства по отношенію къ своему цирюльнику, сапожнику и портнымъ.

Наконецъ, онъ не убьетъ комара, усѣвшагося ему на щеку, и способенъ, кажется, не сморгнувъ глазомъ, умертвить человѣка.

Но это только такъ, къ слову.

По моему убѣжденію, въ какой-нибудь Турціи Перепелицынъ могъ бы стать Энверъ-беемъ, съ которымъ, кстати, со временъ триполитанской кампаніи, былъ близко знакомъ и поддерживалъ тѣсную связь. Въ Персіи легко бы сталъ Риза-ханомъ. Въ любезномъ отечествѣ исторія отвела Перепелицыну сравнительно скромное мѣсто. Онъ дослужился лишь до чина полковника и по причинѣ, не подлежащей въ данномъ случаѣ оглашенію, былъ уволенъ въ отставку.

Но я снова отвлекся въ сторону...

Каковъ былъ, однако, заключительный результатъ нашей бесѣды на бульварѣ, въ майскій солнечный день?

Очень простой.

Черезъ три дня мы сидѣли въ вагонѣ международнаго поѣзда и совершали образовательную прогулку.

2

О, въ старое доброе время такая прогулка не представляла большихъ затрудненій!

Ни паспортовъ, ни тѣмъ болѣе визъ, не существо-

вало для военнаго человѣка, стоявшаго на границѣ. И единственный документъ заключался въ легитимаціонномъ билетѣ, пріобрѣтаемомъ въ магистратѣ за одну копѣйку.

Одну золотую копѣйку!..

Я не буду останавливаться на путевыхъ впечатлѣніяхъ. Все протекло слишкомъ быстро, чтобы быть запечатлѣннымъ въ мозгу.

Берлинъ — эта гигантская фабрика, эта огромная раскаленная на солнцѣ казарма, съ зеркальнымъ асфальтомъ панелей и мостовыхъ, съ надземными и подземными, летящими по всѣмъ направленіямъ поѣздами, съ пивомъ, съ сигарами, съ липами, съ марширующими колоннами и патріотическими манифестаціями, оглашающими столицу кликами „Вахтъ амъ Рейнъ!" — проскочилъ точно въ фильмѣ. Порядокъ и чистота, система, закономѣрность, все разсчитано до ничтожнаго винтика, въ этомъ удивительномъ механизмѣ, который называется нѣмцемъ.

— Halt! — говоритъ Перепелицынъ. — Ты сейчасъ убѣдишься!

Онъ энергично харкаетъ на асфальтъ и впивается въ шуцмана своими наглыми, насмѣшливыми глазами.

Но шуцманъ невозмутимо смотритъ на насъ и — хоть бы что! — совершенно не реагируетъ. Можетъ быть май, можетъ быть иная причина сверлитъ его коротко стриженую башку подъ лакированной каской?

Вечеромъ наблюдали въ Винтергартенѣ — Клео де Меродъ. Ту самую Клео, знаменитую танцовщицу, любовницу стараго бельгійскаго короля и изобрѣтательницу прически, за которой, какъ утверждаютъ, скрываетъ поврежденное ухо. Она кривляется передъ нами на сценѣ и, право, не такъ хороша, какъ изображается на портретахъ.

Въ Лунапаркѣ катались на американскихъ горахъ, плыли по бушевавшему „океану", кружились въ „чортовомъ колесѣ", пока не стало мутить. Перепелицынъ очень ловко швырялъ въ цѣль глиняные шары —

и человѣкъ, лежавшій на койкѣ, при одобрительномъ хохотѣ нѣмцевъ — „Доннерветтеръ!.. Ганцъ коллоссаль!“, поминутно шлепался въ воду.

Вь общемъ, было превесело.

На другой день скорый поѣздъ, де-цугъ, уноситъ насъ по направленію къ Брюсселю.

Я не буду описывать и бельгійской столицы. Это длинно и утомительно. Обращу вниманіе лишь на „Манекенъ-Висъ“ — оригинальный фонтанъ съ мальчуганомъ и струйкой воды, возлѣ котораго, съ невозмутимыми лицами, съ кодаками въ рукахъ, вѣчно топчутся худыя, большезубыя англичанки.

Но вотъ, проводивъ, съ дипломатами и представителями короны, американскаго эксъ-президента Рузвельта, мы снова сидимъ въ вагонѣ экспресса. То наблюдаемъ унылый бельгійскій пейзажъ, то извлекаемъ складныя шахматы и начинаемъ „гамбитъ коня“, то копаемся въ дорожной корзинкѣ съ паштетами, фаршированными цыплятами, виноградомъ.

Поѣздъ, пожирая пространство, мчится съ молніеносною быстротой. Столица все ближе и ближе. Четырехчасовый перегонъ протекаетъ почти незамѣтно. Сидящій въ купэ черноволосый французъ ежеминутно высовывается въ окно, поводитъ носомъ, втягиваетъ запахъ бензина и кричитъ:

— Са сэ Пари!

Восемь лѣтъ онъ провелъ на изысканіяхъ въ Аргентинѣ и сейчасъ возвращается на родину. Его чувства вполнѣ объяснимы. Но я не могу все же понять, чтобы запахъ бензина могъ доставить человѣку такое острое наслажденіе.

3

— Са сэ Пари!

Въ этой фразѣ таится глубокое содержаніе.

Всего недѣлю тому назадъ, когда мы сидѣли съ

Перепелицынымъ на бульварѣ — это было одно. Сейчасъ — совсѣмъ другое. Только одна недѣля — и я окунулся въ совершенно иной міръ, прекрасный, роскошный и увлекающій, въ міръ невиданной красоты и несказаннаго блеска.

— Это — Парижъ! — говорю я и смотрю на смѣющіеся бульвары, на отели, на рестораны, кафэ, на молодую, нарядную, жизнерадостную толпу...

— Это — Парижъ! — говорю я, наблюдая сверканье драгоцѣнныхъ камней въ витринахъ улицы Пэ, бѣгъ многотысячныхъ автомобилей въ Елисейскихъ Поляхъ, галопъ граціозныхъ амазонокъ и кавалеровъ въ аллеяхъ Булонскаго лѣса...

И всюду запахъ, опьяняющій, одуряющій парижскій букетъ, составленный изъ смѣси каштановъ, бензина и угля, ароматъ своеобразнаго Лоригана Коти, не имѣющій подобнаго въ мірѣ...

— Я покажу тебѣ Парижъ! — говоритъ Перепелицынъ и тянетъ меня на знаменитую Башню, длиннымъ, тонкимъ, отовсюду виднымъ гвоздемъ вонзающуюся въ пепельно-синее парижское небо.

Въ Перепелицынѣ я нахожу незамѣнимаго спутника. Трудно представить себѣ болѣе практичнаго, авторитетнаго человѣка, разбирающагося въ любой обстановкѣ, всезнающаго, всевѣдущаго, образцоваго гида, остроумнаго собесѣдника, съ которымъ такъ близко свела меня судьба въ эти парижскіе дни. Передъ достоинствами этого человѣка я начинаю положительно преклоняться.

И мы подымаемся на верхушку и, по примѣру многихъ туристовъ, оставляемъ свои автографы на стѣнѣ.

Дивный, совершенно неизгладимый видъ — стальная лента рѣки съ своими двадцатью шестью мостами, дворцы и храмы, нѣжная зелень бульваровъ, изумруды садовъ и сѣрый гранитъ, въ блеклой дымкѣ вечерняго марева — разстилается передъ взорами...

Потомъ, взявшись подъ руки, чтобы случайно не

разойтись въ этомъ человѣческомъ муравейникѣ, колесимъ по бульварамъ, присаживаемся въ попутномъ „кафэ-біаръ“, и снова гранимъ панели волшебнаго города, пріобщаясь къ его лихорадочно бьющему пульсу, заражаясь его настроеніемъ.

Маленькій номерокъ, съ двумя, рядомъ поставленными, на супружескій образецъ, кроватями, въ „Грандъ Отель дю Глобъ“, на бульварѣ Страсбургъ, въ самомъ центрѣ столицы, принимаетъ насъ подъ свои уютные своды.

Черезъ часъ заходимъ въ кафэ Пигаль.

— Стой! — говоритъ Перепелицынъ. — Я угощу тебя настоящею французскою кухней!

Я повинуюсь и черезъ десять минутъ жую улитокъ и кролика. Говоря откровенно, я не нахожу въ этомъ блюдѣ изысканной парижской кулинаріи особыхъ достоинствъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что обыкновенный карбонадъ изъ телятины или свинины много питательнѣй и вкуснѣе. Но мнѣ не хочется вызвать презрительной усмѣшки Перепелицына, ни тѣмъ болѣе нанести оскорбленіе его тонкимъ, аристократическимъ чувствамъ.

Такъ или иначе, настроеніе превосходное.

За бутылкой вина обсуждаются планы на завтрашній день.

Прежде всего, слѣдуетъ посѣщеніе Лувра. Потомъ — визитъ къ инвалидамъ, на поклоненіе праху великаго корсиканца. Затѣмъ, кратковременный отдыхъ и завтракъ въ извѣстномъ, воспѣтомъ Золя, биржевомъ ресторанѣ Шампо, въ которомъ биржевики, послѣ удачныхъ сдѣлокъ, ѣдятъ лягушекъ подъ бѣлымъ соусомъ и пьютъ душистый барзакъ № 12.

Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ Перепелицынъ и мнѣ остается только принять это къ свѣдѣнію.

Потомъ — посѣщеніе Большого Салона, съ живописью міровыхъ знаменитостей и геніальной скульпту-

рой Родэна, поѣздка на скачки въ Отейль, посѣщеніе премьеры въ „Фоли Бержеръ“ или въ „Олимпіи“...

Галлерея Грэвена и Люксембургскій музей...

Поѣздки въ Сенъ-Клу, въ Версаль, въ Мальмезонъ...

Господи, да развѣ перечислить программу, которая ляжетъ въ основу двухнедѣльной образовательной прогулки!..

4

Но вотъ, за сосѣдній столикъ садится дѣвушка.

Одѣта она со вкусомъ, свойственнымъ каждой парижской женщинѣ. На матовомъ лицѣ, точно звѣзды, горятъ большіе глаза, съ изумительными, напоминающими опахало, рѣсницами.

Перепелицынъ приподымается и произноситъ взволнованнымъ шопотомъ:

— Тьенъ!.. Это несомнѣнно графиня де Гизъ!

Но это не графиня де Гизъ, а скромная, совершенно нетитулованная малютка съ бульвара Пуассоньеръ, одно изъ тѣхъ прелестныхъ созданій, которыя украшаютъ Парижъ, какъ украшаетъ драгоцѣнный алмазъ золотое колечко.

Мы знакомы всего десять минутъ. Между тѣмъ, кажется будто знакомы уже давно. Существуютъ удивительныя натуры, которыя располагаютъ съ первой же встрѣчи, съ первыхъ произнесенныхъ словъ, которыя привлекаютъ интонаціей голоса, какою-то прирожденной, совершенно непередаваемою манерой, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что составляетъ истинное очарованіе.

Кло улыбается, шаловливо чокается бокаломъ, щебечетъ своимъ коралловымъ ротикомъ, опаляетъ глазами. Время летитъ такъ незамѣтно и такъ сладко становится на душѣ, точно самъ ангелъ слетѣлъ съ ночного парижскаго неба и озарилъ городъ улыбкой...

Часъ или два, можетъ быть, больше промелькнули въ углу, затѣненномъ трельяжемъ, за небольшимъ сто-

ликомъ, на который расторопный гарсонъ успѣлъ подать не одну бутылку вина.

Уже одинъ за другимъ посѣтители покидаютъ кафэ, а усталые музыканты дѣлаютъ антракты все болѣе продолжительными.

Уже гасли дополнительные рожки во внутреннемъ залѣ, а разсчетливый мэтръ, подводя общій итогъ, стоялъ у выручки и щелкалъ на счетахъ костяшками.

И вотъ, нѣсколько охмелѣвшій Перепелицынъ неожиданно вытягиваетъ изъ кошелька серебряный рубль, смотритъ на меня и многозначительно произноситъ:

— Орелъ или рѣшка?

Я, въ свою очередь, съ удивленіемъ смотрю на него. Перепелицынъ подмигиваетъ мнѣ глазомъ и смыслъ фразы дѣлается понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ насъ, кажется, становится лишнимъ. На мгновенье, въ сердцѣ закрадывается колючее чувство — жалость, смущеніе, возмущеніе, стыдъ. Но я быстро оправляюсь и говорю:

— Орелъ!

Перепелицынъ подбросилъ монету. Кло разсмѣялась: „Рьенъ не ва плю!“ и накрыла серебряный рубль своей маленькой, совершенно дѣтской ладошкой. Затѣмъ отняла ручку, недоумѣнно взглянула — и точно, двуглавый русскій орелъ, съ широкими крыльями, побѣдоносно смотрѣлъ на меня.

— Твое счастье! — произнесъ Перепелицынъ. — Везетъ, какъ утопленнику! — добавилъ онъ дѣланнымъ тономъ, выпилъ остатки вина, закурилъ сигару и, сдѣлавъ галантный жестъ, удалился...

Посидѣвъ четверть часа, я вышелъ съ Кло на бульваръ.

Было поздно. Одна за другой гасли свѣтовыя рекламы. Жизнь гигантскаго города замирала.

Медленными шагами мы брели по бульвару, продолжая поддерживать на минуту прерванный разговоръ, временами пріостанавливаясь, пропуская мимо себя

торопливо пробѣгавшія парочки, чутко прислушиваясь къ ночному дыханію и звукамъ Парижа.

Кло занимаетъ меня бесѣдой, съ дѣтской наивностью признается въ своихъ симпатіяхъ къ русскимъ. О, да, ей извѣстенъ немножко этотъ великій народъ, съ которымъ ея страна состоитъ въ тѣсномъ союзѣ... Les alliès, не правда-ли?.. Она читала кое-что изъ русской литературы, знаетъ немножко великихъ русскихъ поэтовъ... Лео Достой... Теодоръ Толстоевски... Ахъ, что бы она дала посмотрѣть хотя бы однимъ глазкомъ на Россію!..

Меня трогаетъ эта милая, забавная болтовня. Я умышленно замедляю шаги, съ улыбкой взглядываю на Кло, беру ея маленькую ручку. Я провожаю ее до самой квартиры, въ районѣ Мадлэнъ, долго прощаюсь и въ отвѣтъ, опаляемый взглядомъ, слышу заглушенный смѣшокъ и полушутливое, полусмущенное:

— A demain!..

5

Когда я вспоминаю встрѣчу въ кафэ Пигаль, сердце мое сжимается отъ горечи и сомнѣній.

Могъ-ли я хотя бы на минуту повѣрить, что эта встрѣча оставитъ въ душѣ моей слѣдъ, что образъ дѣвушки съ бульвара Пуассоньеръ долго будетъ стоять передъ глазами, вотъ какъ сейчасъ, когда я пишу эти строки и мои мысли переносятся въ великій городъ на Сенѣ?

Ахъ, не нужно было ни этой встрѣчи, ни этихъ бесѣдъ, ни всего того, что онѣ дали моему болѣзненному, романтически настроенному воображенію!..

Перепелицынъ золъ на меня.

Уже съ утра онъ даетъ это чувствовать. Онъ видитъ во мнѣ счастливца, обласканнаго судьбой. Его эгоистическая натура этого не переноситъ. Между нами пробѣжалъ холодокъ и отношенія нѣсколько измѣнились.

Едва проснувшись, онъ закидалъ меня градомъ интимныхъ, совершенно недопустимыхъ вопросовъ и нагло хохочетъ, когда я отъ нихъ уклоняюсь.

— Ну, что?.. Какъ?.. Хороша?.. Какъ фигура?.. Какъ темпераментъ?.. Ха-ха-ха-ха!.. Ну, не ври, братъ!.. А невредная дѣвчонка, чортъ ее побери!

Этотъ циникъ не можетъ понять, что въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ лежитъ не только одна грубая похоть, что есть иныя, болѣе чистыя, деликатныя чувства, что, наконецъ, вожделѣніе, не сопровождаемое другими, болѣе возвышенными импульсами, является удѣломъ низкихъ натуръ. И когда я пытаюсь сказать на эту тему нѣсколько словъ, Перепелицынъ взмахиваетъ рукой и, въ одно мгновенье, спускаетъ меня съ неба на землю.

— Впрочемъ, ты вѣдь поэтъ! — добавляетъ насмѣшливо Перепелицынъ, намыливая лицо и полируя безопасною бритвой свои румяныя щеки.

Я не сержусь на него.

Онъ имѣетъ право завидовать, и кто знаетъ, не улыбнись мнѣ судьба, въ его положеніи, можетъ быть, и я почувствовалъ бы себя уязвленнымъ?

Какъ бы то ни было, наша программа нарушена.

О Луврѣ не можетъ быть рѣчи.

Посѣщеніе Инвалидовъ откладывается на неопредѣленный срокъ.

Все выходитъ какъ-то нелѣпо и сводится къ вторичному созерцанію города съ высоты Башни, нѣсколькимъ кислымъ фразамъ и обѣду въ кафэ. Гарсонъ, съ неподражаемою улыбкой, суетится передъ столомъ. Какой-то гидъ, съ гнилыми зубами, въ мятой, грязной сорочкѣ, суетъ въ наши карманы порнографическія открытки и адреса домовъ свиданій...

А я думаю о маленькой Кло, о встрѣчѣ съ нею, о чудесныхъ опаляющихъ глазахъ малютки съ бульвара Пуассоньеръ.

Странныя мысли тѣснятся въ моей головѣ.

Я думаю о томъ, что знакомство съ молодой дѣ-

вушкой носитъ особый, въ нѣкоторомъ родѣ, провиденціальный характеръ. Судьба дѣлаетъ мнѣ испытаніе. Какъ поступлю я? О, я сумѣю выйти изъ положенія тѣмъ способомъ, который считаю наиболѣе отвѣчающимъ моимъ взглядамъ!

Я извлеку Кло изъ той грязи, которая ее окружаетъ, вырву ее изъ соблазновъ грѣха и раззолоченой роскоши современнаго Вавилона, зароню въ ея маленькую головку сѣмя высокихъ истинъ и стану преданнымъ другомъ. Осторожнымъ и деликатнымъ образомъ, чтобы не уколоть самолюбія, окажу ей поддержку и въ денежномъ отношеніи, и помогу заняться честнымъ трудомъ...

Не знаю о чемъ думалъ въ эту минуту Перепелицынъ.

Бесѣда наша не клеилась. Перепелицынъ, отхлебывая вино, перелистывалъ страницы какого-то спортивнаго журнала. Время отъ времени, съ его губъ срывались желчныя восклицанія. Я взялъ газету и наблюдалъ украдкой за моимъ другомъ.

Неожиданно мы стали чужими и даже враждебными. Я взглядываю на плотное, упитанное лицо, на круглые, холодные. сверкающіе изъ-подъ стеколъ пенснэ, насмѣшливые глаза, на рыжіе, оттопыривающіеся, какъ у кота, усы — и онъ становится мнѣ ненавистенъ.

Съ другой стороны, мнѣ его жаль.

Однако, я убѣжденъ, что онъ сумѣетъ разсѣяться и даже въ короткій срокъ. Я его слишкомъ хорошо знаю...

Мы подзываемъ гарсона, расплачиваемся, выходимъ на улицу.

Подъ благовиднымъ предлогомъ, Перепелицынъ меня покидаетъ. Я не дѣлаю ни малѣйшаго возраженія и, улыбаясь, желаю ему успѣха. Я вижу его насквозь и буду вполнѣ удовлетворенъ, если его охота увѣнчается заслуженнымъ трофеемъ. Пусть беретъ реваншъ — въ Парижѣ не мало хорошенькихъ дѣвушекъ..! Тогда, по крайней мѣрѣ, мы честно и открыто по-

смотримъ другъ другу въ глаза и разсмѣемся отъ всей души!..

По мѣрѣ того, какъ приближается вечеръ, я заражаюсь волненіемъ. Дѣлаю по бульвару нѣсколько неопредѣленныхъ зигзаговъ, взглядываю на часы, захожу въ кафэ Пигаль. Я заказываю ужинъ на двѣ персоны, выбираю по карточкѣ бутылку вина и, изъ своего затѣненнаго шелковымъ абажуромъ угла, слѣжу за прибывающей публикой.

Уже восемь часовъ. Нетерпѣніе мое возрастаетъ.

Въ десять часовъ я съѣдаю свой ужинъ. Въ полночь, смущенный и слегка раздосадованный, покидаю кафэ и направляюсь домой.

Я подымаюсь по лѣстницѣ и стою передъ запертой дверью. На мой стукъ дверь пріоткрывается. На мгновенье, мелькаетъ растрепанный чубъ, рыжіе приподнятые усы, длинныя волосатыя ноги въ туфляхъ.

— Ты долженъ меня извинить! — говоритъ Перепелицынъ и его голосъ срывается и визжитъ металлической нотой, а круглое лицо, безъ пенснэ, становится незнакомымъ. — Милый другъ, самъ понимаешь... У меня — дама!

Ночь я провожу внизу, у консьержа...

6

Пятыя сутки Перепелицынъ живетъ съ Кло, въ нашемъ номерѣ, точно на собственной квартирѣ.

Я переѣхалъ визави, въ сосѣдній отель, и наблюдаю изъ своего окна интересныя сцены.

Каждое утро, примѣрно въ десятомъ часу, Кло появляется на балконѣ, въ утреннемъ туалетѣ, сквозь который можно различить стройное упругое тѣло. Ея щеки, порозовѣвшія отъ сна, ея огромные бархатные глаза съ такими же бархатными рѣсницами, ея коралловый ротикъ, который такъ мило и довѣрчиво для меня открывался — приводятъ меня въ изступленіе.

Я отхожу отъ окна.

О, какъ въ эти минуты я клялъ свою глупую сдержанность, нерѣшительность, робость и, въ особенности, свою возвышенную романтику!.. Перепелицынъ имѣетъ передо мной всѣ преимущества!.. Этотъ негодяй, помѣшанный на бонтонности и свѣтскихъ манерахъ, не упуститъ, однако, удобнаго случая и безъ лишнихъ словъ идетъ къ своей цѣли!..

Но окошко, точно магнитъ, снова притягиваетъ меня.

И на этотъ разъ я вижу, какъ Перепелицынъ и Кло, оживленные, жестикулирующіе, съ радостно взволнованными лицами, взявшись подъ руки, точно молодые супруги, выходятъ изъ подъѣзда отеля и садятся въ автомобиль. Черезъ мгновенье, машина скрывается за поворотомъ...

Я не препятствую ихъ счастью.

Больше того, даже оказываю услуги.

Не далѣе, какъ вчера, маленькій пиколо подалъ мнѣ визитную карточку, на которой стояло латинскими буквами:

Woldemar de Perepelitcine
Capitaine de l'Armée Russe Impériale.

На оборотѣ, четкимъ почеркомъ моего друга были написаны слѣдующія слова:

> „Крайне обяжешь, если черезъ подателя сей записки ссудишь, до первой возможности, четыреста франковъ. Смѣйся, паяцъ, надъ разбитой любовью! Впрочемъ, не огорчайся и не сердись на стараго друга."
>
> P. S. Кло шлетъ тебѣ поцѣлуй.

Я не задумался ни на минуту. Нѣтъ, я не покажу даже вида, что оскорбленъ.

И вынувъ деньги, тотчасъ вручилъ ихъ посланцу...

Прошло еще нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я предавался самымъ унизительнымъ размышленіямъ. Все меня раздражало и угнетало. Парижъ и его буйная, огнедышащая жизнь, роскошные предметы искусства, улыбки женщинъ и запахъ каштановъ, крики газетчиковъ и свѣтовыя рекламы, бороздящія ночное парижское небо, все то, что восхищало меня такъ недавно — утратило всякую цѣнность.

Эта человѣческая клоака, отравленная вонью автомобилей, обезумѣвшая въ своемъ стремительномъ бѣгѣ, становилась невыносимой, и бульвары уже не смѣялись.

Я бродилъ въ одиночествѣ, не зная чѣмъ заполнить тоску. Періодически, черезъ день или два, появлялся маленькій пиколо. Я вручалъ безропотно деньги и рвалъ на клочки визитную карточку...

Однажды, я встрѣтилъ Кло и Перепелицына въ Булонскомъ лѣсу.

Развалясь въ экипажѣ, съ сигарой въ зубахъ, въ новомъ модномъ костюмѣ, онъ кидалъ по сторонамъ наглые взоры и имѣлъ видъ богатаго иностранца, совершающаго послѣобѣденную прогулку. Рядомъ съ нимъ, нѣжно прильнувъ къ плечу, въ мѣховой шали, въ большой соломенной шляпѣ, съ фіалками у корсажа сидѣла Кло.

Замѣтивъ меня, они дружески мнѣ улыбнулись, захлопотали, дали знакъ кучеру остановить экипажъ.

Я отвѣсилъ поклонъ и поспѣшилъ скрыться...

На другой день, я покинулъ Парижъ.

Неудачи преслѣдовали меня всю дорогу.

Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ которомъ я остановился на сутки, съ единственной цѣлью взглянуть на знаменитый Ботаническій садъ, наскочилъ на торговку и сбилъ ее съ ногъ. При крикахъ сбѣжавшагося народа, попалъ въ протоколъ и за нарушеніе полицейскаго постановленія о недопустимости быстрой ѣзды на велосипедѣ, въ многолюдныхъ мѣстахъ, уплатилъ

штрафъ, въ размѣрѣ двадцати марокъ. Кромѣ того, внесъ владѣльцу велосипеда десять марокъ за испорченную педаль.

На ганноверскомъ вокзалѣ, случайнымъ толчкомъ, разбилъ хрустальную вазу съ залежавшимися бисквитами.

Въ Берлинѣ уплатилъ штрафъ за брошенный, въ разсѣянности, окурокъ. Средства мои окончательно истощились.

По счастью, путешествіе подходило къ концу.

Въ Инстербургѣ, въ томъ городѣ, въ которомъ меня чествовали пышнымъ завтракомъ уланы двѣнадцатаго полка, за послѣдніе десять пфениговъ купилъ большую бранденбургскую булку и жевалъ ее до самой границы...

И вотъ, передо мною снова — Россія...

Я вижу опять родныя березки и ели... Я вижу широкій просторъ знакомыхъ полей, родные домишки и хаты...

Я вижу бородатыхъ людей, съ русскими чувствами, съ русской лѣнцой, съ милой русской прохладцей...

И дымъ отечества былъ сладокъ, какъ никогда!

АСКАНІЯ НОВА

Асканія Нова — русскій изумительный зоопаркъ, несравненный оазисъ, жемчужина новороссійской степи, раскинувшаяся въ новоднѣпровскомъ уѣздѣ, на огромномъ пространствѣ.

Что было — о томъ хранитъ память. Что есть — время отъ времени, какимъ-то сконфуженнымъ шопотомъ, доносится изъ-за совѣтскаго рубежа...

Хочется повѣдать объ этой русской сокровищницѣ, которая, какъ и многое другое, безцѣнное и, можетъ быть, неповторимое, стерта съ лица земли, въ общемъ русскомъ потокѣ и раззореніи. Разсказъ связанъ къ тому же съ маленькимъ историческимъ эпизодомъ, представляющимъ дополнительный интересъ. Время дѣйствія — канунъ великой войны, весна четырнадцатаго года. Главное дѣйствующее лицо — императоръ Николай II.

Покойный царь, интересовавшійся въ большей степени, нежели принято думать, развитіемъ аграрной реформы, не пропускалъ случая ознакомиться лично съ рѣшеніемъ на мѣстахъ этихъ вопросовъ.

Въ періодъ своего пребыванія на югѣ и жизни въ ливадійскомъ дворцѣ, императоръ, въ сопровожденіи небольшой свиты, неоднократно предпринималъ поѣздки по ближайшимъ окрестностямъ, посѣщая крестьянскіе хозяйства и хутора, не выдавая при этомъ, какъ легендарный Гарунъ-аль-Рашидъ, своего высокаго званія.

Мужики тянулись передъ лицами свиты. На царя же, съ его скромной, незамѣтной фигуркой, не обра-

щали большого вниманія, что доставляло ему, видимо, особое удовольствіе.

Поѣздки расширялись въ масштабѣ. Онѣ не ограничивались однимъ крымскимъ полуостровомъ, захватывали сѣверную часть Тавріи и даже ближайшую полосу Херсонской губерніи.

Одна изъ такихъ поѣздокъ, между прочимъ, имѣла въ виду посѣщеніе Асканіи Нова, о которой царь много слышалъ изъ случайныхъ бесѣдъ. Зоопаркъ братьевъ Фальцъ-Фейновъ интересовалъ государя. Не взирая на отрицательное отношеніе приближенныхъ, въ томъ числѣ министра двора, поѣздка была рѣшена.

Она состоялась весной, въ самомъ концѣ апрѣля, на двухъ автомобиляхъ, въ составѣ ограниченнаго числа лицъ, свиты его величества генерала Воейкова, Комарова, флигель-адъютантовъ — полковника Дрентельна, графа Воронцова-Дашкова, гофмейстера Кривошеина, и нѣсколькихъ представителей высшей мѣстной администраціи.

Маршрутъ лежалъ черезъ Симферополь.

Не доѣзжая города, царь, по обыкновенію, посѣтилъ рядъ расположенныхъ поблизости хуторовъ, бесѣдовалъ съ новохозяевами, интересуясь, въ особенности, развитіемъ многопольныхъ хозяйствъ, культурою сѣмянныхъ клеверовъ, рыбоводствомъ. Въ разговорахъ соблюдалось обычное инкогнито, и только передъ самымъ отбытіемъ, одинъ изъ лицъ свиты передалъ владѣльцамъ усадебъ высочайшій подарокъ — серебряные часы съ царскимъ орломъ.

По проѣздѣ города, кортежъ остановился для короткаго отдыха въ паркѣ близлежащей усадьбы, гдѣ и былъ сервированъ походный завтракъ...

А потомъ — снова бѣгъ автомобильныхъ колесъ.

Промелькнулъ Перекопъ, убогій и жалкій, забытый временемъ и пространствомъ... Наконецъ, широкая, до двадцати саженъ, старинная „солевозная“ екатерининская дорога, обсаженная акаціями и грабомъ, съ

желѣзными столбами индо-европейскаго телеграфа, устремляется въ необъятные степовые просторы.

Царь любилъ быструю ѣзду и сидѣлъ на головной машинѣ, рядомъ съ шоферомъ. Послѣднимъ былъ дипломированный французъ-инженеръ, мужчина лѣтъ сорока, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ фуражкѣ и кителѣ дворцоваго вѣдомства.

Екатерининскій трактъ, вскорѣ, на поворотѣ, переходитъ въ полевую дорогу, тоже широкую, гладкую, ровную, какъ желѣзнодорожное полотно.

Кругомъ — безбрежная степь.

Дикая кашка и маки, горчица, мята, терпкая горечь полыни и острая пряность лиловаго чебреца... Всѣ несравненные запахи и краски русской южной степи... Въ голубой вышинѣ заливаются жаворонки, и звенитъ ихъ весенняя пѣсня отъ зари до зари... Изъ травы выскакиваютъ зайцы, полевыя курочки, стрепета, дрофы... Горбатые ястребы, пустельги, копчики, точно разбойники въ засадѣ, сидятъ на телеграфныхъ столбахъ, на верстовыхъ камняхъ, настороживъ зоркія очи... Трепыхаясь надъ степью, плаваютъ въ воздухѣ шулики, высматривая мышей... Надъ головой, въ исчезающей вышинѣ, висятъ степные орлы...

И во всѣ стороны — чистая линія горизонта. Лишь кое-гдѣ, на отдѣльныхъ курганахъ, сохранившихся со временъ печенѣговъ, маячатъ грубо вытесанныя изъ камня сѣрыя „бабы“ — сторожевые пункты скифскихъ ратныхъ людей...

Проходитъ нѣсколько часовъ быстрой ѣзды, и вотъ, въ самомъ дѣлѣ, точно оазисъ среди зеленой пустыни, передъ глазами — Асканія Нова.

Царь встрѣченъ владѣльцами, братьями Фридрихомъ и Владимиромъ Фальцъ-Фейнами, сестрой послѣднихъ и ея дочерью — молоденькою смолянкой, съ милой застѣнчивостью вручившей государю букетъ.

Братья Фальцъ-Фейны — представительные, рослые,

еще не старые люди, потомки нѣмецкихъ колонистовъ, осѣвшихъ въ Новороссіи съ екатерининскихъ поръ.

Краткая біографія такова.

Два саксонца, Фридрихъ Фейнъ и Іоганнъ-Готлибъ Фальцъ, попали въ концѣ позапрошлаго столѣтія въ чернобыльскую экономію графовъ Мордвиновыхъ, въ качествѣ спеціалистовъ по овцеводству.

Мало-по-малу, съ присущею нѣмцамъ коммерческой сметкой, трудолюбіемъ и упорствомъ, развели собственныхъ овецъ, скупили окрестныя земли, а съ пріобрѣтеніемъ имѣнія „Чапли", принадлежавшаго одному изъ екатерининскихъ фаворитовъ, владѣтельному герцогу Ангальтъ-Кетенъ, расширили свои угодья до крупныхъ размѣровъ. Породнившись между собой, получили, въ шестидесятыхъ годахъ, съ высочайшаго разрѣшенія, право именоваться Фальцъ-Фейнами...

Въ Асканія Нова дворецъ не поражаетъ архитектурой. Это обыкновенный одноэтажный господскій домъ, на высокомъ фундаментѣ, съ рядомъ небольшихъ комнатъ, съ сравнительно скромной меблировкой.

Передъ главнымъ фасадомъ — арка изъ зелени и обширная клумба. Кругомъ тянется рядъ безконечныхъ построекъ — флигелей и конюшенъ, ветеринарныхъ пунктовъ, гостиницы для пріѣзжихъ гостей.

А за домомъ, съ его широкой верандой, примыкая къ ней почти вплотную, расположено небольшое мелкое озеро, въ которомъ, въ обычной позѣ, на одной ногѣ, стоитъ по меньшей мѣрѣ цѣлая сотня фламинго. Оригинальныя птицы, съ бѣлорозовымъ опереніемъ, представляютъ, на фонѣ предзакатнаго неба, совершенно фантастическую картину.

А еще дальше — насажденія и пышные цвѣтники, переходящіе въ паркъ, съ магноліями и олеандрами, рододендронами, пальмами различныхъ сортовъ, съ грабомъ, дубомъ и вязомъ, каштанами, пихтами, кедрами и акаціями, необычайною смѣсью южной русской растительности съ флорою чисто тропическаго характера...

Сервированный въ столовой обѣдъ не отличается особою роскошью. Все въ мѣру, вкусно, чисто, опрятно, рядъ закусокъ, нѣсколько блюдъ, фрукты и кофе. Изъ напитковъ — сливовица и шампанское. Настроеніе непринужденное. Само собой разумѣется, никакихъ тостовъ или застольныхъ рѣчей.

Царь держитъ себя, какъ всегда, очень просто, дружески бесѣдуетъ съ братьями, перекидывается съ лицами свиты, смѣется и шутитъ съ молоденькою смолянкою. И лишь въ самомъ концѣ обѣда, обратился къ Фальцъ-Фейнамъ съ нѣсколькими, подобающими обстановкѣ словами, и поздравилъ ихъ съ возведеніемъ въ потомственное дворянство Россійской Имперіи...

Общая площадь Асканія Нова превышаетъ пятьдесятъ тысячъ десятинъ.

На этомъ океанѣ земли, точно бѣлые острова, раскинуты отары овецъ, обыкновенныхъ и другихъ, болѣе цѣнныхъ, каракулевыхъ породъ. Ихъ тысячи, десятки и сотни тысячъ, пасущихся подъ зоркимъ окомъ знаменитыхъ фальцъ-фейновскихъ овчарокъ, огромныхъ, лохматыхъ, съ репейниками въ грязно-бурой шубѣ, наблюдаемыхъ конными чабанами, съ длинными, какъ у библейскихъ старцевъ, посохами въ рукахъ.

Подъѣхавъ къ одной отарѣ, царь не удержался и взялъ на руки маленькаго, бѣленькаго, какъ снѣгъ, барашка.

Фридрихъ Фальцъ-Фейнъ тотчасъ же приказалъ его отдѣлить, испросивъ у царя разрѣшеніе сдѣлать барашку, въ знакъ памяти, золотой ошейникъ съ датою „30 апрѣля 1914 года“.

Царь разсмѣялся и продолжалъ дальнѣйшій обзоръ...

Все заслуживало здѣсь пристальнаго вниманія, изумленія, восхищенія, начиная съ рабочей силы — огромныхъ усовершенствованныхъ тракторовъ, дву-

горбыхъ верблюдовъ и дромадеровъ, гигантскихъ быковъ, трансваальскихъ красавицъ-зебръ, зеброидовъ, зебровидныхъ лошадей безконечной силы и выносливости, кончая прекраснымъ, хорошо извѣстнымъ русскому кавалеристу, конскимъ заводомъ чистокровныхъ и полукровныхъ матокъ и производителей.

Вотъ гурты всевозможныхъ метисовъ и другихъ двукопытныхъ — конебыковъ, овцебыковъ, лохматыхъ перувіанскихъ ламъ, кавказскихъ зубровъ, американскихъ бизоновъ, оленей и гну, цейлонскихъ буйволовъ, сибирскихъ мараловъ, антилопъ, газелей и сайгаковъ, кулановъ, муфлоновъ и тяжелыхъ зубробизоновъ, съ нависшею на глаза жесткою гривой.

Вотъ пришли на водопой, съ жаркаго степного пастбища, дикія лошади Пржевальскаго. Уже цѣлый рядъ поколѣній взращенъ въ фальцъ-фейновскомъ зоологическомъ царствѣ. Но дикая злоба азіатскихъ предковъ не гаснетъ въ лошадиной крови...

Зоопаркъ обнесенъ оградой, чугунной рѣшоткой на каменныхъ столбахъ. Здѣсь пернатое царство, всевозможная птица, между прочимъ, фазаны сорока двухъ разновидностей, отъ простого манчжурскаго, вплоть до птицъ съ самымъ невиданнымъ опереніемъ — бирюзовымъ, лиловымъ, золотисто-синимъ и фіолетовымъ.

Тутъ же — куропатки и павы, степныя курочки, журавли, стрепета, дрофы. Искусственные пруды съ пудовыми карпами. Искусственные болота и ручейки съ разнообразной водяной птицей, съ дупелями, бекасами, гаршнепами, съ канадскими гусями, австралійскими лебедями, утками, пеликанами, корморанами, ибисами и цаплями, съ рѣдчайшими экземплярами, на которые братья Фальцъ-Фейны расходуютъ огромныя деньги. Такъ напримѣръ, пріобрѣтеніе и доставка одной только пары какихъ-то необычайныхъ индійскихъ утокъ обошлась въ сорокъ тысячъ рублей.

Птица держится на свободѣ и не улетаетъ изъ зоопарка, привлекая цѣлыя тучи дикихъ породъ. Въ

днѣпровскихъ плавняхъ, частой добычей мѣстныхъ промышленниковъ являются утки, носящія на себѣ, какъ результатъ скрещиванія, всѣ признаки оригинальной экзотической расы.

Въ отдѣльныхъ клѣткахъ содержатся декоративныя и хищныя птицы — красные кардиналы, какаду, ара, марабу и грифоны, стервятники, степные орлы всевозможныхъ видовъ. Пѣвчія птицы — дрозды, голуби, чижи, соловьи, канарейки, заполняютъ своимъ пѣніемъ и щебетомъ всю зелень фальцъ-фейновскаго владѣнія.

Уголокъ зоопарка огороженъ частоколомъ. Здѣсь пасутся маленькіе, чрезвычайно злобные бычки черной окраски — тибетскіе яки. Рядомъ съ ними, прыгаютъ стада кенгуру и патагонскіе зайцы — мара, танцуютъ въ любовной горячкѣ эму, нанду, благородные африканскіе страусы, въ пышныхъ плащахъ изъ черныхъ шелковыхъ перьевъ.

Царь, наблюдавшій съ улыбкой это забавное зрѣлище, не удержался, въ концѣ концовъ, отъ замѣчанія:

— Tout-a-fait, comme chez nous!

Какъ общее правило, въ Асканія Нова нѣтъ хищныхъ звѣрей. Всѣ виды четвероногихъ, а въ особенности пернатое царство, представлены здѣсь съ исключительной широтой, какой нѣтъ, конечно, ни въ одномъ европейскомъ звѣринцѣ.

Въ Асканія Нова происходитъ интенсивная метисація, самое изумительное скрещиваніе породъ, искусственное оплодотвореніе. Появились зебровидныя лошади, конебыки, овцебыки и другія невиданныя животныя. Попутно дѣлаются опыты акклиматизаціи представителей тропической фауны. Фальцъ-фейновскіе страусы, кенгуру, антилопы уже переносятъ сравнительно суровую южно-русскую зиму.

Къ слову сказать, отношеніе хозяевъ къ служебному персоналу не оставляетъ желать ничего лучшаго. Служащіе живутъ въ отдѣльныхъ домикахъ, обнесенныхъ огородами и садами, имѣютъ собственную лечеб-

ницу, ремесленныя и общія школы. Здѣсь люди рождаются и живутъ поколѣніями, до самой смерти...

Съ наступленіемъ сумерокъ, радушно простившись съ владѣльцами Асканія Нова, царь отбылъ въ обратный путь, всю дорогу дѣлясь впечатлѣніями. И можетъ быть, наиболѣе интереснымъ была поѣздка по дѣвственной степи, размѣрами болѣе пяти тысячъ десятинъ, отъ сотворенія міра не знавшихъ сохи или плуга, съ подушками мягкой, слежавшейся вѣками травы, съ невѣроятнымъ количествомъ всякой птицы и зайцевъ, выскакивавшихъ во всѣ стороны, на пути слѣдованія автомобилей.

Даже въ самые знойные годы, когда по выжженнымъ солнцемъ полямъ кружатъ столбы пыльныхъ вихрей, эти травы обильны и сочны. Эта дѣвственная земля — сердце асканійскаго заповѣдника, величайшая его драгоцѣнность...

Гражданская война пронеслась, какъ опустошительный смерчъ.

Красные, бѣлые, петлюровцы и махновцы — прогулялись по Асканія Нова, обагривъ ее человѣческой кровью, заклубивъ дымомъ пожаровъ. Все уничтожено, сожжено, разрушено до основанія. Все голо, какъ тысячу лѣтъ назадъ, во времена печенѣговъ.

Сейчасъ происходитъ работа по возстановленію этого изумительнаго оазиса, культурнаго уголка несравненной флоры и фауны, единственнаго, можетъ быть, въ мірѣ, по своей грандіозности.

Но утраченное едва-ли вернуть, при всемъ планетарномъ размахѣ совѣтской власти.

БРАКЪ ЦЕСАРЕВИЧА

Изъ стараго прошлаго

Пушечная пальба оповѣстила жителей невской столицы о появленіи на свѣтъ второго внука Екатерины. Это событіе произошло въ Царскомъ Селѣ, 27 апрѣля 1779 года.

Если великому князю Александру Павловичу, по праву рожденія, предстояло впослѣдствіе занять русскій престолъ, въ отношеніи второго внука императрица имѣла особые планы.

Это, такъ называемый, „греческій проэктъ".

Впервые зародившійся въ пылкомъ воображеніи великолѣпнаго князя Тавриды, Григорія Потемкина, проэктъ заключался въ томъ, чтобы, изгнавъ турокъ изъ Константинополя, возстановить византійскій престолъ, посадивъ на него одного изъ великихъ князей. При тогдашней политической обстановкѣ, осуществленіе подобнаго плана не встрѣчало непреодолимыхъ затрудненій.

Новорожденный внукъ былъ крещенъ Константиномъ — именемъ римскаго императора Константина Великаго, основателя Византіи, и именемъ послѣдняго изъ Палеологовъ, павшаго при взятіи турками столицы, въ 1453 году.

По случаю рожденія великаго князя была выбита медаль, съ изображеніемъ храма святой Софіи.

Греки появились у колыбели младенца. Кормилицей была гречанка Елена. Первымъ слугой былъ

грекъ Димитрій Курута, впослѣдствіе графъ и генералъ-адъютантъ.

Императрица ввела при дворѣ нарядъ, называвшійся „гречанкою“.

Сохранился даже историческій манускриптъ, въ которомъ великій князь именовался:

„Его высочество, кротчайшій греческій самодержецъ Константинъ III.“

Рожденіе великаго князя привѣтствовалось, по обыкновенію, поэзіей:

„Богъ вѣтвь отъ корени Петрова
Во Константинѣ произвелъ...“

Кромѣ византійской короны, ему предназначались еще короны польская и шведская. Бездѣтность Александра I открывала, впослѣдствіе, прямую дорогу къ русскому престолу. Такое изобиліе коронъ едва-ли выпадало когда-либо на долю представителя царствующихъ династій.

Какъ извѣстно, великому князю Константину Павловичу не суждено было, однако, воспользоваться предстоявшимъ ему державнымъ величіемъ. Онъ провелъ свою жизнь въ обстановкѣ сравнительно скромной, пользуясь лишь титуломъ великаго князя и титуломъ цесаревича, пожалованнаго отцомъ за итальянскій походъ. Въ санѣ же русскаго самодержца промелькнулъ всего нѣсколько дней. Въ томъ санѣ, отъ котораго отказался, вызвавъ невольно кровавую смуту 1825 года.

Съ цѣлью упрочить наслѣдованіе престола въ нисходящемъ потомствѣ, Екатерина весьма рано озабочивалась прісканіемъ невѣстъ для своего сына и внуковъ. Павелъ Петровичъ былъ женатъ девятнадцати лѣтъ. Старшій внукъ Александръ былъ повѣнчанъ съ принцессою баденской, Елизаветою Алексѣевной, не достигнувъ шестнадцати лѣтъ. Константину исполнилось только четырнадцать, когда возникла мысль о его женитьбѣ:

„Изъ письма графа Разумовскаго слѣдуетъ заключить, что неаполитанскому двору пришла охота весьма не кстати наградить насъ однимъ изъ своихъ уродцевъ — „пети монстръ“. Дѣти ихъ дряблыя, подвержены падучей болѣзни, безобразныя и плохо воспитанныя...“

Такъ пишетъ, между прочимъ, Екатерина, принявъ на себя роль коронованной свахи...

Отстраняя бракъ Константина съ принцессою неаполитанскаго бурбонскаго дома, императрица намѣчала для внука невѣсту изъ германскихъ принцессъ. Русскій императорскій домъ не разъ роднился уже съ германскими владѣтельными домами. И въ ту пору, когда рѣшался вопросъ о женитьбѣ великаго князя, на русскомъ престолѣ сидѣла, какъ извѣстно, тоже нѣмецкая принцесса, подъ прославленнымъ именемъ Екатерины Великой.

Пріискивая для внуковъ германскихъ принцессъ, императрица не стѣснялась съ послѣдними. Она приглашала ихъ поочередно въ Санктъ-Петербургъ на смотрины. Уже перебывало, въ разное время, одиннадцать кандидатокъ. Ни одна не пришлась по вкусу императрицѣ.

Наконецъ, изъ трехъ хорошенькихъ принцессъ Саксенъ-Кобургскихъ было намѣчено выбрать супругу для великаго князя...

Осенью 1795 года, три принцессы, прибывъ въ столицу, направились отъ заставы прямо въ Зимній дворецъ.

Императрица поджидала ихъ, наблюдая въ окно.

Подъѣхавъ къ дворцу, карета остановилась. Старшая изъ принцессъ быстро выскочила изъ экипажа. Вторая хотѣла послѣдовать ея примѣру, но оступилась и упала на мостовую. Младшая вышла неторопливо, поднялась на лѣстницу увѣренно и съ достоинствомъ. Екатеринѣ это чрезвычайно понравилось и царица произнесла:

— Сэ ля дерньеръ!

Впрочемъ, всѣ три принцессы пришлись по душѣ старой императрицѣ и она неоднократно, въ такой формѣ, выражала свое мнѣніе приближеннымъ:

— Если бы можно, я женилась бы на всѣхъ трехъ... Но Константину жениться — пусть самъ и выбираетъ!..

Нѣмецкія гостьи были поражены блескомъ и великолѣпіемъ русскаго двора. Между тѣмъ, сами онѣ, своими старомодными нарядами вызывали насмѣшки придворныхъ щеголихъ. Императрица сочла нужнымъ привести въ надлежащій порядокъ скромные туалеты невѣстъ и немедленно прислала имъ двѣ большія корзины роскошныхъ шелковыхъ матерій, кружевъ и лентъ.

Черезъ нѣсколько дней, императрица вручила герцогинѣ Саксенъ-Кобургской и ея тремъ дочерямъ брильянтовые знаки ордена Екатерины и познакомила съ великимъ княземъ.

Вотъ какимъ образомъ, въ письмѣ къ своему мужу, старая герцогиня описываетъ жениха:

„Принцъ Константинъ кажется съ виду не менѣе двадцати лѣтъ, но ему только шестнадцать и онъ еще подрастетъ... У него широкое круглое лицо... Если бы онъ не былъ курносъ, то былъ бы красивъ... У него большіе голубые глаза, въ которыхъ много огня... Рѣсницы и брови почти совсѣмъ черныя... Губы совсѣмъ пунцовыя... Очень пріятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжій цвѣтъ лица... Въ ясномъ взглядѣ видна благородная кровь и душа неиспорченная...“

Изъ трехъ сестеръ, великому князю понравилась больше всего младшая — принцесса Юліана-Генріэтта-Ульрика, брюнетка небольшого роста, находчивая и умная дѣвушка.

Вопросъ о бракѣ былъ быстро улаженъ...

Черезъ три дня, вечеромъ, великій князь вошелъ къ герцогинѣ, блѣдный, съ опущенными глазами, и дрожащимъ голосомъ сдѣлалъ официіальное предложеніе.

Герцогиня, предупрежденная о цѣли визита, вмѣсто приготовленной, однако, торжественной рѣчи, заплакала.

Послали за молодою принцессой. Съ блѣднымъ личикомъ, она вошла въ комнату. Великій князь молча поцѣловалъ ея руку и произнесъ:

— Не правда-ли, со временемъ вы полюбите меня?

Принцесса, взглянувъ на него съ выраженіемъ нѣжности, прошептала:

— Я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ!

— Боже мой!... Отчего всего этого не видитъ отецъ! — воскликнула, въ избыткѣ чувствъ, старая герцогиня.

И всѣ трое зарыдали...

Весь вечеръ великій князь провелъ у невѣсты, сидя подлѣ ея матери, на ручкѣ дивана, цѣлуя руку будущей тещи и повторяя:

— Какъ я люблю васъ!

Въ то же время взглядывалъ на принцессу Юлію, давая ей понять, къ кому относятся эти слова. Женихъ чрезвычайно стѣснялся и часто „не имѣлъ духу сказать невѣстѣ ни единаго слова"...

На другой день послѣдовала помолвка.

Потомъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ, ассамблея въ Таврическомъ дворцѣ, осмотръ достопримѣчательностей столицы и, наконецъ, костюмированный балъ. Вскорѣ старая герцогиня простилась съ императрицей и, щедро одаренная драгоцѣнностями и деньгами, отправилась съ старшими дочерьми въ обратный путь.

Герцогиня была чрезвычайно довольна блестящей партіей, пребывая въ твердой увѣренности, что этотъ бракъ принесетъ ея дочери счастье. Не всѣ, однако, раздѣляли эти розовыя надежды. Многіе, во главѣ съ графомъ Ростопчинымъ, жалѣли молодую дѣвушку, не предсказывая ей сладкой доли въ супружеской жизни...

Молодую принцессу помѣстили на жительство съ великими княжнами, отдавъ на попеченіе баронессы Ливенъ. Принцесса стала обучаться Закону Божьему и русскому языку. Вскорѣ приняла православную вѣру и наречена была великой княжною Анной Федоровной.

15 февраля 1796 года состоялось бракосочетаніе...

Въ Зимній дворецъ съѣхались приглашенные.

Войска гвардіи заняли Дворцовую площадь. Статсъ-дамы одѣвали невѣсту къ вѣнцу. Духовникъ императрицы совершалъ обрядъ вѣнчанія. Вѣнцы держали, надъ женихомъ — графъ Иванъ Шуваловъ, надъ невѣстой — графъ Платонъ Зубовъ.

По окончаніи парадааго обѣда, начался балъ. Потомъ, эскортируемые конной гвардіей и лейбъ-гусарскимъ конвоемъ, въ торжественномъ поѣздѣ, въ парадной каретѣ, заложенной восемью лошадьми, новобрачные направились въ Мраморный дворецъ.

Весь городъ былъ иллюминованъ.

Торжества сопровождались „играніемъ на трубахъ при битіи литавръ" и пушечною пальбою. А за параднымъ обѣдомъ играла „камерная вокальная и инструментальная музыка"...

Не ошибся графъ Ростопчинъ и горько обманулась старая герцогиня.

Бракъ былъ несчастливъ.

Трудно опредѣлить причины размолвокъ молодой четы. Безъ сомнѣнія, виновникомъ супружескихъ несогласій былъ великій князь Константинъ, вспыльчивый и крутой характеръ котораго причинилъ не мало горя великой княгинѣ.

Во время итальянскаго похода великая княгиня жила у родителей, въ Кобургѣ. Въ 1799 году, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, вернулась въ Россію. Но черезъ два года снова уѣхала заграницу и больше не возвращалась.

Но лишь черезъ девятнадцать лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ просьбъ о разводѣ, 20 марта 1820 года, появился высочайшій манифестъ о расторженіи брака цесаревича Константина съ великой княгиней Анною Федоровной.

Разводъ цесаревича былъ первымъ случаемъ въ царской семьѣ, если не считать Петра I, который, разлучившись съ Евдокіей Лопухиной и заточивъ ее въ монастырь, не находилъ, впрочемъ, нужнымъ домогаться развода по правиламъ церкви.

ВАРШАВСКІЯ АКВАРЕЛИ.

Путевыя записки

Впервые, со времени великой войны, я посѣщаю этотъ ослѣпительный городъ.

Сколько воды утекло?...

Какъ измѣнились судьбы народовъ?...

Сколько перемѣнъ на географической картѣ Европы?...

Измѣнился и ликъ польской красотки. Это уже не панночка, въ легкомъ костюмѣ, съ наклонностью къ мотовству и кокетству, а пышная ясноокая красавица, раскинувшаяся въ нарядныхъ одеждахъ на тихоструйныхъ берегахъ Вислы.

Въ Варшавѣ знойно и душно.

Въ Варшавѣ шумно и пыльно.

Къ запаху акацій и угля прибавился запахъ бензина. Варшава оживлена, кипитъ и бурлитъ, какъ потревоженный улей. Тысячи автомашинъ бороздятъ ея асфальтовую и гранитную грудь, наполняя воздухъ пронзительнымъ визгомъ. Движеніе безостановочное и бойкое — „шалены рухъ“ — кидается сразу, при первомъ ознакомленіи съ современной польской столицей.

Машина вытѣсняетъ лошадиную тягу, вытѣсняетъ упорно и систематически. И если въ Лондонѣ, какъ увѣряютъ, имѣется лишь одинъ извощикъ, Варшаву, въ недалекомъ будущемъ, ожидаетъ, безъ сомнѣнія, то же. Все бѣжитъ, мчится, перегоняетъ другъ друга. Общій, столь характерный для нашей эпохи, темпъ носитъ въ Варшавѣ особое выраженіе.

И я брожу по варшавскимъ улицамъ и проспектамъ, охваченный ихъ стремительной жизнью, ослѣпленный бойкой дѣйствительностью, сравнивая прошлое съ настоящимъ...

По главнымъ артеріямъ — Новому Свѣту, Маршалковской, Іерусалимской Аллеѣ, движеніе столь интенсивно, что для перехода улицы положительно необходимо нѣкоторое искусство въ лавированіи. Пусть рослые, на-диво вышколенные на англійскій маперъ полисмены, въ темносинихъ „гранатовыхъ“ мундирахъ, при пистолетѣ, ножѣ, съ подбороднымъ ремнемъ на нижней губѣ, регулируютъ этотъ потокъ, но личная ловкость имѣетъ первенствующее значеніе.

Котелки, шляпы, цвѣты и женскія ножки, эффектныя „рогатывки“ военныхъ — желтыя, бѣлыя, васильковыя, кепки и ветхозавѣтныя ермолки евреевъ, звонки и гудки, вывѣски магазиновъ, рекламы американскихъ фирмъ, красочные плакаты, пыль, ревъ и гамъ — все проносится яркою зрительною и слуховою симфоніей, среди которой звенятъ крики бойкихъ газетчиковъ:

— ABC!...

— Пшеглондъ!...

— Курьеръ Червонный!...

Отель съ южно-африканскимъ названіемъ „Преторія“, въ который закинулъ меня всезнающій, вездѣсущій и неотвязчивый „пиколо“, находится въ центрѣ варшавскаго муравейника.

И изъ этого центра я предпринимаю шаги по всѣмъ радіусамъ, по діагонали и по окружности польской столицы, всѣми доступными способами — пѣшкомъ, на трамваѣ, въ автомобильной кареткѣ, наконецъ, на „дружкажѣ“, бормочащемъ по адресу, какъ вихрь шмыгающихъ машинъ, не совсѣмъ лестныя фразы:

— Холера!... Псякревъ!... Сколько добрыхъ людей отправляютъ „до пяху“!...

Все хочется видѣть и разсмотрѣть, не оставить безъ вниманія ни единаго уголка, съ которымъ связаны

тѣ или иныя воспоминанія. И я растекаюсь по городу, впивая его ароматы, прислушиваясь къ лихорадочно бьющемуся пульсу, присматриваясь къ пестрой варшавской толпѣ, къ стилю новыхъ построекъ, къ сочной зелени варшавскихъ садовъ.

Все такъ знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ ново.

Вотъ, напримѣръ, старый королевскій палацъ, нынѣ дворецъ президента, и тотъ же старый николаевскій рѣшотчатый мостъ черезъ Вислу, носящій теперь, по имени инженера-строителя, названіе „Моста Кербедзя“.

То же главное авеню — Краковское Предмѣстье и Новый Свѣтъ, съ величественной громадой „Бристоля“ и „Европейской“, съ оживленными, переполненными нарядною публикою кафэ, памятниками королю Сигизмунду, Мицкевичу и Копернику, съ ресторанамъ Ліевскаго, старымъ храмомъ съ согбенной, подъ крестною ношей, фигурой Христа, съ ювелирами, цукернями и кавярнями, книжными лавками и даже съ старымъ магазиномъ военныхъ вещей, въ окнѣ котораго, наряду съ польскими „рогатывками“, наблюдаю, къ великому изумленію, золотую кирасу и конногвардейскую каску съ двуглавымъ орломъ.

Редакціи крупныхъ газетъ, кинотеатры, млечарни и ядлодайни, антиквары, фризерни, винные погреба, а на углахъ — кіоски инвалидовъ, торгующихъ государственной монополіей — папиросами, къ слову сказать, не очень высокаго качества.

А дальше, пересѣкая проспектъ подъ прямымъ угломъ, тянется варшавское „Унтеръ денъ Линденъ“ — Аллея Іерусалимская, съ мостомъ Понятовскаго на одномъ концѣ, съ грандіознымъ „Глувнымъ Двожцемъ“, бывшимъ вѣнскимъ вокзаломъ, на другомъ, съ каштанами, акаціями, липами, съ сгрудившейся на скамьяхъ публикой, съ струящеюся человѣческою рѣкой, съ потоками машинъ и трамваевъ, съ „шаленымъ рухомъ“ въ полномъ значеніи слова, и застывшею, на подобіе изваяній, конной полиціей на перекресткахъ.

Тотъ же густолиственный сводъ и та же пышная

зелень Уяздовской Аллеи — этихъ варшавскихъ Елисейскихъ Полей, роскошныхъ Лазенокъ и Бельведера, съ огромнымъ зданіемъ бывшаго Суворовскаго кадетскаго корпуса — нынѣ „Школою Подхоронжихъ“, съ круто сбѣгающей къ Вислѣ тѣнистою улицей Агриколя и конной статуей короля Яна Собѣсскаго, съ казармами и конюшнями бывшей гвардейской кавалерійской бригады — нынѣ „кошарами“ варшавскихъ шеволежеровъ, съ лѣтнимъ королевскимъ дворцомъ, съ прудами, съ задумчивыми Психеями, съ солнечными часами Станислава-Августа, съ нелѣпымъ, въ ультра символическомъ стилѣ, неудовлетворяющемъ изысканныхъ варшавянъ, памятникомъ Шопену въ уяздовскомъ саду...

Саксонская площадь неузнаваема.

На площади уже не стоитъ ни черный памятникъ изъ гранита, ни сверкавшій золочеными куполами, величественный соборъ.

Саксонская площадь, перекрытая крупнымъ гравіемъ, сейчасъ гладка, какъ паркетъ, на которомъ можно танцовать мазурку и краковякъ. Въ дни торжественныхъ церемоній на этой площади происходятъ воинскіе парады.

Передъ входомъ въ Саксонскій садъ, на площадкѣ между каменными, столь хорошо знакомыми массивами бывшаго штаба, соединяющимися широкимъ балкономъ съ колоннадами и чугунной рѣшоткой, стоитъ на новенькомъ цоколѣ конная статуя, съ лаконической надписью:

Князь
Іосифъ Понятовскій.
1763—1812.

Этотъ памятникъ, принадлежащій рѣзцу знаменитаго Торвальдсена, еще недавно украшалъ гомельскій дворецъ Паскевичей. Въ свое время, вопреки повелѣнію императора Николая I утопить памятникъ въ Вислѣ, свѣтлѣйшій князь Иванъ Федоровичъ вывезъ

его изъ Варшавы и поставилъ въ своей усадьбѣ, передъ входомъ во дворецъ, рядомъ съ боевыми трофеями — турецкою пушкой и пирамидой изъ ядеръ.

И приходитъ на умъ, по этому поводу, шутливая фраза Александра II, обращенная якобы императоромъ къ завоевателю Варшавы и Эривани, при посѣщеніи гомельскаго дворца:

— Не зналъ, князь, что Висла впадаетъ въ Днѣпръ?..

Само собой разумѣется, и въ Варшавѣ есть свой „неизвѣстный солдатъ", и могила его, убранная вѣнками, озаряемая колыхающимся пламенемъ неугасимыхъ свѣтильниковъ, съ мраморною плитой, увѣковѣчивающей даты славныхъ сраженій, находится у входа въ Саксонскій садъ. Проходящая публика благоговѣйно обнажаетъ головы и задерживается у входа, въ молитвенномъ созерцаніи.

Подобное преклоненіе передъ памятью жертвъ великой войны, подарившей Польшѣ самостоятельность, не нуждается въ объясненіяхъ. Это не только дань времени и демократическому порядку вещей, но долгъ каждаго государства, уважающаго свой мечъ и щитъ.

А между тѣмъ, давно-ли, всего какихъ-нибудь четверть вѣка назадъ, у входа въ садъ красовалось нѣчто совсѣмъ другое, и грамотный человѣкъ, остановившись лишь на мгновенье, могъ прочитать слова:

„Нищимъ, собакамъ и нижнимъ чинамъ
входъ въ садъ воспрещается!"

Многое измѣнилось!

Не измѣнился кажется, только садъ, старый Саксонскій садъ, не затронутый, видимо, ни временемъ, ни событіями.

Сколько изумительныхъ лѣтъ пронеслось надъ густолиственными кронами его вѣковыхъ каштановъ и липъ?

Сколько гримасъ и улыбокъ судьбы?

Сколько интересныхъ страницъ перелистала надъ ними исторія?..

Тотъ же фонтанъ и прудъ съ лебедями, у котораго, погруженный въ раздумье, сиживалъ въ свое время Генрикъ Сенкевичъ... Тотъ же грязный, бурый, пожелтѣвшій отъ непогоды мраморъ Афродитъ и Психей, съ исцарапанными грудями, съ испещренными легкомысленными цитатами торсами... Тѣ же самыя скамьи съ вырѣзанными инициіалами и сердцами...

Тѣ же исполинскія вѣковыя деревья, чуть шелестящія тяжелой, позолоченной августовскимъ солнцемъ листвой... Тѣ же задумчивыя аллеи и цвѣточныя клумбы... И розы, и астры, и золотые тюльпаны... Наконецъ, та же самая, кажется, дѣтвора, съ веселымъ щебетомъ, на подобіе мотыльковъ, порхающая по садовымъ дорожкамъ...

Не измѣнился Саксонскій садъ и остался такимъ же точно, какимъ запечатлѣнъ въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ... Будто сталъ только меньше, еще уютнѣй, еще наряднѣе, какъ дорогая, любовно пѣстуемая игрушечка...

Сегодня праздничный день и садъ переполненъ.

Часть публики сидитъ за столиками, въ садовой цукернѣ, за порціей мороженаго, кофе или тянетъ черезъ соломинку гренадинъ. По тѣнистымъ аллеямъ, взадъ и впередъ, прогуливается — „шпацеруетъ" толпа, жизнерадостная, бойкая, оживленная, какъ оживленъ и радостенъ свѣтлый варшавскій день, съ городскими неугомонными шумами, съ мягкими осенними ароматами.

Дѣти, подростки, молодые люди и ясноокія панночки, съ букетикомъ у корсажа, кокетливыя, нарядныя, женщины и мужчины, статскіе и военные — уланы, шеволежеры, съ блестящими саблями на боку...

Старый фонтанъ лепечетъ знакомую сказку... Вотъ — статуя Геркулеса, съ листикомъ между ногъ... А вотъ и скамейка, на которой сидѣлъ когда-то старый-престарый генералъ Сорочинскій, грѣлъ дряхлыя кости, кормилъ мякишемъ воробьевъ и разсказывалъ мнѣ про венгерскій походъ и знаменитаго графа Паскевича...

Въ груди тѣснятся воспоминанія.

Образы, тѣни, видѣнія скользятъ таинственной вереницей.

И я гляжу, съ улыбкой, на окна стараго дома, въ которомъ увидѣлъ свѣтъ полвѣка тому назадъ.

И прикасаюсь украдкой къ морщинистой кожѣ капитана — свидѣтеля моихъ дѣтскихъ забавъ...

Тихо падаетъ вечеръ, но варшавская жизнь не умолкаетъ.

Вспыхиваютъ городскіе огни. Жадно сверкаютъ глазами безчисленные кино, съ „Золотой Лихорадкой", съ „Красоткой изъ Іошивары". Ярко горятъ свѣтовыя рекламы, огни варьетэ, ресторановъ, кафэ. Человѣческая рѣка плыветъ по панелямъ проспектовъ, устремляясь къ Уяздовской Аллеѣ.

Въ „Швейцарской Долинѣ" играетъ оркестръ Филармоніи.

У билетной кассы, окруженная кавалерами, сидитъ молодая дѣвица въ модной прическѣ:

— Злотувка! — кидаетъ дѣвица входной билетикъ и сверкаетъ шаловливыми глазками.

Тутъ же, неподалеку, въ „Лобзовянкѣ", можно послушать военную музыку и за двѣ злотувки получить чашечку кофею по варшавски и парочку горячихъ „парувекъ".

Въ этихъ „злотувкахъ", какъ извѣстно, нѣтъ золота даже на грошъ. Но такова историческая традиція, возстановившая старое названіе на этихъ маленькихъ серебряныхъ монеткахъ съ одноголовымъ орломъ.

А публика прибываетъ и прибываетъ.

Заняты всѣ скамейки. Безконечнымъ потокомъ движется оживленная, веселая, улыбающаяся толпа. Кругомъ польская рѣчь, звонъ сабель и шпоръ, взрывы смѣха и восклицаній:

— Панна Ирена!..

— Пане Тадеушъ!..

— Мое ушанованье!.. Дзенькуе!... Пшепрашамъ!..

Все такъ знакомо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ново.

Точно висляноская красотка смѣнила ставшую узкой одежду, выросла, возмужала, подрумянила губки, навела глянецъ...

И воспоминанія острѣе тѣснятся въ груди...

Тихо шелестятъ вѣковые каштаны...

Въ небѣ горятъ бойкія польскія звѣзды...

МЕЧЪ ХАЧИМАНА

Воспоминанія о русско-японской войнѣ

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ двадцать шестого на двадцать седьмое января, внезапной атакой японской миноносной флотиліи, въ Портъ-Артурѣ, были выведены изъ строя два русскихъ броненосца — „Ретвизанъ“, „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Паллада“.

Этимъ актомъ, безъ формальнаго объявленія войны — дипломатическія сношенія были прерваны наканунѣ — Японія открыла военныя дѣйствія противъ Россіи...

На другой день, въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, состоялся торжественный выходъ.

Передъ глазами еще стоитъ эта картина.

Огромная Георгіевская зала наполнена штабъ- и оберъ-офицерами гвардіи, генералами, сановниками высшихъ классовъ, а также „знатными обоего пола особами, имѣющими пріѣздъ ко двору“.

Предшествуемый длинной колонной георгіевскихъ кавалеровъ, императоръ шелъ подъ руку съ императрицей.

Царь, въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ андреевской лентой черезъ плечо, выглядѣлъ усталымъ и былъ блѣднѣе обыкновеннаго. На красивомъ, строгомъ лицѣ императрицы горѣли пятна обычнаго румянца.

Остановившись посреди зала, царь произнесъ тихимъ голосомъ рѣчь, подхваченную криками „ура!“ Офицеры, въ патріотическомъ порывѣ, извлекали сабли и потрясали ими въ воздухѣ. Возбужденіе было сильное и вполнѣ искренное. Дерзость японцевъ должна быть стро-

го наказана, а сама война съ „макаками“ представлялась легкой, интересной прогулкой...

Каковы причины этой войны, которая потребовала отъ Россіи свыше трехъ мильярдовъ золота прямыми расходами, отняла и искалѣчила триста пятьдесятъ тысячъ молодыхъ жизней, уничтожила морскую мощь, лишила части территоріи на Дальнемъ Востокѣ и что, можетъ быть, самое главное — подорвала на долгіе годы могущественное вліяніе и престижъ на дальневосточныхъ границахъ? Ибо азіаты не уважаютъ того, кто сталъ слабымъ.

Въ широкой публикѣ распространено мнѣніе, что причиной русско-японской войны являются, извѣстныя въ свое время, лѣсныя концессіи въ Кореѣ, на берегахъ Ялу, закулисныя коммерческія операціи великосвѣтскихъ сановниковъ — Абазы, Безобразова, Вонлярлярскаго, при покровительствѣ лицъ императорскаго дома и военной охранѣ спеціальныхъ отрядовъ, подъ командой генерала Мадритова и другихъ доморощенныхъ конквистадоровъ.

Это только въ извѣстной степени вѣрно.

Основная причина столкновенія русскихъ съ японцами лежитъ значительно глубже и относится примѣрно къ 1895 году, къ Симоносекскому миру, закончившему побѣдоносную войну японцевъ съ китайцами.

По этому миру Японія пріобрѣла право на островъ Формозу, часть Ляодунскаго полуострова съ Портъ-Артуромъ и четыреста мильоновъ китайскихъ долларовъ, въ качествѣ контрибуціи. Однако, подъ давленіемъ Россіи, поддержаннымъ Франціей и Германіей, Японія принуждена была отказаться отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на континентѣ, взамѣнъ чего контрибуція была увеличена на сто пятьдесятъ мильоновъ.

А черезъ три года, въ 1898 году, та же Россія, по договору съ Китаемъ, заняла Портъ-Артуръ съ прилегающей территоріей, срокомъ на девяносто девять лѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ и значительную часть Манчжуріи.

Это обстоятельство, въ связи съ обозначившимся неуклоннымъ поступательнымъ движеніемъ Россіи къ теплымъ, незамерзающимъ берегамъ Тихаго океана, само собой разумѣется, не могло не задѣть самымъ острымъ образомъ интересовъ Японіи, стремившейся стать прочной ногой на азіатскомъ материкѣ, вынуждавшейся, по цѣлому ряду экономическихъ причинъ, къ расширенію своихъ владѣній за счетъ ослабленнаго Китая.

На этомъ пути стояла Россія.

Дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе войнѣ, желаніе, можетъ быть, искреннее, изыскать способъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ ко взаимному удовлетворенію, не привели къ успѣшному результату:

— **La Russie n'est pas un royaume!.. C'est une partie du monde, et la tolérance du Tzar a ses limites!..**

— Россія — не держава!.. Это часть свѣта, и долготерпѣніе Царя имѣетъ свои предѣлы! — сказалъ, между прочимъ, въ офиціальной бесѣдѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламздорфъ, японскому посланцу, маркизу Ито, настойчиво домогавшемуся очищенія русскими войсками Манчжуріи.

Не безъ того, что на упорствѣ русскаго правительства сказалось вліяніе германскаго императора, изъ политическихъ соображеній отвлекавшаго Россію отъ западно-европейскихъ, въ частности, балканскихъ проблемъ, и толкавшаго Николая II въ сторону Тихаго океана.

Въ распоряженіи Японіи оставалось единственное средство — разрубить гордіевъ узелъ мечомъ бога войны — Хачимана.

Посвятивъ рядъ лѣтъ подготовкѣ вооруженныхъ силъ, изучивъ въ деталяхъ театръ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, Японія шла на разрывъ и выжидала лишь подходящій моментъ для единоборства съ Россіей. Своевременно заключенный союзъ съ Англіей въ значительной степени облегчилъ эту большую историческую задачу. Финансовая поддержка была обезпечена ей Америкой. Настроеніе китайскаго населенія складывалось въ пользу той же Японіи.

Въ русскомъ обществѣ и въ печати неоднократно подымался вопросъ, кто является виновникомъ этой несчастной войны?

Одни называютъ имъ безконечно миролюбиваго покойнаго русскаго самодержца, другіе — политическихъ аферистовъ, стоявшихъ у подножія трона, третьи указываютъ на министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, пытавшагося разрѣдить сгущенную атмосферу страны военнымъ походомъ и якобы, въ бесѣдѣ съ Куропаткинымъ, уронившимъ слѣдующія слова:

— Россіи нужна маленькая побѣдоносная кампанія!

Едва-ли крупныя историческія событія можно расцѣнивать съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ. Столкновенія народовъ не зарождаются произвольно.

Причина лежитъ въ неуклонномъ, какъ сказано выше, тяготѣніи къ выходамъ въ открытое море, къ свободнымъ, незамерзающимъ, теплымъ портамъ, овладѣніе которыми составляетъ естественную задачу Россіи.

Въ свою очередь, развившаяся съ необычайною быстротою Японія, имѣла свои историческія задачи на азіатскомъ материкѣ. Симоносекскій мирный договоръ, вслѣдствіе вмѣшательства Россіи, не оправдалъ возлагавшихся надеждъ. Конфликтъ между соперниками привелъ къ войнѣ.

Ошибка Россіи заключалась здѣсь въ томъ, что игнорируя силы противника, она пыталась рѣшить манчжурскій вопросъ тѣмъ же кустарнымъ способомъ, къ какимъ прибѣгала, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи на Востокѣ, противъ другихъ, ничтожныхъ, слабыхъ противниковъ.

Мало того, она собственными руками ковала оружіе противъ себя.

Такъ, сама Россія содѣйствовала полученію японцами китайской контрибуціи, по Симоносекскому миру. Изъ этой контрибуціи, сто пятьдесятъ мильоновъ были гарантированы Россіей и китайскій заемъ былъ немедленно реализованъ. Эту крупную сумму Японія употребила тотчасъ на постройку военнаго флота.

Безъ этого флота, бѣдная, не имѣвшая внѣшняго кредита страна, не была бы въ состояніи бороться съ Россіей.

И если говорить о чьей-либо персональной отвѣтственности за эту національную катастрофу, можетъ быть она лежитъ прежде всего на главномъ иниціаторѣ вмѣшательства Россіи въ японско-китайскую войну, на министрѣ финансовъ — Витте.

Переходя къ оцѣнкѣ боевыхъ силъ и общей стратегической обстановкѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что всѣ шансы находились на сторонѣ Японіи.

Японія воевала, такъ сказать, у себя дома, въ непосредственной близости отъ метрополіи, связанная съ нею могучимъ флотомъ. Первоклассная по своему духу, качествамъ, воспитанію, технической мощи армія, проникнутая пламеннымъ патріотизмомъ и любовью къ родинѣ, была великолѣпнымъ орудіемъ въ рукахъ даровитыхъ японскихъ военачальниковъ.

Россія принуждена была вести войну въ колоніальныхъ условіяхъ, соединенная съ своими дальневосточными владѣніями единственной комуникаціонной линіей, въ видѣ великаго сибирскаго пути. Вооруженныя силы, состоявшія изъ нѣсколькихъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій, гарнизоновъ Владивостока и Портъ-Артура, въ количественномъ отношеніи значительно уступали японскимъ арміямъ. Всѣ пополненія и запасы, артиллерійскіе, инженерные, интендантскіе, приходилось подвозить изъ метрополіи, являвшейся единственной базой, отдѣленной отъ театра военныхъ дѣйствій безконечнымъ пространствомъ.

Сопоставляя силы и средства противниковъ въ абсолютной, всеобъемлющей цыфрѣ, само собой разумѣется, не приходится сомнѣваться въ превосходствѣ Россіи.

Однако, въ стратегическомъ отношеніи, въ смыслѣ точки и времени приложенія этихъ силъ, необходимо сдѣлать существенную поправку. Съ одной стороны —

150 мильоновъ населенія, распыленнаго на необъятномъ океанѣ земли. Съ другой стороны — всего 50 мильоновъ, но сжатыхъ, какъ пружина, въ кулакъ. Человѣкъ, компетентный въ военной наукѣ, при оцѣнкѣ этихъ двухъ факторовъ, сдѣлаетъ правильный выводъ.

Что касается русскаго флота, онъ, если и уступалъ флоту японскому, все же являлся такой угрозой японскимъ сообщеніямъ и производству дессантныхъ операцій на материкъ, что невольно приковывалъ къ себѣ исключительное вниманіе противника, вплоть до момента своей окончательной гибели.

Желаніе ослабить его въ возможной степени и тѣмъ обезпечить свой тылъ, заставило японцевъ, въ нарушеніе международныхъ правилъ, прибѣгнуть даже къ внезапной атакѣ въ ночь на двадцать седьмое января.

При оцѣнкѣ боевыхъ силъ, нельзя не отмѣтить еще одно, весьма серьезное обстоятельство.

Какъ сказано выше, театръ военныхъ дѣйствій былъ заблаговременно изученъ японцами во всѣхъ деталяхъ. Тайная развѣдка и шпіонажъ были возведены въ изумительную по своей полнотѣ систему. Состояніе русскихъ вооруженныхъ силъ также не составляло секрета для японскаго генеральнаго штаба.

Россія, въ этомъ отношеніи, находилась на положеніи человѣка съ завязанными глазами. Боевая подготовка и дѣйствительное состояніе японскихъ войскъ были окутаны непроницаемой тайной. Русская военная агентура была вводима японцами въ заблужденіе.

Военный министръ Куропаткинъ, командированный, по высочайшему повелѣнію, за годъ до войны на Дальній Востокъ, и посѣтившій лично Японію, могъ, впослѣдствіе, испытать на себѣ результатъ этой ловкой игры. Онъ посѣщалъ казармы, присутствовалъ на спеціально организованныхъ въ его честь маневрахъ и вынесъ отрицательное впечатлѣніе.

Въ свое время, передавали, напримѣръ, даже такой фактъ.

Происходили офицерскія скачки. Изъ десяти состязавшихся ѣздоковъ ни одинъ не дошелъ до призового столба. Всѣ десять офицеровъ поочередно валились съ лошади на барьерѣ. Куропаткинъ не выдержалъ и обратился, съ улыбкой, къ сидѣвшему съ нимъ въ парадной ложѣ, генералу Линевичу, старому, заслуженному ветерану, посѣдѣвшему на службѣ на Дальнемъ Востокѣ:

— Ну и армія!.. Ну и макаки!

— Очки втираютъ!... Не вѣрьте, ваше высокопревосходительство! — якобы отвѣтилъ Линевичъ.

Анекдотъ это или фактъ, какъ бы то ни было, въ рѣшительную минуту передъ Россіей стояла молодая могучая армія, прекрасно воспитанная, проникнутая волей къ побѣдѣ, презрѣніемъ къ смерти, руководимая даровитыми генералами, въ большинствѣ питомцами прусской военной школы. Съ этой арміей пришлось встрѣтиться рязанскимъ и тамбовскимъ дядькамъ, миролюбивымъ бородачамъ старшихъ запасныхъ сроковъ, сибирскимъ чалдонамъ и казакамъ, подъ предводительствомъ бездарнаго полководца и старыхъ, выслужившихъ всѣ пенсіонные сроки, генераловъ.

Передъ самой войной, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ русскихъ военныхъ агентовъ, генеральнаго штаба полковникъ Самойловъ, сталъ бить тревогу.

Его донесеніямъ военный министръ Куропаткинъ не придавалъ вѣры и клалъ подъ сукно. Дѣйствительность оправдала въ полной мѣрѣ опасенія наблюдательнаго полковника. Помимо соотвѣтствующей оцѣнки японскихъ вооруженныхъ силъ, Самойловъ предупреждалъ, что будучи безконечно слабою на Востокѣ, Россіи нельзя проводить сейчасъ грубую наступательную политику, что эта политика можетъ обойтись слишкомъ дорого, что необходимо немедленно прійти къ соглашенію съ Токіо, во избѣжаніе суровой расплаты.

Предупрежденія эти не встрѣтили должнаго отклика ни въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ни въ военномъ.

Да, впрочемъ, всѣ сроки были уже безвозвратно упущены. Японія была готова къ войнѣ и никакія уступки не предупредили бы теперь этой войны.

Можно еще добавить, что чудовищная неосвѣдомленность высшихъ военныхъ сферъ, въ одинаковой степени, касалась и театра военныхъ дѣйствій.

Географическія карты Манчкуріи отсутствовали. Въ послѣднюю минуту была произведена лишь крайне поверхностная съемка нѣкоторыхъ районовъ, съемка страдавшая большими неточностями. Едва-ли не изъ каждыхъ четырехъ деревень, по крайней мѣрѣ, двѣ носили одноименное названіе „Бутунда" или что-то въ этомъ родѣ. Въ чемъ дѣло? Топографъ, въ сопровожденіи казачьяго конвоя, объѣзжалъ участокъ, спрашивалъ у китайца названіе поселка или деревни.

— Бутунда! (Не понимаю!) — отвѣчалъ китаецъ.

И топографъ добросовѣстно наносилъ это названіе на планъ.

Это такъ же отдаетъ анекдотомъ, какъ, впрочемъ, и вся кампанія, носившая характеръ очень скврнаго, трагическаго анекдота.

Минной атакой, въ ночь на двадцать седьмое января, началась русско-японская война.

Не взирая на разрывъ дипломатическихъ сношеній, ни намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ, ни командующій флотомъ, адмиралъ Старкъ, не уяснили себѣ всю серьезность создавшагося положенія.

Соотвѣтствующія мѣры предосторожности были, конечно, приняты, но не обезопасили стоявшій на внѣшнемъ рейдѣ флотъ отъ предательскаго нападенія. Можно удивляться тому обстоятельству, что не весь флотъ, а только три крупныя его единицы, стали жертвами неожиданнаго удара.

На другой день, на корейскомъ побережьи, въ Чемульпо, произошелъ бой между крейсеромъ „Варягъ" и канонерской лодкой „Кореецъ", съ превосходящими по

силѣ японскими крейсерами. Бой былъ непродолжителенъ. Оба русскихъ судна, во избѣжаніе позорной сдачи, были затоплены.

Вслѣдъ за тѣмъ, блокируя русскую эскадру въ портъ-артурскомъ рейдѣ, и выставивъ заслонъ противъ владивостокскихъ крейсеровъ, Японія приступила къ массовымъ перевозкамъ армій на материкъ.

Восемнадцатаго апрѣля произошелъ первый бой подъ Тюренченомъ, съ неудачнымъ исходомъ для русскаго оружія. Къ тѣмъ же результатамъ привели послѣдующіе бои при Кинъ-Чжоу, при Дашичао, Хайченѣ и Вафангоу.

Намѣстникъ адмиралъ Алексѣевъ былъ замѣненъ новымъ главнокомандующимъ, военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ. Адмиралъ Макаровъ принялъ начальствованіе надъ флотомъ. Однако, уже 31 марта, талантливый русскій флотоводецъ, на котораго возлагались большія надежды, погибъ при взрывѣ броненосца „Петропавловскъ".

Начальникомъ флота былъ назначенъ адмиралъ Скрыдловъ, уже не имѣвшій возможности попасть въ Портъ-Артуръ.

Между тѣмъ, война принимала все болѣе грозныя очертанія.

Примѣнявшаяся до сихъ поръ система пополненія манчжурской арміи „пакетами", выхватываемыми изъ отдѣльныхъ дивизій, изъ опасенія ослабить боевую мощь въ Европейской Россіи, послѣ завѣрительныхъ словъ германскаго императора, пріобрѣла болѣе дѣйствительныя формы.

Армія стала пополняться цѣлыми корпусами, частичной мобилизаціей, въ концѣ концовъ достигла солидной цыфры, и первый крупный бой подъ Ляояномъ, 13—23 августа, разыгрался въ условіяхъ, обезпечивавшихъ долгожданную побѣду.

Бѣшеный натискъ японцевъ былъ отраженъ съ кровопролитными потерями. Всѣ позиціи были удержаны.

Наступилъ переломъ боя и въ тактическомъ и, что еще болѣе важно, въ психологическомъ отношеніи.

Однако, нерѣшительность главнокомандующаго, даровитаго администратора, но несостоятельнаго, овѣяннаго въ свое время лучами скобелевской славы, неудачнаго полководца, чрезмѣрно опасавшагося при каждой очередной операціи за свой тылъ, скованнаго въ своихъ рѣшеніяхъ предвзятыми мыслями и страхомъ отвѣтственности, боязливо оглядывавшагося на столицу, не чуждаго посторонныхъ вліяній и совершенно чуждаго гражданскаго мужества и той смѣлости, даже извѣстнаго риска, съ которыми творятся великія дѣла на поляхъ сраженій — упустила счастливый, можетъ быть, единственный случай, повернуть колесо военной удачи въ иную сторону и использовать благопріятно сложившуюся обстановку.

Англійскій генералъ, сэръ Янъ Гамильтонъ, находившійся при японской главной квартирѣ, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ, что маршалъ Ояма, по причинѣ крупныхъ потерь и отсутствія боевыхъ припасовъ, уже отдалъ приказъ объ отступленіи.

Велико было удивленіе маршала, когда прибывшій адъютантъ доложилъ объ оставленіи русскими Ляояна и отступленіи армій на сѣверъ.

Японскій главнокомандующій немедленно мѣняетъ рѣшеніе, і. японскія арміи, вяло преслѣдуя хвосты отступающихъ русскихъ колоннъ, въ свою очередь, повернули на сѣверъ.

Легко критиковать нерѣшительность русскаго главнокомандующаго, призывавшаго и общество и войска къ пресловутому „терпѣнію", пытавшагося обезпечить успѣхъ войною на истощеніе, хорошо усвоившаго историческую истину, что Россія „проигрывала сраженія, но выигрывала кампаніи".

Съ легкимъ сердцемъ принимались, въ свое время, и крылатыя фразы, вродѣ: — „Они насъ минами, а мы ихъ молебнами!" или острыя драгомировскія словечки о „куропаткѣ съ сахаромъ"— намекъ на неудачнаго главнокомандующаго и его начальника штаба.

Въ самомъ дѣлѣ, то, что могло имѣть оправданіе сто лѣтъ тому назадъ, едва-ли могло быть, съ успѣхомъ, примѣнимо въ современныхъ войнахъ.

---

25 сентября — 5 октября разыгрался большой бой на Шахэ.

20 декабря произошла сдача генераломъ Стесселемъ осажденнаго Портъ-Артура маршалу Ноги. Здѣсь можно отмѣтить, что уже второго декабря погибъ доблестный генералъ Кондратенко, бывшій „душой обороны" агонизирующей крѣпости.

Можно упомянуть вскользь про два конныхъ рейда, произведенныхъ полковникомъ Гилленшмидтомъ на Хайченъ и генераломъ Мищенко на Инкоу. Оба набѣга въ тылъ противника имѣли бы значеніе въ томъ случаѣ, если бы были связаны съ одновременнымъ выступленіемъ армій на фронтѣ. Произведенные въ періодъ сравнительнаго затишья, оба набѣга, въ стратегическомъ отношеніи, не дали ни малѣйшаго результата.

Война не выдвигаетъ большихъ именъ.

Куропаткинъ, Гриппенбергъ, Каульбарсъ, Мейендорфъ, Штакельбергъ, Стессель не обнаруживаютъ боевыхъ дарованій.

Удачнѣе другихъ дѣйствуютъ — Линевичъ, Ивановъ и Зарубаевъ, убитый въ началѣ кампаніи генералъ графъ Келлеръ, Ренненкампфъ, Мищенко.

Отличается рядъ молодыхъ командировъ — Лечицкій, Некрасовъ, Яблочкинъ, Лешъ, генералъ Самсоновъ, командиръ крейсера „Баянъ" — капитанъ Виренъ.

Истинными героями являются погибшій генералъ Кондратенко и командиръ крейсера „Новикъ", капитанъ Эссенъ.

На японской сторонѣ пріобрѣтаютъ міровую извѣстность имена маршаловъ Ноги, Куроки, Оямы, Оку и, въ особенности, адмирала Того...

12—15 января произошелъ бой подъ Сандепу.

Наконецъ, 10—25 февраля разыгралось крупное сраженіе подъ Мукденомъ, неудачно проведенное русскимъ

главнокомандующимъ, рѣшенное обходнымъ маневромъ арміи маршала Ноги, вынудившее русскія арміи къ новому отступленію на сѣверъ, съ тяжелымъ чувствомъ проигрыша кампаніи.

Главное командованіе принимаетъ генералъ-адъютантъ Линевичъ. Арміи устраиваются на Сыпингайскихъ позиціяхъ, усиленныя новыми пополненіями изъ Россіи, въ предвидѣніи продолженія войны.

Морскія операціи, имѣвшія основной цѣлью уничтоженіе японскаго флота, помимо мелкихъ поисковъ, схватокъ миноносныхъ флотилій, установокъ минныхъ загражденія, поддержки огнемъ крѣпостныхъ верковъ и дѣйствій на сообщенія противника, свелись къ двумъ большимъ морскимъ битвамъ.

Первая изъ нихъ имѣла мѣсто двадцать восьмого іюля, при попыткѣ портъ-артурской эскадры прорваться въ Владивостокъ.

Русскій флотъ, подъ флагомъ адмирала Витгефта, вышелъ изъ своей базы и, въ единоборствѣ съ главной японской эскадрой адмирала Того, нанесъ ей существенный уронъ. Гибель въ бою адмирала Витгефта и передача командованія адмиралу князю Ухтомскому повлекли за собой возвращеніе эскадры подъ защиту крѣпостныхъ верковъ, гдѣ и закончилась ея роль.

Второе большое морское сраженіе, одно изъ величайшихъ въ міровой исторіи, произошло, какъ извѣстно, четырнадцатаго мая, въ водахъ Цусимы.

Русскій флотъ, подъ флагомъ вице-адмирала Рождественскаго, составленный изъ разнотипныхъ судовъ, вышелъ изъ Либавы. Послѣ продолжительнаго похода вокругъ западныхъ береговъ Африки, съ остановкой на Мадагаскарѣ, благополучно пересѣкъ Индійскій океанъ и, въ первыхъ числахъ мая, находился въ французскомъ порту Камранѣ.

Флотъ состоялъ изъ двухъ эскадръ, подъ командой самого Рождественскаго и скончавшагося, въ пути, адми-

рала Фелькерзама, а также изъ дивизіи крейсеровъ адмирала Энквиста.

Въ пути присоединилась третья эскадра адмирала Небогатова, прошедшая Суэцкимъ каналомъ.

Это была послѣдняя попытка Россіи вырвать у японцевъ господство на морѣ, овладѣть морскими сообщеніями и рѣшительнымъ ударомъ закончить войну. Это была героическая попытка, заранѣе осужденная на неудачу.

Безъ базъ, безъ угольныхъ станцій, безъ всякой точки опоры, съ разнотипной, кое-какъ сколоченною эскадрой, сильной количествомъ, но не качествомъ, связанный транспортами и госпитальными судами, русскій флотъ направлялся въ пасть стерегущему его японскому дракону.

Эта была послѣдняя жертва, принесенная Россіей во искупленіе безчисленныхъ промаховъ въ несчастной войнѣ.

Своевременно предупрежденный о появленіи русской эскадры въ Цусимскомъ проливѣ, адмиралъ Того, со всѣми силами, вышелъ навстрѣчу. Пользуясь превосходствомъ въ скорости, японскій флотоводецъ произвелъ смѣлый маневръ, дважды пересѣкъ курсъ русской эскадры, обрушившись сосредоточеннымъ огнемъ своихъ кораблей по г ловнымъ судамъ русскаго флота.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого боя, завершившагося полнымъ разгромомъ эскадры, уничтоженіемъ лучшихъ судовъ, сдачей и потопленіемъ остальныхъ, интернированіемъ ускользнувшихъ отъ разгрома крейсеровъ Энквиста, прорывомъ лишь двухъ миноносцевъ да маленькаго крейсера „Алмазъ“, подъ командой капитана Чагина.

— Благодаря вашей храбрости, я могъ отвѣтить съ достоинствомъ на вопросы моихъ предковъ!

Такъ телеграфировалъ побѣдителю, адмиралу Того, старый японскій императоръ Мутсухито. И японскіе моряки плакали отъ радости.

Русскіе могли рыдать отъ горечи пораженія.

Этой печальной страницей закончилась, въ сущности, русско-японская война.

Русская армія, сосредоточенная на Сыпингайскихъ позиціяхъ, по спискамъ, достигала мильона штыковъ. Если откинуть тѣ эшелоны, которые еще находились въ пути, отъ самой Самары, приведенную цыфру необходимо уменьшить наполовину.

Духъ арміи, ни въ какомъ случаѣ не могущій равняться съ одушевленіемъ побѣдоносныхъ японскихъ войскъ, подорванный непрестанными неудачами, утратившій вѣру въ вождей, ослабѣвшій и обезсиленный, не сознающій, въ войсковой массѣ, тѣхъ стимуловъ, во имя которыхъ ведется война, являлся плохимъ залогомъ для продолженія боевыхъ операцій.

Полное господство японцевъ на морѣ лишало русское командованіе шансовъ на окончательную побѣду даже при случайномъ успѣхѣ.

Съ другой стороны, обезкровленная и надорвавшаяся Японія, истощавшаяся кромѣ того въ финансовыхъ усиліяхъ, стремилась, въ свою очередь, положить конецъ тяжелой войнѣ.

Посредничество президента Рузвельта, произведенное, какъ утверждають, подъ давленіемъ американскихъ финансовыхъ круговъ, привело къ Портсмутскому миру, заключенному двадцать третьяго августа между барономъ Комура и представителемъ Россіи — С. Ю. Витте.

По этому миру, Россія уступала Японіи Портъ-Артуръ съ городомъ Дальнимъ, южную половину острова Сахалина, очищала Манчжурію, предоставила утвердить японскій протекторатъ надъ Кореей и, во имя сохраненія престижа, отказавшись отъ уплаты контрибуціи, внесла ее въ замаскированномъ видѣ, за „содержаніе военноплѣнныхъ“, въ размѣрѣ пятидесяти мильоновъ золотомъ.

Такъ закончилась русско-японская война, обнаруживпая полную несостоятельность русской внѣшней по-

литики, наряду съ образцами героической доблести войскъ — бездарность высшаго командованія, крупнѣйшіе недочеты въ общемъ порядкѣ государственной системы.

Неудачный исходъ войны вызвалъ, какъ извѣстно, революціонное броженіе въ обширныхъ слояхъ населенія. То броженіе, которое черезъ двѣнадцать лѣтъ, при очередномъ взрывѣ, увлекло великое государство въ бездну.

ИВАНЪ МАКСИМЫЧЪ

I

Когда въ связи съ реформой унтеръ-офицерскаго вопроса былъ созданъ институтъ подпрапорщиковъ, вахмистръ шестого эскадрона Арханскаго драгунскаго полка, Иванъ Максимовичъ Волкобой, кореннымъ образомъ разошелся во взглядахъ съ военнымъ министерствомъ, и къ новому положенію, выпущенному отдѣльнымъ приказомъ, отнесся болѣе нежели равнодушно.

Цѣлый день только презрительно ухмылялся да крутилъ сивый усъ.

— Помилуйте, вашескородіе! — говорилъ онъ хриплымъ басомъ своему эскадронному командиру. — Какая же энто леформа?.. Одно безпокойство... Нешто умнѣй отъ энтаго станешь?... Сорокъ годовъ, почитай, служу царю и отечеству!.. Куда ужъ мнѣ, на старости-то лѣтъ, энтимъ дѣломъ заниматься?.. Не годится оно, вашескородіе!... Одно безпокойство!...

Ротмистръ возражалъ:

— Однако, Иванъ Максимычъ, почему же не попытаться?... Попытка не пытка?... А экзаменъ сущіе пустяки!... Подумайте, Иванъ Максимычъ, тридцать цѣлковыхъ однѣхъ добавочныхъ?... Подумайте хорошенько?

Иванъ Максимычъ безнадежно махалъ рукой. Затѣмъ откашливался, почтительно прикрывая ротъ и, переводя разговоръ на служебную почву, докладывалъ о томъ, что молодому ремонту нужно прибавить по лишнему гарнцу, что вышелъ весь уголь и подковные гвозди, и что кобыла Ленка должна вскорѣ ожеребиться.

Обсудивъ сообща нѣсколько вопросовъ, ротмистръ брался за фуражку, давая этимъ понять, что докладъ конченъ. Иванъ Максимычъ говорилъ „счастливо оставаться“, круто поворачивался на каблукахъ и, звякнувъ шпорами, уходилъ къ себѣ, въ вахмистерскую...

Иванъ Максимычъ былъ старый служака, тянувшій лямку съ самой турецкой войны. Это былъ крупный, толстый мужчина, съ краснымъ, какъ буракъ, лицомъ, съ сѣдой и окладистой, настоящею вахмистерскою бородою.

Въ свое время, смѣлый ѣздокъ и рубака, онъ служилъ въ драгунскомъ полку съ незапамятныхъ поръ, пользовался большимъ уваженіемъ, и всѣ, начиная съ бригаднаго генерала, называли его по имени-отчеству и обращались на „вы“. Онъ былъ одинокъ, угрюмъ, молчаливъ. Носилъ георгіевскій крестъ за балканскій походъ, имѣлъ всѣ шевроны и большую золотую медаль на анненской лентѣ, и продолжалъ служить безъ опредѣленной цѣли, по старой привычкѣ, по инерціи.

Иванъ Максимычъ былъ мелоченъ, придирчивъ, жестокъ, бранился скверными словами и любилъ „драться“, особенно съ похмѣлья, по утрамъ, во время уборки.

Всѣ новшества онъ глубоко ненавидѣлъ, словесность презиралъ и единственнымъ достойнымъ занятіемъ считалъ выводку и манежную ѣзду. Здоровьемъ же былъ на рѣдкость крѣпокъ, а на руку тяжелъ...

Однако, прійдя въ вахмистерскую, небольшую, жарко истопленную каммнатку, пропитанную какимъ-то особымъ, острымъ и кислымъ запахомъ, съ узкой кроватью, низенькимъ шкапчикомъ и сундукомъ въ одномъ углу и хромоногимъ столикомъ въ другомъ, Иванъ Максимычъ зажегъ свѣчку, скинулъ мундиръ и задумался.

Нѣсколько минутъ, стоя посреди комнаты и почесывая свой крутой, коротко остриженный затылокъ, онъ что-то соображалъ. Затѣмъ, рѣшительно махнувъ рукой, подошелъ къ шкапчику и нацѣдилъ изъ стоявшей там: бутылки въ стаканчикъ.

Перекрестившись, выпилъ на сонъ грядущій, крякнулъ, закусилъ черствой корочкой и легъ на кровать.

2

Послѣ рождественскихъ праздниковъ, въ ожиданіи пріѣзда бригаднаго генерала, стали готовиться къ смотру молодыхъ солдатъ.

Новобранцевъ съ утра гоняли по всѣмъ манежамъ. Эскадронные командиры, въ присутствіи обучающихъ офицеровъ, лично производили ѣзду, часами простаивая на морозѣ, щелкая бичомъ, ругаясь, дымя папиросами. Унтеръ-офицеры надрывались до хрипоты.

Съ краснымъ, налитымъ водкой и кровью лицомъ, Иванъ Максимычъ стоялъ въ углу манежа и пропускалъ мимо себя солдатъ:

— Горѣлкинъ, я т-тебя, сукина сына!.. Доверни носокъ, оттягни каблукъ, рыло выше! — хрипѣлъ онъ сдавленнымъ шопотомъ и угрожающе стискивалъ кулакъ. — Сахарьянцъ!.. Мухаметшиновъ!.. Гдѣ шенкеля!.. Задъ убери!.. У, стерва!.. Холера!.. Татарская твоя морда!

Солдаты испуганно косились, дергали поводьями, лошади храпѣли и шарахались въ сторону.

Это рвеніе къ службѣ, сугубую строгость и исполнительность, доходившую до предѣла, Иванъ Максимычъ сталъ выказывать особенно съ тѣхъ поръ, какъ, въ силу новаго положенія, нѣсколько сверхсрочныхъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ полка были произведены въ подпрапорщики.

Нѣкоторая перемѣна коснулась Ивана Максимыча и въ другомъ отношеніи. Онъ сталъ болѣе угрюмъ, молчаливъ, сталъ больше пить и чаще драться.

Самолюбіе его было, несомнѣнно, уязвлено.

На какомъ основаніи, этотъ взводный Чайкинъ, напримѣръ, щеголяетъ съ офицерской кокардой и темлякомъ, на погонахъ носитъ широкій продольный галунъ и получаетъ тридцать цѣлковыхъ добавочныхъ?.. Офиціально пользуется правомъ вѣжливаго къ нему обращенія, по благородному, на „вы“, ходитъ теперь задравши носъ и ехидными намеками подчеркиваетъ свое превосходство?...

Тотъ самый Чайкинъ, котораго Иванъ Максимычъ

еще недавно, всего какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ, стегалъ въ манежѣ бичомъ и которому, въ сердцахъ, собственноручно, бывало, „отворялъ кровь“...

— Чѣмъ взялъ, чортовъ сынъ?.. Верхомъ сидитъ, что лапоть!.. Ни субординаціи, ни дисциплины, а овесъ воруетъ почище иныхъ прочіихъ!.. Только и есть, что писать востеръ, собака, да хороводиться съ дѣвками!... У, стрекулистъ, бродяга, лавочникъ!..

Иванъ Максимычъ считалъ себя глубоко обиженнымъ и въ тайникахъ души поругивалъ высшее начальство, допустившее подобную несправедливость.

Ему стало вдобавокъ казаться, что авторитетъ его заколебался, что господа офицеры, при встрѣчахъ и разговорахъ, глядятъ на него съ какою-то снисходительною, соболѣзнующею улыбкой, а солдаты, боявшіеся раньше пуще огня, и впрямь насмѣхаются. Не далѣе, какъ вчера, проходя по конюшнѣ, онъ слышалъ, какъ кто-то кричалъ:

— Смирна-а, ребята!.. Не шевелись!.. Нашъ ерой удалой, господинъ подпрапорщикъ идетъ!

Все это больно кололо его и раздражало до злости.

Съ другой стороны, онъ не могъ не сознавать, что усвоенная имъ съ такимъ великимъ трудомъ грамота и кое-какая словесность недостаточны для требуемаго испытанія. Иванъ Максимычъ могъ жалкими дѣтскими каракулями подписать свою фамилію, представить счетъ на уголь, желѣзо и прочіе необходимые въ эскадронномъ хозяйствѣ матеріалы. Наконецъ, съ большими усиліями, могъ разобраться на бумагѣ съ фуражной отчетностью, да и то съ помощью писаря и фуражира.

— Нѣтъ, братъ!.. Куда ужъ!.. Въ калачный рядъ-то соваться! — говорилъ онъ себѣ въ минуты тягостнаго раздумья, отворялъ шкапчикъ и утѣшался перцовой настойкой.

3

Смотръ сошелъ блестяще.

Начальникъ бригады, бравый молодой генералъ, съ

веселой улыбкой благодарилъ командира полка, господъ офицеровъ, солдатъ.

— Отлично!.. Великолѣпно!.. Прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ!.. Благодарю васъ, полковникъ!... Господа офицеры, отъ души цѣню вашу работу!... Спасибо, молодцы драгуны!.. Спасибо, славные Арханцы!

Въ отвѣтъ гремѣло стройное „рады стараться!“, офицеры брали подъ козырекъ. И генералъ, окруженный цѣлою свитой, быстрыми шагами направлялся на завтракъ, въ полковое собраніе.

Иванъ Максимычъ кинулся къ воротамъ манежа, распахнулъ широко двери и вытянулся во фронтъ.

Генералъ пріостановился, ласково взглянулъ на стараго вахмистра, тронулъ его за плечо:

— Иванъ Максимычъ, такъ какъ же?.. Старый, честный солдатъ и не хочетъ быть генераломъ?.. Стыдно, мой другъ!.. Извольте приняться за науку!.. Слышите?.. Я буду васъ самъ экзаменовать!

— Слушаю, ваше превосходительство! — гаркнулъ Иванъ Максимычъ, заморгалъ глазами и снова взялъ лихо подъ козырекъ.

— Полковникъ Бронскій! — продолжалъ начальникъ бригады, обернувшись, съ улыбкой, къ командиру полка. — Обратите ваше вниманіе!.. Такъ нельзя!.. За старика обидно!

Офицеры засмѣялись:

— Иванъ Максимычъ за себя постоитъ!.. Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство!

Послѣ этого, всѣ направились дальше.

А для Ивана Максимыча наступили тусклые, терпкіе дни...

Каждый день, послѣ вечерней переклички, Иванъ Максимычъ, въ обществѣ эскадроннаго писаря Стелькина, просиживалъ въ своей вахмистерской, насыщаясь плодами науки. Потъ катился съ него градомъ. Онъ пыхтѣлъ и мычалъ, скидывалъ мундиръ, сердился, ругался, терзался сомнѣніями и чувствовалъ невыносимую жажду.

Тогда писарь бѣгалъ за пивомъ и занятія продолжались.

Иванъ Максимычъ выждалъ пасхальные праздники и въ назначенный день, съ тяжелымъ, мучительнымъ чувствомъ, поѣхалъ въ штабъ бригады на испытаніе...

4

Затянутый въ новый мундиръ съ узкимъ воротникомъ, отъ котораго жало шею, надувались жилы на лбу и лицо становилось совершенно багровымъ, Иванъ Максимычъ, при всѣхъ медаляхъ и заслуженныхъ знакахъ, появился передъ высокимъ собраніемъ.

Начальникъ бригады сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, курилъ сигару и перебрасывался шутками съ адъютантами. Поздоровавшись съ Иваномъ Максимычемъ, освѣдомившись о полковыхъ дѣлахъ, генералъ откинулся на спинку кресла и произнесъ:

— Что-жъ, господа?.. Можно и приступить?.. Не будемъ терять драгоцѣннаго времени!.. А текущую почту я попрошу прислать на квартиру!

Иванъ Максимычъ задрожалъ. Онъ почувствовалъ необычайную слабость, въ горлѣ сдавило и неожиданно подогнулись колѣнки.

— Итакъ, господа! — продолжалъ генералъ. — Начнемте-съ!.. Уставы воинской службы!.. Сергѣй Петровичъ, это ваша спеціальность!.. Пожалуйста!

Молодой капитанъ поправилъ пенснэ, задумался и предложилъ вопросъ:

— Скажите, что такое дисциплина?

Иванъ Максимычъ заморгалъ глазами, покрутилъ шеей и, шепча что-то про себя, уставился въ потолокъ. Послѣ небольшой паузы, онъ вспомнилъ выраженіе, которое неоднократно слыхалъ на занятіяхъ словесностью съ молодыми солдатами и которое такъ вразумительно объяснялъ ему Стелькинъ.

— Дисциплина, вашескородіе, дисциплина...

Онъ обрадовался и скороговоркою выдавилъ:

— Исполняй что прикажетъ начальство, вашескородіе!

— Отлично, Иванъ Максимычъ! — замѣтилъ генералъ и, въ свою очередь, спросилъ, что такое штандартъ.

Иванъ Максимычъ отвѣтилъ и на этотъ вопросъ, прекрасно зналъ обязанности часового у порохового погреба, составныя части винтовки и мѣсто вахмистра въ развернутомъ строю эскадрона.

— Отлично! — снова замѣтилъ начальникъ бригады и поставилъ полный баллъ. Диктантъ сошелъ не менѣе удачно. Въ особенности, если принять во вниманіе, что заготовленный и заблаговременно переписанный талантливой рукой Стелькина, былъ безъ единой ошибки. Въ немъ фигурировала, правда, одна лишняя заключительная фраза, но это не возбудило особаго любопытства.

Математическія познанія Ивана Максимыча оказались много слабѣе.

Какъ старый драгунъ, онъ привыкъ оперировать гарнцами, полуштофами, чарками и рѣшительно не былъ въ состояніи уяснить себѣ значеніе мелкой линейной единицы.

Когда же перешли къ послѣднему предмету программы и настроеніе комиссіи замѣтно повысилось, генералъ закурилъ свѣжую сигару, окинулъ всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ и, широко разставивъ на столѣ руки, медленно произнесъ:

— Скажите-ка мнѣ, Иванъ Максимычъ, только подумайте хорошенько!.. Какъ называется условная линія, раздѣляющая земной шаръ на двѣ равныя части?

Иванъ Максимычъ силился что-то припомнить и безнадежно жевалъ губами.

— Ну, ну, говорите... Эк...

— Экъ, ваше превосходительство!

— Да, нѣтъ же, Иванъ Максимычъ... Эк — ва...

— Эква, ваше превосходительство!

Генералъ засмѣялся, адъютанты прыснули и уткнулись головами въ книги.

— Отлично, Иванъ Максимычъ, великолѣпно! — сказалъ съ улыбкою генералъ. — Совершенно вѣрно — экваторъ!.. Вы вполнѣ усвоили себѣ этотъ предметъ!

Иванъ Максимычъ, красный, взволнованный, моргая глазами и отирая платкомъ обильно струившійся по лицу потъ, съ удовлетвореніемъ оглянулся по сторонамъ.

На слѣдующій день, приказомъ по бригадѣ, онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики...

Съ началомъ великой войны, Иванъ Максимычъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ драгунскимъ полкомъ.

Онъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ дѣлахъ, но на одномъ тяжеломъ переходѣ, въ дождливый осенній день, простудился и слегъ.

Черезъ недѣлю онъ умеръ и былъ похороненъ въ небольшой деревушкѣ, на самой германской границѣ.

Полкъ отдалъ ему послѣдній привѣтъ, сѣлъ на коней и, подъ звуки бравурнаго марша, медленно двинулся впередъ...

КЛОЧОКЪ РОМАНТИКИ

Изъ старинняго прошлаго

Это было давно, семь столѣтій тому назадъ, когда на французскомъ престолѣ сидѣлъ славный король Филиппъ II Августъ, первѣйшій рыцарь страны, участвовавшій вмѣстѣ съ Фридрихомъ Барбароссой и Ричардомъ Львиное Сердце въ третьемъ крестовомъ походѣ, усмирившій непокорныхъ вассаловъ, расширившій территорію Франціи.

Въ этотъ романтическій вѣкъ гремѣли рыцарскіе турниры, трубадуры воспѣвали искуснѣйшихъ и храбрѣйшихъ, а прекрасныя дамы награждали побѣдителей цвѣтами и ласками.

А на поляхъ Фландріи, въ то же время, рѣшалась долголѣтняя тяжба, безконечный споръ Плантагенетовъ и Капетинговъ, изъ-за владѣній англійскаго короля въ Нормандіи, Бретани и Пуату.

Въ этотъ романтическій вѣкъ, освященный завѣтами церкви — „воины должны драться, духовенство давать совѣты и возносить святыя молитвы", единоборство на поляхъ брани носило своеобразный, столь отличный отъ нашихъ дней отпечатокъ.

Все базируется, главнымъ образомъ, на высоко развитомъ чувствѣ чести. Такъ, въ соотвѣтствіи съ рыцарскимъ кодексомъ, нападающій былъ обязанъ предупредить противника не менѣе, какъ за три дня до нападенія.

Грабежъ воспрещался до полной побѣды.

А установленный церковью „Божій миръ", предла-

гаетъ рыцарямъ воздерживаться отъ пролитія крови, съ четверга до понедѣльника.

И самые бои носили особый характеръ, не лишенный галантности и обмѣна любезностями, когда передъ шлемоблещущій строй выѣзжали герольды и, отъ имени короля, обращались къ противнику съ благородными предложеніями.

Въ рѣшительной борьбѣ противъ французскаго короля, на сторону англійской короны сталъ цѣлый рядъ крупныхъ вассаловъ — герцоги Брабантскій и Лимбургскій, графъ Лотарингскій и графъ Голландскій, графъ Намюрскій, Фландрскій и Брауншвейгскій, наконецъ, могущественный графъ Рейнхардъ Булонскій.

Къ коалиціи примкнулъ и императоръ германскій Оттонъ IV.

А братъ англійскаго короля, графъ Салисбюри, по прозванію „Длинная Шпага“, явился къ императору съ цѣлымъ мѣшкомъ золотыхъ совереновъ, для широкой вербовки наемниковъ.

Въ воскресенье, двадцать седьмого іюля, когда французская армія перешла рѣку Меркъ, въ лагерь явился рыцарь ордена іоаннитовъ, канцлеръ и другъ короля, онъ же высокопреосвященный епископъ санлисскій Гарэнъ.

Епископъ, производившій развѣдку съ отрядомъ легкой конницы, доложилъ, что имперская армія сосредоточилась у селенія Бовинэ.

Король собралъ совѣтъ бароновъ.

Королевскіе военачальники, знатные коннэтабли и командиры „знаменъ“, во главѣ съ королемъ Филиппомъ-Августомъ, не были склонны принимать бой въ воскресный день, дабы не нарушать торжества мессы, и рѣшили отложить встрѣчу до понедѣльника.

Однако, послѣ ожесточеннаго спора, епископъ Гарэнъ настоялъ на немедленномъ выступленіи...

Къ полудню обѣ арміи развернулись одна противъ

другой. Вслѣдствіе неудовлетворительности развѣдки, фронты обѣихъ армій оказались повернутыми въ обратныя стороны. Французская смотрѣла на западъ, имперская —на востокъ.

Численность каждой арміи достигала восьми тысячъ бойцовъ. Но тогда, какъ у имперцевъ было всего 1333 рыцаря — основанія вооруженной силы средневѣковья, число французскихъ рыцарей превышало 2000. Зато наемная пѣхота имперцевъ была много сильнѣе французской милиціи.

Ширина фронта достигала четверти лье, другими словами, примѣрно одной версты.

Французскіе арбалетчики образовали завѣсу, за которой устраивалось тяжелое конное рыцарство съ своими „копьями" — оруженосцемъ, копейщикомъ, коннымъ и пѣшими лучниками.

Король Филиппъ-Августъ находился въ центрѣ боевого порядка. Храбрѣйшій рыцарь держалъ возлѣ него орифламу — королевское знамя, на которомъ по красному полю были вышиты бѣлыя лиліи.

Имперская армія образовала изъ наемниковъ-брабансоновъ — пѣшихъ аллебардистовъ, живое укрѣпленіе, въ видѣ круга, съ рыцарями посерединѣ.

За аллебардистами находился императоръ Оттонъ IV, со своею хоругвью — золотымъ орломъ, державшимъ въ когтяхъ змѣю. Хоругвь, по обычаю того времени, была прикрѣплена къ повозкѣ, „каррочіо", въ которой находилась и чаша со святыми дарами.

Знаменитое сраженіе началось атакой французовъ.

Высокопреосвященный епископъ санлисскій Гаренъ, во главѣ стапятидесяти всадниковъ — контингента аббатства святого Медарда, бросился на брабансоновъ. Эти всадники, монастырскіе служилые люди, саттелиты, за которыми установилось неблагозвучное прозвище „потаскуновъ", не пользовались большимъ уваженіемъ.

Однако, брабансоны не выдержали атаки и укрылись за фламандскими рыцарями.

Послѣдніе, не желая унижать своего достоинства, вопреки тактикѣ конницы, встрѣтили атаку, стоя на мѣстѣ — „чтобы не сражаться съ ничтожнымъ противникомъ въ равныхъ условіяхъ".

Быстро разогнавъ „потаскуновъ", фламандскіе рыцари вступили въ бой съ цвѣтомъ французскаго войска, съ французскими рыцарями. Всадники были расположены на большихъ интервалахъ, ибо, согласно традиціи, „рыцарь не долженъ служить щитомъ для рыцаря".

Этотъ рыцарскій бой, идеаломъ котораго являлась „la kere" — проѣздка рыцаря насквозь черезъ непріятельскій боевой порядокъ, возвращеніе обратно и новая проѣздка, съ попутными поединками, свелся къ единоборству многочисленныхъ паръ.

Сшибались грудью могучіе, убранные тяжелой бронею кони, звенѣли мечи, ломались длинныя пики, а выбиваемые изъ сѣдла всадники, съ грохотомъ, валились и оставались лежать неподвижными. Съ обѣихъ сторонъ развѣвались знамена и боевой кличъ сотрясалъ воздухъ...

И вотъ, неожиданнымъ натискомъ, имперскіе аллебардисты опрокинули французскую милицію. Король Филиппъ-Августъ очутился въ центрѣ рукопашнаго боя. Аллебардистъ стащилъ короля крюкомъ съ лошади и повергъ его, закованнаго въ золоченыя латы, на землю. Подоспѣвшіе рыцари спасли короля. Однако, французская армія оказалась въ критическомъ положеніи.

Но въ роковую минуту на полѣ битвы появился герцогъ Монморанси, съ отборнымъ отрядомъ изъ двухсотъ рыцарей Иль-де-Франса.

Съ боевымъ кличемъ — „За короля и Францію!", тяжелая конная масса ринулась на противника и, ударомъ во флангъ, смяла имперцевъ.

Лѣвымъ крыломъ командовалъ храбрый графъ Дре. Его братъ, преосвященный епископъ Бове, ударомъ дубовой палицы свалилъ съ коня „Длинную Шпагу" — англійскаго графа Салисбюри. Епископъ дѣйствовалъ

палицей на томъ основаніи, что, какъ лицо духовнаго званія, избѣгалъ пролитія крови.

Съ мужествомъ отчаянія защищался могущественный вассалъ, графъ Рейнхардъ Булонскій, который, какъ измѣнникъ своему королю, съ проигрышемъ сраженія, лишался всѣхъ своихъ обширныхъ владѣній. Оставшись съ шестью рыцарями, графъ Булонскій укрылся въ кругу брабансоновъ. Но атака рыцарей Фомы де Сентъ Валери прорвала ихъ строй, брабансоны были изрублены, графъ Булонскій, сбитый съ коня, попалъ въ плѣнъ.

Германскій императоръ Оттонъ IV, въ свою очередь, сбитый съ коня, пересѣлъ на уступленную ему вѣрнымъ рыцаремъ, Бернхардомъ фонъ Хорстмаръ, лошадь и ускакалъ изъ битвы за десять лье, въ Валансьенъ. Примѣру императора послѣдовала его свита.

Этимъ эпизодомъ закончилась историческая битва при Бовинэ.

Король Филиппъ-Августъ приказалъ, однако, ограничить преслѣдованіе одной милей и трубить сборъ, чтобы надежно охранить многочисленные трофеи: императорскую хоругвь и плѣнныхъ — пять графовъ, двадцать пять баронетовъ и свыше ста рыцарей.

Сильно развитое классовое самосознаніе заставляло видѣть въ конномъ противникѣ тѣхъ же рыцарей, членовъ своей корпораціи. По этой причинѣ, противникъ обычно щадился. Но латы и плѣнный рыцарь, за котораго брался богатый выкупъ, считались цѣнной добычей.

Какъ жаловалось впослѣдствіе благородное рыцарство на швейцарскіе батальоны, на грубыхъ мужиковъ Швица и Интерлакена, предпочитавшихъ, вмѣсто плѣненія, прикалывать поверженнаго на-земь всадника!..

Героемъ дня былъ герцогъ Монморанси, рѣшившій участь сраженія, захватившій шестнадцать имперскихъ знаменъ.

На сторонѣ имперцевъ было убито семьдесятъ рыцарей и свыше тысячи брабансоновъ. Потери французовъ были невелики — убито три рыцаря и двѣ сотни арбалетчиковъ.

Эти потери можно назвать совершенно ничтожными по сравненію съ огромнымъ политическимъ значеніемъ этого боя, который создалъ единство французской націи и обезпечилъ ростъ королевской власти надъ феодалами.

Въ Германіи неудачный исходъ битвы при Бовинэ доставилъ торжество папамъ и далъ князьямъ перевѣсъ надъ императорской властью.

Для Англіи это сраженіе было связано съ особенно ощутительными послѣдствіями — съ потерей французскихъ провинцій: Нормандіи, Бретани и Пуату, и съ униженіемъ короля Іоанна Безземельнаго, подписавшаго великую хартію вольностей, обусловившую парламентскій режимъ...

„БОГЪ-САВАОФЪ“

Страница воспоминаній

Въ четырнадцатомъ году іюль былъ особенно знойный. Купальный сезонъ былъ въ разгарѣ. Наблюдалось не мало иностранныхъ гостей. Особое оживленіе придавала „Рижская Олимпіада“, на которую съѣхались спортсмены со всѣхъ концовъ Россіи.

Предсѣдателемъ олимпійскаго комитета былъ небезызвѣстный впослѣдствіе „генералъ отъ кувакеріи“ Воейковъ, зять министра императорскаго двора, графа Фредерикса. Состязанія въ легкой атлетикѣ и въ стрѣльбѣ подходили къ концу. Начались гребныя гонки на рѣкѣ Аа.

Все рижское взморье, начиная отъ фешенебельнаго Бильдерлингсгофа, кончая скромнымъ Ассерномъ, напоминало гигантскій улей, который жужжалъ тысячами жизнерадостныхъ голосовъ, сверкалъ улыбками и туалетами женщинъ, костюмами статской публики, ослѣпительными пятнами военныхъ фуражекъ.

А когда падалъ вечеръ, на маіоренгофскомъ пляжѣ, противъ „Морского Павильона“, звучалъ вѣнскій вальсъ. Подъ открытымъ небомъ, на спеціальномъ паркетѣ, кружились сотни парочекъ, обстрѣливаемыя залпами конфетти и серпантина. И публика прибывала и прибывала.

Недалеко отъ берега стояла крейсерская эскадра. Когда темнѣло, она озаряла пляжъ лучами прожекторовъ, создавая фантастическую картину.

Теплый іюльскій вечеръ, женскій смѣхъ, захватывающая мелодія вальса — какая это была прелюдія къ той громовой увертюрѣ, которая разразилась черезъ какую-нибудь недѣлю!

Мой собесѣдникъ — нѣмецъ, лейтенантъ резерва и коммерсантъ.

Его корни и прошлое — гдѣ-то тамъ, въ рейнской провинціи, среди виноградныхъ полей, старыхъ рыцарскихъ замковъ, рейнскихъ легендъ и сказаній. Его настоящее и будущее — Россія. Ей обязанъ онъ своему матеріальному достатку и семейному положенію. Ибо жена его русская, а крупное предпріятіе создано на русскія деньги, при затратѣ нѣмецкой энергіи и предпріимчивости.

Мы знакомы давно. Насъ связываетъ большее, нежели обыкновенная дружба. Мы сидимъ вдвоемъ, на верандѣ его эдинбургской дачи, за бутылкой вина и сигарой. Мой собесѣдникъ, кромѣ того, спортсменъ. На его конюшнѣ стоятъ три выводныхъ гунтера — сѣрый, рыжій и вороной, неизмѣнные участники иппическихъ состязаній...

Какъ памятенъ этотъ безтрепетный вечеръ и эта нарядная дача, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кургауза, откуда доносятся звуки симфоническаго оркестра!... Въ сознаніи четко встаетъ картина далекаго прошлаго, со всѣми подробностями — съ тихими звѣздами, кротко мигающими на куполѣ черн аго неба, съ запахомъ настурцій и лилій, съ прорѣзающимъ тишину стукомъ колесъ и протяжнымъ гудкомъ паровоза...

На мгновенье мелькаетъ безпокойная мысль.

Она тревожитъ уже нѣсколько дней. Слухи, какъ черныя змѣи, ползутъ отовсюду, смущаютъ, волнуютъ. Разговоръ обрывается...

— Будетъ война?

Собесѣдникъ вздрагиваетъ отъ неожиданности. Кусочекъ пепла падаетъ съ сигары на скатерть. Онъ медлитъ съ отвѣтомъ, и, наконецъ, произноситъ:

— Это будетъ величайшая глупость!.. Больше того — преступленіе!.. Но преступленіе это, кажется, совершится!

Собесѣдникъ, съ раздраженіемъ, начинаетъ доказывать нелѣпость войны между двумя могущественными мо-

нархіями, поноситъ нѣмецкую дипломатію, попутно честитъ кайзера.

Скрипъ садовой калитки прекращаетъ его монологъ.

На веранду вспорхнула бѣлокурая дѣвушка, тоненькая и воздушная, какъ мотылекъ. Не взирая на визгъ и сопротивленіе, коммерсантъ поднялъ ее на руки, поцѣловалъ и представилъ:

— Фрейлейнъ фонъ Штантенъ аусъ Берлинъ!

И началъ дурачиться съ ней, какъ съ ребенкомъ.

На другой день меня будитъ стукъ въ дверь. Почтальонъ подаетъ телеграмму, требующую немедленнаго прибытія въ крѣпость.

Съ первымъ поѣздомъ я уже въ Ригѣ. Съ восьмичасовымъ пороходомъ прибылъ въ Усть-Двинскъ. Въ штабѣ засталъ взволнованнаго коменданта и адъютантовъ, суетившихся у желѣзнаго шкафа.

— Слава Богу! — поглаживая пушистыя бакенбарды, произнесъ старый комендантъ крѣпости — „Богъ Саваофъ“. — Давайте скорѣй планъ обороны!... Тревога!

Планъ обороны, пересоставленный мною изъ четырехтомнаго сочиненія, оставленнаго по наслѣдству моими предшественниками, со временъ Петра I, состоялъ изъ тетради, въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ, съ золоченою надписью. Эта тетрадь была невелика по объему, въ ней было мало статистики, сложныхъ расчетовъ и комбинацій, предусматривающихъ каждый шагъ противника, но зато каждый отдѣлъ обороны зналъ твердо свою задачу.

Этотъ планъ былъ моей профессіональною гордостью...

Въ соотвѣтствіи съ полученнымъ приказаніемъ командующаго войсками, генералъ-адъютанта Ренненкампфа, крѣпость немедленно приступила къ постановкѣ минного загражденія. На береговыхъ батареяхъ закипѣла работа по снаряженію боевого комплекта. Было усилено наблюденіе за моремъ, съ усть-двинскаго маяка.

Четыре дня протекло въ лихорадочной дѣятельности, въ догадкахъ, въ предположеніяхъ. Никто не вѣрилъ въ вѣроятность войны. Наоборотъ, казалось, что дипломатическіе переговоры сведутъ конфликтъ къ благополучному окончанію.

Вечеромъ семнадцатаго іюля была получена телеграмма изъ Петербурга. Я держалъ ее въ рукахъ, не вскрывая, пытаясь предугадать содержаніе.

Потомъ вскрылъ и прочелъ:

„Первымъ днемъ мобилизаціи считать восемнадцатое іюля.

Генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ.“

„Богъ-Саваофъ“ перекрестился и подписалъ заготовленный, на всякій случай, приказъ.

— Война!..

Мобилизаціонный планъ былъ выполненъ гладко.

Гарнизонъ крѣпости усилился пополненіями. Прибылъ Гдовскій пѣхотный полкъ съ полевой батареей. Прибыло четырнадцать ротъ ополченія. Это былъ превосходный матеріалъ, составленный изъ латышскаго населенія, изъ старыхъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Впослѣдствіе, часть этого ополченія погибла въ нелѣпой авантюрѣ генерала Потапова. Оставшаяся часть явилась тѣмъ ядромъ, изъ котораго были сформированы первыя національныя латышскія войска.

Оборонительныя работы шли полнымъ ходомъ.

Комендантъ получилъ приказъ быть готовымъ къ оборонѣ со всѣхъ сторонъ. Задача крѣпости усложнялась.

Крѣпость заплелась проволокой, достигавшей въ отдѣльныхъ участкахъ до пятидесяти рядовъ. Былъ затопленъ рукавъ Гапаксъ, а луга Спильве образовали настоящее море. На больдерааскихъ дюнахъ возводились новыя батареи. Прорубались просѣки для обстрѣла. Устанавливались вышки и наблюдательные пункты. Для

укрытія гарнизона отъ бомбардировки строились глубокіе подземные казематы.

При всемъ томъ, крѣпость едва-ли была въ состояніи выдержать продолжительную осаду. Какъ береговой фортъ, преграждавшій съ моря входъ въ устье Двины, онъ отвѣчалъ своему назначенію. А въ общемъ, это была точка, безъ внутренняго пространства, простреливаемая насквозь. Крѣпость не имѣла большого боевого значенія и, не безъ основанія, называлась въ шутку — „крѣпость-курортъ"...

Въ эти первые дни войны гарнизонъ находился въ нервномъ, приподнятомъ настроеніи.

Съ минуты на минуту ожидали появленія германскаго флота и нападенія воздушныхъ силъ. Многимъ мерещились перископы подводныхъ лодокъ, дымки нѣмецкой эскадры, гудѣніе пропеллеровъ, полетъ дирижаблей, взрывы непріятельскихъ бомбъ. Одно время, это нервное состояніе выливалось въ форму массовой галлюцинаціи. Штабъ закидывался анонимными письмами. Со всѣхъ сторонъ сообщалось о работѣ нѣмецкихъ шпіоновъ — о свѣтовой сигнализаціи, о бетонныхъ площадкахъ для спуска аэроплановъ и установки тяжелыхъ осадныхъ орудій.

Въ дѣйствительности, все это было бредомъ разгоряченнаго воображенія, отчасти сведеніемъ личныхъ счетовъ и результатомъ той неистовой кампаніи, которую патріотическія газеты повели противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Извѣстны факты, когда стада пролетныхъ гусей принимались за нѣмецкія эскадрильи. Бетонныя основанія на рижскихъ заводахъ невѣжественные люди считали за установки для тяжелыхъ орудій. Въ частности, были доносы даже на курляндскаго губернатора Набокова, котораго „Богъ-Саваофъ" былъ вынужденъ вызвать для объясненій.

Въ первый мѣсяцъ войны противникъ ограничился лишь обстрѣломъ незащищенной Либавы, да у Виндавы

появились два миноносца, надѣлавшіе не мало переполоха...

Въ ноябрѣ, получивъ должность начальника штаба кавалерійской дивизіи, я покинулъ „крѣпость-курортъ“ и, черезъ три дня, уже приближался къ боевой линіи, прислушиваясь къ отдаленному грохоту пушекъ, громившихъ летценскіе форты.

Крѣпость же благополучно просуществовала почти до конца войны, не сдѣлавъ, кажется, ни одного выстрѣла по противнику. Ей даже не суждено было воспользоваться легкимъ трофеемъ, въ видѣ германскаго дирижабля, медленно направлявшагося въ ея сторону. Стоявшая въ заливѣ канонерка морского вѣдомства тявкнула раньше времени и дирижабль повернулъ круто назадъ.

Въ семнадцатомъ году, въ связи съ прорывомъ нѣмцевъ у Икскюля, гарнизонъ получилъ приказъ взорвать батареи и перейти на правый берегъ Двины.

Цитадель же, окруженная бастіонами и водянымъ рвомъ, съ стоящимъ внутри центральной ограды памятникомъ Петру Великому, съ старинными казематами, съ крѣпостнымъ храмомъ, съ уютнымъ особнякомъ коменданта, съ офицерскими флигелями и другими, утопающими въ сирени постройками, была наполовину уничтожена пожаромъ...

Перебирая страницы воспоминаній, переносишься къ тому времени, когда военная увертюра только начинала свои громовые аккорды.

Многихъ участниковъ уже не существуетъ. Одни пали въ великой войнѣ, другіе стали жертвами революціи.

„Богъ-Саваофъ“ — незабвенный начальникъ, старый комендантъ крѣпости, генералъ Міончинскій, погибъ на добровольческомъ югѣ.

Генералъ Ренненкампфъ разстрѣлянъ большевиками въ Таганрогѣ.

Военный министръ, генералъ Сухомлиновъ, скончался въ эмиграціи.

Мой нѣмецкій другъ, съ такой откровенностью честившій кайзера и нѣмецкую дипломатію, очутился въ Вяткѣ, въ качествѣ военноплѣннаго. Его великолѣпные гунтера — сѣрый, рыжій и вороной, не принимали больше участія въ состязаніяхъ, ибо въ порядкѣ мобилизаціи были взяты въ тяжелую артиллерію.

Неизвѣстно, гдѣ находится бѣлокурая Дорхенъ фонъ Штангенъ?

Отецъ же ея, въ званіи генералъ-адъютанта его величества короля прусскаго и императора германскаго, командовалъ, одно время, оккупаціонною арміей въ Псковѣ...

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ

Путевыя записки

Всходный Двожецъ, другими словами, бывшій тереспольскій вокзалъ, расположенный въ завислянскомъ предмѣстьи, на Прагѣ, оживленъ далеко не въ той степени, какъ другіе вокзалы польской столицы.

И зданіе здѣсь не такое парадное. И публика нѣсколько проще. А подвижной составъ — не тѣ опрятные, новенькіе вагоны, которые курсируютъ на главныхъ линіяхъ. Для „кресовъ" считается, видимо, вполнѣ достаточнымъ пускать въ обращеніе весь старый, залежавшійся, полученный по наслѣдству отъ русскаго правительства хламъ.

Но поѣздъ все-таки переполненъ.

Если отъ Вильны до Варшавы мнѣ пришлось ѣхать въ обществѣ легіонеровъ и самого маршала Пилсудскаго, который, какъ сейчасъ вспоминается, подъ клики восторженной толпы: „Іозефъ иде!.. Виватъ!.. Маршалекъ иде!.." въ ветхой шинелькѣ, въ неизмѣнной плоской шапочкѣ, „матеювкѣ", не снимаемой, какъ утверждаютъ, со времени великой войны, сосредоточенный и задумчивый, съ нахмуренными бровями, съ круто опущенными усами, не отвѣчая на привѣтствія, прошелъ мимо меня въ двухъ шагахъ по перрону, — сейчасъ я ѣду въ другой компаніи, въ обществѣ резервистовъ, отбывающихъ четырехнедѣльный срокъ службы.

Это — молодые люди изъ польской Силезіи, направляющіеся въ гарнизоны Полѣсья.

Вотъ вамъ и территоріальная система укомплектова-

ній, о необходимости введенія которой въ царской Россіи, въ свое время, такъ горячо писали и говорили спеціалисты либеральнаго образа мыслей! Нѣтъ, видно, политическія соображенія заставляютъ и Рѣчь Посполитую, до поры до времени, придерживаться старой, въ военномъ отношеніи болѣе надежной системы, по которой молодые люди востока ѣдутъ служить винтовкѣ на западъ, а молодые люди запада направляются на востокъ...

Семидневное пребываніе въ польской столицѣ, съ ея блескомъ и гамомъ, съ шумомъ, грохотомъ, буйнымъ движеніемъ, съ пестрой, нарядной варшавской толпой, съ помпезной встрѣчей отважной француженки-амазонки, мадемуазель Рено Доранжъ, съ торжественнымъ военнымъ парадомъ въ день „Чуда надъ Вислой" — побѣды надъ докатившейся до самаго Радимина большевицкою красною тучей — мало-по-малу отходитъ на задній планъ.

— Щенсливе, щенсливе! — звучатъ напутственныя восклицанія провожающихъ, рѣютъ платочки, поѣздъ медленно двигается и скачетъ на стрѣлкахъ.

Варшава уже позади, но варшавскія впечатлѣнія продолжаютъ скользить передъ глазами, переплетаясь въ клубокъ, разсыпаясь на тысячи брызгъ, изъ которыхъ выростаютъ отдѣльныя сценки, картинки, яркій калейдоскопъ...

Въ окно промелькнулъ Сулеювекъ — маленькій полустанокъ и находящаяся рядомъ усадьба Пилсудскаго, поднесенная маршалу въ качествѣ національнаго подарка. Укрывшійся за густыми деревьями, домикъ сулеювской усадьбы чуть виденъ.

А дальше слѣдуетъ одна станція за другой, ничѣмъ особымъ не примѣчательныя, опрятныя, наново отстроенныя или отремонтированныя, перевитыя зеленымъ плющомъ, съ обычной станціонной толпой, буфетомъ, газетнымъ кіоскомъ, съ вооруженными жандармами на перронѣ, при желтомъ аксельбантѣ на лѣвомъ плечѣ, съ прогуливающимися и встрѣчающими поѣздъ дачницами и офице-

рами мѣстнаго гарнизона, съ суетящимися евреями, съ окрестною шляхтой, въ кунтушахъ и венгеркахъ, съ гимназистами въ національныхъ конфедераткахъ.

Въ окна мелькаетъ одинъ и тотъ же пейзажъ, еще не полѣсскій, но преддверіе къ оному — картофельныя поля, низкія лонки, мелкій сосновый лѣсокъ, характерный пейзажъ, выражающійся еще болѣе рѣзко съ каждой верстой пробѣгаемаго пространства.

Но вотъ и Брестъ... Знаменитый Брестъ — Каинова печать на страницѣ русской исторіи!...

Огромный вокзалъ, расширенный, перестроенный, когда-то видѣлъ подъ своими старыми сводами и товарища Троцкаго, истерически лепетавшаго новый, неслыханный лозунгъ — „не война и не миръ!", и гремѣвшаго тевтонскими шпорами, грозно стучавшаго по столу кулакомъ, генерала Гофмана.

Все это уже отошло въ область преданія — и война, и „похабный" миръ, и даже представители „высокихъ договаривающихся сторонъ".

> «Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
> Какъ Сади нѣкогда сказалъ...»

Здѣсь — „кресы", настоящіе кресы.

Слышна русская рѣчь, видны русскіе люди — крестьяне въ русскихъ одеждахъ, извощики, бородатые русскіе батюшки, станціонные сторожа въ форменныхъ „рогатывкахъ", старые русскіе люди, коверкающіе польскую рѣчь.

Русскимъ духомъ тянетъ неудержимо.

Чувствуется близость исконной русской земли, границы благодатнаго черноземнаго края, изъ котораго, какъ дуновеніе родимаго вѣтра, плывутъ ароматы пшеничныхъ полей, запахъ медвяныхъ луговъ, отдаленный благовѣстъ храмовъ...

— Брестъ-Литовскъ? — спрашиваю у сторожа.

— Такъ точно! — говоритъ сторожъ и почтительно козыряетъ. — Не Литовскій, нонеча, ваше благородіе, а Всходный...

И сторожъ ухмыляется лукавой улыбкой.

И ласково смотритъ вслѣдъ слезящимися старческими глазами...

Дальше и дальше скачетъ полѣсскій поѣздъ, врѣзаясь въ гущу болотныхъ пространствъ, съ зелеными лонками, съ топями и трясинами, съ дикимъ полѣсскимъ лѣсомъ.

Природа, словно нарочно, поставила здѣсь передъ человѣкомъ неисчислимыя препятствія, чтобы не смѣлъ покуситься онъ на ея дѣвственность, чтобы не захваталъ ея цѣломудренную, свѣжую грудь своимъ жаднымъ прикосновеніемъ.

Какой необъятный просторъ!..

Какъ манитъ эта изумрудная скатерть, на которой, подобно крупнымъ зернамъ сапфира, разметались синіе водоемы!...

А вдали одинокія могучія сосны, уже въ теченіе вѣка, а можетъ быть больше, стерегутъ этотъ благословенный покой!...

Ни души человѣческой, никакихъ признаковъ жизни, которая вся забилась въ траву да въ зеленый камышъ, изъ котораго, время отъ времени, подымаются стада дикихъ утокъ и чертятъ, и кружатъ въ вечерѣющемъ небѣ.

А потомъ — лѣсъ, темный, влажный полѣсскій лѣсъ, раскинувшійся на сотни верстъ во всѣ стороны, молчаливый и неподвижный, таящій великую думу, укрывающій подъ своими покровами великую звѣриную тайну косоглазыхъ зайчишекъ, вепрей и козъ, лисъ, волковъ и оленей, куницъ, барсуковъ и настоящихъ хищниковъ полѣсской тайги — таинственныхъ рысей.

Огненный дискъ тонетъ въ сизомъ туманѣ.

Вѣетъ вечернею свѣжестью, робко замигали первыя

звѣзды, и вотъ уже обозначился семиглазый ковшъ Большой Медвѣдицы, устремленный однимъ краемъ на сѣверъ.

Выплываетъ круглая, блѣдная, тоскующая луна.

Въ этотъ часъ лѣсъ просыпается и начинаетъ жить особою фантастической жизнью, которую знаетъ лишь тотъ, кто бродилъ когда-либо, съ винтовкой въ рукахъ, по его потаеннымъ дорожкамъ, прислушивался къ голосамъ ночи и, затаивъ дыханіе, какъ чудесной рапсодіи, внималъ крику лунной совы и уханью филина...

Вагонъ переполненъ, и я сижу въ новомъ обществѣ.

Это — студенты и молодыя студентки, изъ разныхъ Луцковъ и Ковелей, изъ Здолбунова, Кременца, Сарнъ, жизнерадостная еврейская молодежь, прокаленная солнцемъ Волыни, направляющаяся вкушать корень премудрости въ знаменитой виленской семинаріи.

Въ отдѣленіи третьяго класса ихъ сидитъ четверо и среди нихъ — стройная, тоненькая красавица, точно ветхозавѣтная Суламифь, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ большими, скромно опущенными глазами. И когда она лѣниво ихъ приподымаетъ, все озаряется жгучимъ, опаляющимъ свѣтомъ, и веселѣй становится на душѣ, и хочется пріобщиться къ оживленной бесѣдѣ и смѣху.

Настроеніе портитъ величественная польская пани, которая окидываетъ молодежь суровыми взорами и, время отъ времени, презрительно скосивъ ротъ, кидаетъ:

— Проше не кшичать!

— Проше замыкать джви!

Вскорѣ старуха демонстративно приподымается и выходитъ...

Кто-то затягиваетъ пѣсню на древнемъ языкѣ иврисъ. Два мужскихъ голоса и одинъ женскій, мягкій, грудной женскій голосъ, подхватываютъ мелодію и, въ тактъ колесной симфоніи, льются невѣдомыя, загадочныя слова:

«Имъ эй ани ли,
Ми ли...»

Потомъ поются русскія пѣсни и пѣсни малороссійскія, весьма обширный репертуаръ, который могъ бы оказать честь любому профессіоналу:

«И шумыть, и гудыть,
Дрібні дождикъ иде —
А кто мэнэ, молоденьку,
Тай до дому доведэ?..»

Тихо опускается полѣсская ночь и кроетъ своимъ покрываломъ потемнѣвшія лонки, болотныя топи и лѣсъ.

Тусклый свѣтъ фонаря озаряетъ усталыя лица.

Умолкаетъ бесѣда и пѣсни.

Мало-по-малу все погружается въ сонъ...

Тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ, притихла веселая молодежь. Склонивъ головку на плечо сосѣда, держа его руку въ своей рукѣ, плотно сомкнувъ пушистыя, какъ опахало, рѣсницы, улыбается въ сновидѣніяхъ черноокая дѣвушка изъ Сарнъ.

«Люстигъ исъ дасъ цигайнеръ лебенъ,
фа-рі-я,
Менъ дарфъ демъ кенигъ кайнъ цинзъ нитъ гебенъ,
фа-рі-я!..»

Знаете ли вы Пинскъ?

Нѣтъ, вы не знаете Пинска, ибо тотъ деревянный, старый довоенный Пинскъ, который былъ сердцемъ Полѣсья и центромъ полѣсской лѣсоторговли, сгорѣлъ.

Сгорѣлъ, конечно, не весь, но что доступно было всепожирающему, очистительному огню — окраины съ низенькими, совершенно вросшими въ землю, точно полѣсскіе рыжики, облупленными домишками, сараи, склады, ветхіе покосившіеся заборы и прочая деревянная рухлядь, обволакивавшая городъ со всѣхъ трехъ сторонъ, исчезли безслѣдно.

Въ этомъ отношеніи, огненное крещеніе, происшедшее, какъ утверждаютъ пинчане, отъ злонамѣреннаго поджога, безспорно способствовало украшенію города. Под-

жигатель не пожелалъ увѣковѣчить свое имя въ исторіи, но весьма вѣроятно, это былъ тихій эстетъ...

Пинскъ измѣнился.

Онъ остался по-прежнему столицей и сердцемъ Полѣсья, но сталъ какъ-то моложе, свѣжѣе, скинулъ свой старый, вышедшій изъ моды костюмъ, побрился, постригся, нацѣпилъ крахмальный воротничокъ. Пусть воротничокъ этотъ не изъ первосортнаго полотна, а просто бумажный, воротничокъ-монополь, онъ придаетъ все же внѣшности щеголеватый видъ.

Что интереснаго въ Пинскѣ?

На что мимолетный взоръ случайно закинутаго въ сердце Полѣсья туриста обращаетъ вниманіе?

Во-первыхъ, въ Пинскѣ совсѣмъ недурной вокзалъ, съ салономъ перваго класса, съ газетнымъ кіоскомъ, въ которомъ можно получить рѣшительно всѣ газеты, съ бойкой буфетчицей, которая въ курсѣ всѣхъ городскихъ новостей — кто пріѣхалъ и кто уѣхалъ, каковы цѣны на бульбу, жито и лѣсъ, кто женится, кто разводится и кто собирается умирать.

Вокзалъ, само собой разумѣется, съ утра до глубокой ночи, наполненъ разнокалиберной публикой — молодыми людьми обоего пола, жандармами и чинами мѣстнаго гарнизона, полѣсскими помѣщиками, въ кунтушахъ, съ лихо закрученными подусниками, полѣсскими инженерами, полѣсскими коммерсантами и агентами лѣсныхъ, конкурирующихъ между собою, фирмъ.

Все это находится въ безпокойномъ движеніи, перебиваетъ другъ друга, жестикулируетъ и кричитъ. Словомъ, хорошо извѣстная, не мѣняющаяся ни при какихъ режимахъ, картина станціонной жизни.

А у вокзала выстроился цѣлый рядъ меблирашекъ, достаточно паскудныхъ, блистающихъ названіями всѣхъ столицъ міра, широко распахивающихъ гостепріимныя двери. Хозяева и хозяйки, въ туфляхъ на босую ногу, стоятъ на порогѣ и зазываютъ проѣзжихъ гостей:

— Вельможны пане!...

— Проше уваги!...

— Отель першего клясу!...

— Сличне мѣшканье!...

Да, Пинскъ измѣнился, но тотъ же старый, знакомый патріархальный бытъ встрѣчается на каждомъ шагу, выпираетъ изъ каждой щели...

Въ моемъ распоряженіи скромная конура съ кроватью и рукомойникомъ, съ портретомъ маршала Пилсудскаго на стѣнѣ, съ старымъ Лейзеромъ Шнеерсономъ на порогѣ.

Хозяинъ держитъ себя съ солиднымъ достоинствомъ. Онъ учтивъ, но не разговорчивъ, и каждое слово, оброненное имъ съ той же разсчетливостью, какъ и серебряный злотъ, полно глубокаго смысла и плотно ложится въ сознаніе. А на устахъ, обрамленныхъ кустарникомъ сѣдой бороды и усовъ, точно застыла сакраментальная фраза:

— Что есть Истина?

Черезъ четверть часа, долгогривый полѣсскій „дружкажъ", цокая, дергая возжами, нахлестывая старую вислоухую „шкапу", ползетъ длиннѣйшей улицей, которая носитъ историческое названіе „Проспекта Костюшки".

Это типичная улица провинціальнаго городка, съ москательными лавками, „фризернями", колбасными, булочными и чайными, ведущая въ центръ города, не въ географическій центръ, а въ тотъ, достаточно живописно раскинувшійся на берегу Пины районъ, составляющій гордость каждаго коренного пинчанина.

Здѣсь — пинскій „Кремль", въ нѣкоторомъ родѣ, пинскій „Палэ-Рояль", головной мозгъ, сердце и желудокъ лѣсной столицы, замкнувшійся въ камнѣ построекъ и въ булыжникѣ мостовыхъ.

Посрединѣ, видимый издалека, стоитъ въ кирпичной оградѣ величественный костелъ, свидѣтель, можетъ быть, славныхъ временъ Ягеллоновъ, гетмана Богдана Хмѣльницкаго, Гонты, Желѣзняка, битвы подъ Берестечкомъ.

Тутъ же, неподалеку, расположена усадьба католическаго архіепископа, пинскіе отели и конфексіоны, магазины парфюмеріи и „Парижскихъ Модъ“, кондитерская съ оригинальнымъ названіемъ, что-то положительно вродѣ „Бонбонъ де Варсови“, городской скверикъ и набережная Пины, усаженная липками и каштанами — мѣсто встрѣчъ молодыхъ пинчанъ и пинчанокъ.

Въ каждомъ городѣ существуетъ такой излюбленный уголокъ, располагающій къ созерцанію и мечтательности...

Пина — несомнѣнное украшеніе Пинска.

Пина не широка, всего какихъ-нибудь двадцать саженъ. Она напоминаетъ скорѣе каналъ, на которомъ стоятъ десятки землечерпалокъ и канонерокъ подъ польскимъ флагомъ.

Со скамеекъ бульвара открывается видъ на противоположный берегъ рѣки, не очень величественный и даже не поэтичный, низкій и топкій берегъ, представляющій до самаго горизонта однообразную болотистую равнину.

Но зато весной все это покрывается водой до самой Ясельды, напоминая открытое море. Сообщеніе съ Пинскомъ поддерживается на особыхъ полѣсскихъ гондолахъ, на которыхъ крестьяне подвозятъ зерно, масло, птицу и даже скотъ. И Пинскъ тогда можетъ быть названъ, безъ преувеличенія, полѣсской Венеціей...

Мягко ложатся краски заката.

Догорающіе лучи золотятъ тихую, сонную, лишенную всякаго движенія, воду.

Изъ тростниковъ, время отъ времени, вылетаютъ дикія утки и, совершивъ вечернюю прогулку, снова скрываются въ камышѣ.

Медленно падаетъ ночь.

Бульваръ мало-по-малу пустѣетъ. Только отдѣльныя пары, тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ, продолжаютъ сидѣть на скамейкахъ и шептать одни и тѣ же, отъ сотворенія міра, слова.

На судахъ рѣчной эскадры вспыхиваютъ огни.

Слышится монотонная полѣсская пѣсня.

Загораются звѣзды и выплываетъ лунный челнокъ, такой печальный и блѣдный, словно таящій молчаливую муку.

Отъ рѣки тянетъ вечернею свѣжестью, острой и влажной, несущей лихоманку, колтунъ и трясъ, полѣсскою свѣжестью, запахомъ богуна, дурманъ-травы и лѣсовъ, замыкающихъ Пинскъ на многія сотни верстъ.

Эта точка, затерянная въ безконечномъ болотномъ пространствѣ, была тѣмъ предѣломъ, до котораго докатилась вражеская волна. Слѣдующая станція — Парохонскъ, оставалась въ русскихъ рукахъ, и слѣды зенитныхъ батарей и окоповъ видны до сихъ поръ.

Тихо колышутся тѣни воспоминаній.

Образы прошлаго выростаютъ въ сумракѣ полѣсской ночи...

И я возвращаюсь домой, въ свой убогій пріютъ, съ узкой кроватью и рукомойникомъ, съ стоящею на порогѣ, съ ключами въ рукахъ, фигурою стараго Лейзера, съ сакраментальною фразою на устахъ:

— Что есть Истина?

За ужиномъ пью полѣсскую водку и бесѣдую съ молодымъ инженеромъ, командированнымъ на осушку пинскихъ болотъ.

Въ сущности, мой собесѣдникъ пока еще только студентъ-практикантъ. Но правила полѣсскаго тона обязываютъ величать его „паномъ инженеромъ“, на одну ступень выше, подобно тому, какъ, по этимъ же правиламъ, каждый пинскій приготовишка называется „паномъ студентомъ“.

Таковы традиціи края...

А ночью просыпаюсь отъ холода и атаки назойливыхъ насѣкомыхъ — не клоповъ, а совершенно особыхъ полѣсскихъ сѣренькихъ таракановъ, воскрешающихъ въ памяти старинный куплетъ:

«Коль таракановъ много,
Въ томъ домѣ благодать!.»

За досчатой перегородкой слышится шопотъ...

Со станціи доносится крикъ дежурнаго паровоза...

А въ окнѣ плыветъ лунный челнокъ, заливающій комнату фантастическимъ свѣтомъ полѣсской ночи...

ПОРУЧИКЪ МИРОВИЧЪ

Изъ стариннаго прошлаго

Сынъ принцессы мекленбургской, Анны Леопольдовны, и принца брауншвейгскаго, Антона Ульриха, трехмѣсячный младенецъ Иванъ, по капризу больной императрицы Анны Іоанновны, былъ объявленъ „императоромъ всероссійскимъ".

Когда Минихъ велъ гвардейцевъ арестовывать Бирона, солдаты были убѣждены, что переворотъ дѣлается въ пользу цесаревны Елисаветы Петровны. Но правительницей имперіи объявлена была мать младенца.

Въ ночь на 25 ноября 1741 года, цесаревна Елисавета Петровна, съ вѣрными лейбъ-кампанцами, арестовываетъ правительницу, ея мужа — генералиссимуса принца Антона, младенца Ивана и провозглашаетъ себя императрицей. Гвардія, народъ, вся Россія привѣтствуютъ дочь Петра Великаго...

Елисавета Петровна не ошиблась въ расчетахъ.

Если „Парижъ стоитъ обѣдни", то за Россію можно отречься отъ подписи на присяжномъ листѣ, которою она клялась въ вѣрности младенцу Ивану. Но Елисавета Петровна добросердечна. И въ манифестѣ о восшествіи на престолъ такъ опредѣляетъ судьбу низложеннаго императора и его родителей:

„Изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честью и съ достойнымъ удовольствованіемъ, предавъ всѣ ихъ къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ отечество ихъ всемилостивѣйше отправить..."

Въ декабрѣ 1741 года, нѣсколько кибитокъ, окруженныхъ надежнымъ конвоемъ, выѣхало изъ города Санктпитербурха...

Поѣздъ направлялся на Ригу, Митаву, Кенигсбергъ. Весь 1742 годъ изгнанники провели въ Ригѣ, „подъ крѣпкимъ надзоромъ". Въ декабрѣ того же года были перевезены въ крѣпость Дюнаминдъ. До послѣдняго времени сохранялся тамъ историческій казематъ, зданіе Арсенала, въ которомъ была заключена брауншвейгская семья и гдѣ родилась, между прочимъ, принцесса Елисавета.

Вскорѣ возникъ вопросъ большой государственной важности.

Не опасно-ли выпустить изъ рукъ брауншвейгскую фамилію?.. Заграницею, на свободѣ, не явится-ли со временемъ, въ лицѣ Ивана VI, претендентъ на русскій престолъ?..

Первоначальное рѣшеніе, высказанное въ манифестѣ, было оставлено и изгнанники были возвращены въ Россію.

Въ 1744 году ихъ перевезли въ Ранненбургъ, Рязанской губерніи. Осенью Ивана VI навсегда разлучили съ родителями и отправили въ Холмогоры. Остальныхъ „арестантовъ" намѣчено было заключить въ Соловки. Но вслѣдствіе распутицы, этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Брауншвейгская семья была также водворена въ Холмогорахъ.

Родивъ здѣсь сына Петра, а потомъ Алексѣя, Анна Леопольдовна скончалась. Принцъ Антонъ-Ульрихъ умеръ много позднѣе, въ 1774 году. Брауншвейгская фамилія, всѣми забытая, оставалась десятки лѣтъ въ Холмогорахъ. Старики умерли, вновь народившіеся старѣли.

Но никто изъ нихъ никогда не видѣлъ и ничего не зналъ про Ивана VI, содержавшагося, въ теченіе многихъ лѣтъ, тутъ же, за одною и той же оградой.

Въ 1756 году, по высочайшему повелѣнію, сержантъ лейбъ-гвардіи Савинъ, въ глухую ночь, вывезъ узника изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ....

Ивану VI минуло шестнадцать лѣтъ. Это былъ юноша средняго роста, довольно слабаго сложенія, но здоровый, насколько, впрочемъ, можетъ быть здоровъ человѣкъ, проведшій всю жизнь въ заточеніи. Съ четырехлѣтняго возраста, оторванный отъ родителей, онъ былъ сданъ на руки тюремщикамъ. Двадцать лѣтъ производился надъ нимъ опытъ, перваго въ Россіи, примѣненія безчеловѣчной системы одиночнаго заключенія. Онъ никого не видѣлъ, никто съ нимъ не разговаривалъ, на вопросы его было запрещено отвѣчать.

Подлинная выписка изъ донесеній гласитъ:

„Хотя въ арестантѣ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался... Арестантъ сказываетъ, что онъ русской имперіи государь..."

Иванъ VI не получилъ никакого образованія. Однако, зналъ Евангеліе, апостоловъ и другія произведенія духовнаго содержанія. Въ физическомъ отношеніи узникъ былъ совершенный ребенокъ, но нрава „сердитаго и горячаго".

Безвинный и безобидный, ни на что не способный, онъ родился, жилъ и умеръ мученикомъ деспотизма. Съ колыбели до самой могилы, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, Иванъ VI былъ игрушкою политическихъ страстей. А убитъ былъ по той причинѣ, что какой-то безразсудный поручикъ избралъ его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Василій Яковлевичъ Мировичъ былъ оберъ-офицеромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка.

Мировичи принадлежали въ малороссійской знати, нѣкогда были богаты, играли видную роль, пользовались вліяніемъ. Дѣдъ поручика, переяславскій полковникъ Федоръ Мировичъ, измѣнилъ Петру I и, послѣ пораженія шведскаго короля, бѣжалъ въ Польшу. Отецъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Польшей, былъ сосланъ въ Сибирь. Знаменитый черниговскій полковникъ, гетманъ Полуботокъ, былъ имъ сродни...

Полуботокъ давно умеръ въ Петропавловской крѣпости, а внукъ переяславскаго полковника шатался по санктпетербургскимъ проспектамъ, мечтая о прежнемъ довольствѣ и славѣ. На его глазахъ произошелъ переворотъ 1762 года. Переворотъ совершился легко, съ театральною быстротой. Люди, не имѣвшіе вчера никакого значенія, стали титулованными сановниками, получившими въ одинъ день чины, земли, награды.

А у Мировича, кромѣ долговъ, имѣются три сестры, которыя голодаютъ, да въ сенатѣ разсматривается безнадежный процессъ съ казной о возвращеніи конфискованныхъ имѣній дѣда.

Три раза подавалъ Мировичъ прошенія по своему сенатскому дѣлу. Три раза императрица, собственноручными резолюціями, отказывала просителю, называя его „внукомъ и сыномъ бунтовщиковъ".

Послѣ неоднократныхъ попытокъ, Мировичъ удостоился, наконецъ, аудіенціи у своего земляка, всесильнаго гетмана Разумовскаго. Гетманъ выслушалъ просьбу поручика и сказалъ:

— Ты, молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу!.. Ухвати фортуну за чубъ и станешь такимъ же паномъ, какъ и другіе!.."

Крѣпко задумался поручикъ надъ словами гетмана.

Смоленскій пѣхотный полкъ занималъ въ ту пору караулы въ шлюссельбургской крѣпости и форштадтѣ. Странная крѣпость!.. Въ крѣпости еще какъ бы крѣпость, охраняемая особой командой... Кто содержится въ этихъ таинственныхъ казематахъ?.. Отчего, съ особливымъ тщаніемъ, окруженъ „нумеръ первый"?..

Отставной барабанщикъ шлюссельбургскаго гарнизона проболтался господину поручику:

— Нумеръ первый, безымянный колодникъ — императоръ Иванъ VI!

Молнія пронеслась въ головѣ молодого поручика.

— Такъ вотъ гдѣ „Иванушка", котораго молва то

прочить въ мужья Екатеринѣ, то называетъ императоромъ всероссійскимъ!.. Онъ не только живъ!.. Онъ здѣсь, подъ карауломъ его же, Мировича!.. Вотъ и гетманская фортуна, которую нужно ухватить только за чубъ, чтобы стать паномъ!..

Въ теченіе полугода Мировича преслѣдуетъ безотвязная мысль.

Чѣмъ больше онъ о ней думаетъ, тѣмъ кажется она ему болѣе исполнимой. Отсутствіе императрицы, уѣхавшей въ Ригу, для обзора остзейскихъ провинцій, облегчаетъ выполненіе плана...

Считая, что освобожденіе узника сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, поручикъ Мировичъ ищетъ помощника. Таковымъ ему показался „давнишній, въ нравахъ весьма сходный пріятель“ — Великолуцкаго пѣхотнаго полка, поручикъ Аполлонъ Ушаковъ.

Планъ былъ разработанъ сообща.

13 мая оба пріятеля, „дабы вяще себя укрѣпить“, отправились въ церковь Казанской Божьей Матери, гдѣ отслужили по себѣ акафистъ и панихиду, какъ по покойникамъ. Былъ заготовленъ фальшивый указъ и манифестъ отъ имени Ивана VI.

Но первоначальный планъ потерпѣлъ неудачу.

Ушаковъ былъ неожиданно командированъ въ Смоленскъ, для отвоза денежной казны генералъ-аншефу князю Волконскому, и по дорогѣ, переправляясь черезъ рѣку, утонулъ.

Мировичъ, послѣ нѣкотораго раздумьи, выполняетъ планъ единолично...

4 іюля Мировичъ сидитъ въ кордегардіи, въ караулѣ. Онъ пишетъ, отъ имени Ивана VI, указъ Смоленскаго полка полковнику Римскому-Корсакову о слѣдованіи ему съ полкомъ въ Санктпитербурхъ, къ лѣтнему его императорскаго величества дворцу. Онъ вызываетъ къ себѣ въ кордегардію, по одиночкѣ, сперва своего денщика, „состоящаго на вѣстяхъ“ солдата Писклова, потомъ всѣхъ трехъ капраловъ караульной команды — Миронова, Кре-

нева и Осипова. Отъ каждаго обласканнаго солдата получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Ежели солдатство согласно, то и онъ не отстанетъ!

Въ исходѣ второго часа ночи, Мировичъ хватаетъ шпагу, бѣжитъ изъ кордегардіи въ караульное помѣщеніе и командуетъ:

— Въ ружье!

Ставъ передъ отрядомъ, Мировичъ приказалъ зарядить ружья „съ пулями“. Проснувшійся отъ шума комендантъ, полковникъ Бередниковъ, въ халатѣ выскочилъ на крыльцо. Мировичъ, ударивъ коменданта прикладомъ, крикнулъ:

— Что ты здѣсь держишь невиннаго государя!

Комендантъ былъ арестованъ. Затѣмъ поручикъ быстро повелъ свой отрядъ къ той казармѣ, гдѣ стояла команда, караулившая казематъ съ „нумеромъ первымъ“. На окликъ часового поручикъ отвѣтилъ:

— Порутчикъ Мировичъ идетъ къ государю!

Едва отрядъ поравнялся съ гарнизонной командой, часовой выстрѣлилъ. Мировичъ приказалъ отряду „выпалить всѣмъ фронтомъ“ и пригрозилъ пушкой. Вслѣдъ за тѣмъ двинулся дальше. У каземата встрѣтилъ сильно взволнованнаго поручика Чекина. Мировичъ ухватилъ его за руку и потащилъ въ сѣни, со словами:

— Сказывай, гдѣ государь!

— У насъ государыня, а не государь! — отвѣтилъ Чекинъ.

Мировичъ ударилъ его по затылку и закричалъ:

— Укажи государя!.. Отпирай тотчасъ дверь!

Чекинъ повиновался.

Въ казематѣ было темно. Побѣжали за огнемъ. Лѣвой рукой Мировичъ держалъ Чекина за воротъ, въ правой — ружье со штыкомъ. Въ ожиданіи огня, произнесъ:

— Другой бы тебя, каналья, давно закололъ!

Принесли огонь. Мировичъ вскочилъ въ казематъ

и остолбенѣлъ. Въ лужѣ крови валялось на полу мертвое тѣло. Изъ-за плеча Мировича глядѣли на теплый еще трупъ поручикъ Чекинъ и подошедшій капитанъ Власьевъ.

— Ахъ, вы безсовѣстные! — сказалъ тихо Мировичъ. — За что невинную кровь такого человѣка пролили?

По приказанію Мировича, солдаты положили тѣло на кровать и вынесли изъ каземата. Отрядъ построился въ четыре шеренги.

— Теперь отдамъ послѣдній долгъ своего офицерства! — произнесъ Мировичъ. Онъ велѣлъ бить „утренній побудокъ" и скомандовалъ — „на караулъ!" Потомъ приказалъ бить „полный походъ" и салютовалъ шпагой. Отдавъ трупу воинскія почести, Мировичъ подошелъ къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ холодѣвшую руку и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ:

— Вотъ нашъ государь, Іоаннъ Антоновичъ!.. Теперь мы не столь счастливы, какъ безсчастны, а всѣхъ болѣ за то я претерплю!... Вы же не виноваты, ибо не вѣдали, что я задумалъ!.. Я за всѣхъ васъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ снести долженъ!..

Мировичъ сталъ обходить шеренги и цѣловать солдатъ. Солдаты одумались. Капралъ Мироновъ подошелъ сзади и взялся за шпагу. Но поручикъ заявилъ, что отдастъ шпагу лишь коменданту. Вскорѣ подошелъ комендантъ, освобожденный изъ-подъ ареста. Онъ сорвалъ съ Мировича „офицерскій знакъ" и отдалъ бунтовщика подъ караулъ при фронтѣ...

Спустя нѣсколько дней, императрица Екатерина, совершавшая въ 1764 году обзоръ остзейскихъ провинцій, получила въ Ригѣ донесеніе графа Панина объ „отчаянной ухваткѣ одного сущаго злодѣя", закончившейся умерщвленіемъ шлюссельбургскаго узника.

Съ большимъ волненіемъ, императрица прочла рапортъ и вздохнула:

— Руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть!.. Ивана нѣтъ больше на свѣтѣ!..

Мировичъ былъ казненъ, съ сожженіемъ праха, на Питербургскомъ Островѣ.

Державинъ, наблюдавшій казнь, записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Мировичу отрублена голова на эшафотѣ. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертную казнь и ожидавшій милосердія государыни, когда увидалъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и таково содрогся, что мостъ поколебался и перила обвалились въ воду...“

ГИБЕЛЬ МАКАРОВА

На сѣренькомъ фонѣ общаго равненія на середину, приведшаго, въ концѣ концовъ, къ морской трагедіи подъ Цусимой, яркимъ свѣтовымъ пятномъ выдѣляется образъ адмирала Макарова.

Степанъ Осиповичъ Макаровъ пріобрѣтаетъ извѣстность еще съ того отдаленнаго времени, когда въ чинѣ лейтенанта, командуя дѣдушкой русскаго миннаго флота, пароходомъ „Великій Князь Константинъ“, смѣлыми и рискованными налетами терроризируетъ турецкій флотъ.

Едва пожаръ на Балканахъ разгорѣлся съ такою силой, что необходимость тушить его русскою кровью сдѣлалась очевидной, молодой лейтенантъ осаждаетъ начальство записками и докладами.

По его мнѣнію, не взирая на отсутствіе морскихъ силъ, русскіе въ состояніи воспрепятствовать туркамъ владѣть Чернымъ моремъ, использовавъ съ этою цѣлью новое, еще не испытанное въ бою, грозное оружіе — мины.

Этотъ проэктъ, какъ и слѣдовало ожидать, членами адмиралтействъ-совѣта былъ признанъ „непріемлемымъ“.

Однако, настойчивость лейтенанта Макарова, послѣ цѣлаго ряда попытокъ, увѣнчалась успѣхомъ. Проэктъ встрѣтилъ благожелательное къ себѣ отношеніе генералъ-адмирала, великаго князя Константина Николаевича.

Молодой офицеръ осуществляетъ свой планъ и, съ ближайшими помощниками, лейтенантомъ Рождественскимъ, Пущинымъ, Зацареннымъ, топитъ минными катерами турецкіе корабли.

Чрезвычайно тяжелъ и тернистъ, при господствовавшихъ порядкахъ подъ адмиралтейскимъ шпицемъ, былъ служебный путь Степана Осиповича Макарова. Много борьбы и усилій выпало на его плечи.

На почвѣ этой борьбы отношенія не разъ обострялись и дошли до того, что за годъ до русско-японской войны, уже занимая высокій постъ главнаго командира кронштадскаго порта, адмиралъ Макаровъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Отличительной чертой адмирала являлась вражда ко всякой рутинѣ, ненависть къ излюбленнымъ канцелярскимъ пріемамъ — „гнать зайца", другими словами, во избѣжаніе отвѣтственности за самостоятельное рѣшеніе вопроса, направлять бумаги на разрѣшеніе высшихъ инстанцій.

Такой же чертой была исключительная работоспособность, кипучая дѣятельность, рѣдкій здравый смыслъ, умѣнье схватывать на лету, съ полуслова, суть каждаго дѣла, поддержка личной инициативы, честность и скромность, прямодушіе и глубокое сознаніе долга — „не токмо за страхъ, но за совѣсть". Подобными чувствами были проникнуты его отношенія къ подчиненнымъ.

Огромный опытъ, познанія, популярность въ широкихъ морскихъ кругахъ, да и вообще весь складъ натуры, выдѣляли главнаго командира кронштадскаго порта изъ среды русскихъ флагмановъ.

Въ тяжелый часъ русско-японской войны кто же, какъ не Макаровъ, былъ призванъ возглавить собой тихоокеанскую боевую эскадру?

Онъ принялъ это назначеніе подъ однимъ условіемъ — „намѣстнику Алексѣеву въ его дѣла не путаться", и выѣхалъ въ Портъ-Артуръ.

Макаровъ прибылъ въ Портъ-Артуръ 24 февраля.

Въ этотъ день удалось откачать стоявшій на мели „Ретвизанъ" и ввести его въ гавань. Случайное совпаденіе дало не мало пищи склоннымъ къ суевѣрію морякамъ.

— Счастливая примѣта! — говорили офицеры въ каютъ-компаніяхъ.

— Пріѣхалъ и распорядился! — разсуждали на бакѣ матросы. — Нашъ братъ!... Все можетъ!

Почему строгій и требовательный адмиралъ считался „своимъ братомъ“? Не по той-ли причинѣ, что вышедшій изъ народа, безъ связей, безъ кумовства, безъ всякой протекціи, Макаровъ собственной головой проложилъ себѣ путь?

Не потому-ли, что въ отношеніяхъ адмирала къ строевой массѣ не было глухой стѣны, вѣками взращеннаго недовѣрія простыхъ людей къ господамъ?

Пріѣздъ Макарова, ожидавшійся съ нетерпѣніемъ, охватилъ флотъ слѣпой вѣрой въ вождя, бодростью, энтузіазмомъ. Прибывъ въ Портъ-Артуръ, Макаровъ тотчасъ отмѣнилъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, всякіе церемоніалы, обратился къ командирамъ, офицерамъ, командамъ съ живымъ, искреннимъ словомъ, вдохнулъ новыя силы, энергію, дѣятельность и, едва-ли не на другой день, подъ своимъ флагомъ, вышелъ на крошечномъ „Новикѣ“ навстрѣчу японскимъ крейсерамъ, разстрѣливавшимъ злополучнаго „Стерегущаго“.

Возвращеніе „Новика“ было тріумфомъ.

Весь гарнизонъ усѣялъ бруствера крѣпости. Населеніе порта и города высыпало на набережныя, чтобы привѣтствовать адмирала, возвращавшагося послѣ отважнаго поединка.

Не пышными фразами, но личнымъ примѣромъ пробуждается то, что носитъ названіе духа войска.

Выходъ на „Новикѣ“ былъ огромнымъ рискомъ. Но надо понять, что творилось въ душѣ любого матроса, наблюдавшаго, какъ самъ командующій флотомъ, не задумываясь ни на минуту, кинулся на выручку какого-то миноносца, гибель котораго была очевидна.

Что касается риска, кто же изъ полководцевъ, имена которыхъ сохранились въ исторіи, въ извѣстныхъ случаяхъ не рисковалъ собой?

Въ роковую ночь восемь русскихъ миноносцевъ вышли въ море, съ цѣлью развѣдки японской эскадры.

Морской штабъ, во избѣжаніе недоразумѣній, увѣдомилъ объ этомъ приморскія батареи, чтобы не приняли свои суда за японскія и не открыли по нимъ огня.

Ночь была тихая и безлунная.

Море было черно, и только лучи крѣпостныхъ прожекторовъ, точно гигантскія змѣи, скользили по водной поверхности.

Послѣ полуночи, лучъ прожектора накрылъ силуэтъ четырехтрубнаго миноносца. Съ Тигровой батареи запросили по телефону:

— Свой или чужой?

Трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Между тѣмъ, командиръ батареи убѣжденъ, что это японецъ уже хочетъ открыть огонь и однимъ залпомъ пустить миноносецъ ко дну. Однако, въ послѣднюю минуту запрашиваетъ, для вѣрности, морской штабъ.

Миноносецъ бѣснуется въ свѣтѣ поймавшаго его луча, юлитъ, кидается изъ стороны въ сторону. Раздается звонокъ. Морской штабъ категорически запрещаетъ стрѣлять:

— Это нашъ миноносецъ!

Командиръ батареи, съ грустью, приказываетъ не открывать огня...

Въ ту же ночь адмиралъ Макаровъ посѣтилъ крейсеръ „Діану“.

Крейсеръ стоялъ съ откинутыми сѣтями и подойти къ борту нельзя. Катеръ командующаго присталъ къ кормѣ, и адмиралъ, съ ловкостью мичмана, поднялся на палубу по веревочной лѣстницѣ — штормъ-трапу.

Адмиралъ, не дослушавъ официіальнаго рапорта командира, поздоровался съ нимъ, подалъ руку стоявшему здѣсь командиру кормового плутонга, прошелся по батареямъ, дружески заговаривая съ офицерами и чинами очередной вахты.

Въ концѣ обхода, наверху „что-то увидѣли“ и открыли прожекторы. Рѣшивъ, что стрѣлять нельзя, но

приказавъ точно записать румбъ и „антретное“ — на глазъ — разстояніе, чтобы завтра же протралить это мѣсто — „не набросали бы какой дряни!“ — адмиралъ спустился въ капитанскую каюту, прилегъ на диванъ и, по своему обыкновенію, тотчасъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ четыре часа утра Макарова разбудили.

Адмиралъ съѣхалъ съ крейсера и на прощанье, полушутя, полусерьезно, говорилъ окружившимъ его офицерамъ:

— Чего провожать выскочили?.. Сказано — безъ парада!.. Церемоніймейстеры!..

А черезъ какихъ-нибудь три часа, идя въ бой, „Діана“ пропускала мимо себя „Петропавловскъ“, выжидая очереди вступить въ строй, наблюдая въ послѣдній разъ своего адмирала, здоровавшагося съ лѣваго крыла мостика:

— Дай Богъ!... Въ добрый часъ!..

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ восьми миноносцевъ, взявшихъ направленіе на группу островов Эллiотъ, гдѣ обыкновенно стояла блокировавшая Портъ-Артуръ непріятельская эскадра, а именно, шедшій послѣднимъ, миноносецъ „Страшный“, оторвался въ темнотѣ отъ сосѣдей.

Блуждая по морю, „Страшный“ наткнулся на колонну какихъ-то судовъ, принялъ ихъ за свои миноносцы и пошелъ съ ними въ хвостѣ кильватера.

На разсвѣтѣ обнаружилась ошибка.

Миноносцы, оказавшіеся японскими, окружили „Страшный“ со всѣхъ сторонъ и стали его разстрѣливать.

Однимъ изъ первыхъ погибъ, въ неравной, мужественной борьбѣ, командиръ, капитанъ второго ранга Юрасовскій, и мичманъ Акинфіевъ. Японскій снарядъ взорвалъ лежавшую мину, разворотилъ бортъ, миноносецъ началъ тонуть. Лейтенантъ Малѣевъ, израненный, истекающій кровью, продолжалъ, лично, до послѣдней минуты, отстрѣливаться изъ пулемета.

Адмиралъ Макаровъ тотчасъ приказалъ „Баяну“ идти на выручку миноносца.

Броненосный красавецъ-крейсеръ, подъ командой капитана перваго ранга, Вирена, стремительно вынесся впередъ и уже на ходу засверкалъ огнями выстрѣловъ съ обоихъ бортовъ.

Отогнавъ японскіе миноносцы, подошелъ къ мѣсту боя, спустилъ шлюпки и на большой волнѣ сталъ подбирать тонущихъ людей. Удалось спасти только пять человѣкъ. На горизонтѣ появились японскіе броненосцы.

„Баянъ“, продолжая стрѣлять, медленно отходилъ къ Портъ-Артуру.

Этимъ маленькимъ эпизодомъ начался трагическій день 31 марта — день гибели адмирала Макарова, грандіозная катастрофа, какъ бы предрѣшившая дальнѣйшую участь портъ-артурской эскадры и крѣпости.

Адмиралъ Макаровъ, держа флагъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“, съ „Побѣдой“, крейсерами „Діаной“, „Аскольдомъ“ и „Новикомъ“, вышелъ изъ гавани на поддержку „Баяна“.

Командующій флотомъ поднималъ свой флагъ на различныхъ судахъ, не исключая маленькихъ бронепалубныхъ крейсеровъ. Дѣятельный, живой и подвижный, адмиралъ появлялся повсюду. И въ этотъ роковой день онъ перенесъ свой флагъ на „Петропавловскъ“ случайно, въ послѣднюю минуту.

Уже было совсѣмъ свѣтло, когда на морскомъ горизонтѣ появились огромные японскіе корабли, вся I эскадра, въ составѣ шести первоклассныхъ броненосцевъ, подъ начальствомъ адмирала Того.

Отойдя отъ рейда примѣрно на десять верстъ и увидѣвъ появленіе главныхъ силъ японскаго флота, Макаровъ полагалъ невыгоднымъ принять бой въ этихъ условіяхъ. Впередъ до исправленія подорванныхъ ночною атакою кораблей, адмиралъ предпочиталъ держать флотъ подъ защитою береговыхъ пушекъ.

Онъ повернулъ обратно на рейдъ, присоединилъ къ себѣ вышедшіе изъ гавани броненосцы „Пересвѣтъ“,

„Полтаву“ и „Севастополь“, и сталъ выстраивать боевой порядокъ.

Два флота стоятъ одинъ передъ другимъ, съ наведенными пушками, съ развѣвающимися на стеньгахъ боевыми флагами, андреевскими и флагами „Восходящаго Солнца“, вызывая другъ друга на поединокъ.

Японцы стоятъ неподвижно, не рискуя подойти подъ огонь крѣпостныхъ батарей, приглашая русскую эскадру на бой въ открытое море...

Очевидецъ передаетъ слѣдующую картину.

„Вдругъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, флагманскій броненосецъ неожиданно закутался облакомъ дыма. До слуха долетѣлъ звукъ страшнаго взрыва. Громадные языки пламени, точно огненные фонтаны, засверкали вдоль броненосца.

Короткимъ движеніемъ „Петропавловскъ“ нырнулъ носомъ въ воду... Корма поднялась... Мелькнулъ силуэтъ винта... Палуба наполнилась бѣгущими людьми...

Затѣмъ, снова рѣзкое движеніе корабля и, черезъ какую-нибудь минуту, 10,000-тонный гигантъ исчезъ подъ водой...

Эскадра, не трогаясь съ мѣста, наблюдала эту сцену гибели огромнаго броненосца со всею командой. Точно оцѣпенѣлые, стояли русскіе корабли, не рискуя подойти къ тому страшному мѣсту, гдѣ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ красовался флагманскій броненосецъ съ брейдъвымпеломъ адмирала.

Наконецъ, двѣ маленькія канонерскія лодки, „Всадникъ“ и „Гайдамакъ“, кинулись къ мѣсту катастрофы, застопорили машины и стали подбирать погибавшихъ людей.

На эскадрѣ начали сигнализировать флагами.

— Эскадрѣ войти въ гавань! — подалъ сигналъ младшій флагманъ, адмиралъ князь Ухтомскій. Медленно поворачиваясь, одинъ за другимъ, корабли пошли ко входу во внутренній рейдъ, втягиваясь въ узкій проходъ.

Неожиданно — новый взрывъ.

Снова облако дыма — и броненосецъ „Побѣда" грузно накренился на бокъ.

Броненосецъ „Полтава" открываетъ безпорядочный огонь по водѣ, предполагая нападеніе подводныхъ лодокъ. Одинъ за другимъ, проходятъ корабли во внутренній рейдъ.

На горизонтѣ безстрастными наблюдателями стоятъ японскіе броненосцы..."

По словамъ очевидца, адмиралъ Макаровъ, въ послѣднюю минуту, находился на командномъ мостикѣ, съ великимъ княземъ Кирилломъ, адмираломъ Моласомъ, генеральнаго штаба полковникомъ Агапѣевымъ и художникомъ Верещагинымъ.

Взрывъ броненосца послѣдовалъ отъ удара объ японскую мину.

Уцѣлѣвшіе отъ взрыва пошли ко дну съ кораблемъ и, въ этотъ моментъ, капризный водоворотъ выбросилъ десятокъ отдѣльныхъ людей и предметовъ. Въ числѣ послѣднихъ, была выловлена черная шинель съ черными адмиральскими орлами на золоченыхъ погонахъ.

Чудомъ спасенъ великій князь Кириллъ, командиръ броненосца, капитанъ перваго ранга Яковлевъ, девять офицеровъ, сто двадцать матросовъ. Остальные, въ количествѣ тридцати одного офицера и болѣе шестисотъ нижнихъ чиновъ, раздѣлили участь злополучнаго корабля.

Капитанъ-лейтенантъ Акацуки признается въ своихъ мемуарахъ, что въ ночь на 31 марта, это именно онъ занимался разстановкою минъ у выхода изъ портъ-артурскаго рейда:

— Работа была значительно болѣе трудная, чѣмъ я думалъ! — говоритъ Акацуки, недоумѣвая, по какой причинѣ, накрытый лучомъ прожектора, онъ не былъ тотчасъ разстрѣлянъ огнемъ береговыхъ батарей...

Гибель адмирала Макарова произвела огромное впечатлѣніе.

Духъ защитниковъ Портъ-Артура былъ подорванъ въ непередаваемой степени. Явилось предчувствіе, что со смертью незабвеннаго адмирала, погибъ весь флотъ или, по крайней мѣрѣ, погибла надежда на будущее.

И, можетъ быть, лучше всего это было выражено словами стараго боцмана съ „Діаны":

— Что броненосецъ?.. Хотя бы два да еще пару крейсеровъ на придачу!.. Голова пропала!...

Японскій богъ войны Хачиманъ грозно нахмурилъ свое чело.

На имя командующаго японскимъ флотомъ былъ данъ нижеслѣдующій императорскій рескриптъ:

„Мы узнали о великомъ успѣхѣ Соединеннаго Флота, который, атакуя непріятеля подъ Портъ-Артуромъ, потопилъ его судно. Мы хвалимъ эти дѣйствія."

Японскій адмиралъ, по установленной традиціи, отвѣтилъ почтительнымъ адресомъ:

„На этотъ разъ достигнутые успѣхи Соединеннаго Флота всецѣло зависятъ отъ добродѣтелей вашего величества, а не отъ человѣческихъ усилій. Тѣмъ не менѣе, не имѣя словъ выразить наши чувства по поводу всемилостивѣйшаго рескрипта, мы съ еще большимъ рвеніемъ будемъ стремиться къ тому, чтобы уничтожить остатки непріятельскаго флота."

Адмиралъ Того Хейхачиро.

КАУШЕНЪ

Каушенъ — первая встрѣча, боевое крещеніе, символъ побѣды и торжество русскаго оружія въ самомъ прологѣ великой войны.

Въ вихрѣ послѣдующихъ дней промелькнули событія значительно болѣе крупныхъ размѣровъ — титаническія битвы народовъ, безпримѣрные натиски и удары стратегическаго значенія, блестящія удачи, катастрофическія пораженія. Но Каушенъ останется еще долго жить въ памяти участниковъ боя, какъ первое впечатлѣніе, какъ первое испытаніе въ борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ...

Армейская конница — „глаза и уши арміи" — прикрывала развертываніе корпусовъ Ренненкампфа, только что перешла границу и вступила въ предѣлы Восточной Пруссіи. Правая группа, въ составѣ коннаго отряда генерала Хана Нахичеванскаго, была направлена на Инстербургъ, съ цѣлью „глубокаго охвата лѣваго фланга противника".

I русская армія, развернувшаяся на линіи Владиславовъ-Сувалки, должна была главными силами занять фронтъ Вилюненъ—Сталупененъ—Ковадёнъ, съ цѣлью дальнѣйшаго наступленія на Инстербургъ—Ангербургъ. Вопреки распространенному мнѣнію, стратегическая подготовка перваго столкновенія съ германцами складывалась едва-ли въ пользу русскихъ бойцовъ. На сторонѣ нѣмцевъ было преимущество и, въ частности, двойное превосходство въ артиллеріи...

Конница уже вошла кое-гдѣ въ соприкосновеніе съ

противникомъ. У Пилькалена была обнаружена нѣмецкая кавалерія, въ составѣ бригады. Противникъ развернулся было для атаки, но боя не принялъ и отошелъ. Небольшіе отряды ландштурма и самокатчиковъ, пользуясь лѣсистою, пересѣченною мѣстностью, время отъ времени, задерживали движеніе авангардовъ и даже обстрѣливали колонны ружейнымъ огнемъ.

Послѣ тревожной ночи въ Пилькаленѣ, наканунѣ оставленномъ нѣмцами, гдѣ между прочимъ, предательскимъ выстрѣломъ черезъ окно былъ убитъ кавалергардскій корнетъ Голынскій, утромъ 6 августа, въ день Спаса-Преображенія, конный отрядъ Хана Нахичеванскаго продолжалъ свое движеніе на сѣверо-западъ.

Въ авангардѣ второй гвардейской кавалерійской дивизіи шли два эскадрона лейбъ-уланъ, подъ командой того же полка, флигель-адъютанта полковника Арсеньева. Начальникъ дивизіи, генералъ Раухъ, и начальникъ штаба, полковникъ Богаевскій, будущій донской атаманъ — держались въ головѣ главныхъ силъ.

Чистенькое нѣмецкое шоссе, прокаленное солнечнымъ зноемъ, далеко убѣгало впередъ. По сторонамъ лежали огороженные проволочной изгородью поля, рощи, поселки, съ аккуратными домиками, подъ красною черепичною крышей, со сложенными изъ дикаго камня постройками, съ остроконечными нѣмецкими кирками.

Прекрасный августовскій день, чистое голубое небо съ ярко пылающимъ солнцемъ, красивый окрестный ландшафтъ создавали совершенно мирное настроеніе.

Между тѣмъ, многіе проснулись въ этотъ день для того, чтобы, черезъ нѣсколько часовъ, уснуть навсегда...

Около полудня, со стороны авангарда, послышался ружейный огонь.

Къ нему вскорѣ присоединился барабанный трескъ пулеметовъ — та-та-та-та... Было ясно, что опять какой-то отрядъ ландштурмистовъ задерживаетъ движеніе конницы.

По рядамъ колонны прокатилась команда.

— Сто-о-ой!...

Колонна, втянувшаяся въ густой сосновый боръ и выходившая уже было на опушку, остановилась.

Вскорѣ прискакалъ ординарецъ и доложилъ, что лежащая впереди деревня занята нѣмецкой пѣхотой, что начальникъ авангарда проситъ прислать подкрѣпленіе, чтобы выбить противника.

Генералъ Раухъ обратился къ командующему головною бригадой, командиру лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго полка, генералу Лопухину. По его приказанію, два эскадрона конногренадеръ вынеслись галопомъ изъ лѣса на поддержку уланъ. Тотчасъ, со стороны противника, бухнули два пушечныхъ выстрѣла. Дѣло принимало неожиданный оборотъ. Командиръ полка, съ ординарцемъ и трубачомъ, поднялся верхомъ на возвышенность передъ деревней.

Начальникъ дивизіи со штабомъ, спѣшившись, наблюдали въ бинокль за противникомъ, съ опушки лѣса. Мѣстность полого спускалась внизъ. Впереди лежало картофельное поле, въ зелени сада бѣлѣлъ маленькій домикъ, за нимъ виднѣлся оврагъ и противоположный склонъ, со сжатыми снопами хлѣба.

Въ бинокль было видно, какъ по склону спускались нѣмецкія цѣпи, въ сѣрыхъ защитныхъ курткахъ, съ защитными чехлами на остроконечныхъ каскахъ. Трудно было опредѣлить, какія силы занимали деревню. Во всякомъ случаѣ, это были не самокатчики и, конечно, не люди ландштурма.

Все поле дымилось отъ пуль. Ревъ нѣмецкихъ пушекъ становился значительнымъ...

На позицію лихо вынеслась гвардейская конная батарея полковника Кирпичева. Батарея окутывается легкимъ дымкомъ, слышенъ четкій звукъ выстрѣловъ:

— Бамъ-бамъ!.. Первая очередь!

Для обезпеченія лѣваго фланга высылается гусарскій эскадронъ ротмистра графа Игнатьева и взводъ пу-

леметовъ отъ гвардейскихъ драгунъ, подъ командою поручика Де Виттъ.

Бой разгорался.

Все сильнѣе разносится ружейная трескотня. Ожесточеннѣе грохотали нѣмецкія пушки. Рѣдкія цѣпи конногренадеръ и уланъ вели наступленіе. Испуганныя лошади вырывались изъ рукъ коноводовъ и носились по полю.

Одновременно, послышались выстрѣлы справа.

Это авангардъ сосѣдней колонны, первой гвардейской кавалерійской дивизіи, генерала Казнакова, повелъ, въ свою очередь, наступленіе на деревню.

Нѣмцы оказывали упорное сопротивленіе.

Генералъ Лопухинъ уже ввелъ въ бой всю бригаду и лично направился къ цѣпямъ. Послѣднія успѣли спуститься въ оврагъ, отдѣляющій Каушенъ отъ сосѣдней деревни. У одного изъ ближайшихъ строеній виднѣлась группа спѣшенныхъ офицеровъ.

Здѣсь находился командиръ Кавалергардскаго полка, генералъ князь Долгоруковъ, командиръ Конной Гвардіи — генералъ Скоропадскій, будущій гетманъ Украины, рядъ другихъ лицъ. Настроеніе было нервное, возбужденное. Кто-то говорилъ о крупныхъ потеряхъ, о необходимости отступленія, ввиду превосходства нѣмецкихъ силъ.

— Я отступать не намѣренъ! — замѣтилъ генералъ Лопухинъ. — Сопротивленіе нѣмцевъ должно быть сломлено!

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, стали наблюдаться отступающіе люди, сперва одиночные, потомъ цѣлыя группы. Уже готово было произойти замѣшательство. Еще мгновенье — и все бы покатилось назадъ.

Однако, благодаря твердости командующаго боевымъ участкомъ, генерала Лопухина, проявившаго изумительную энергію и мужество, отступленіе пріостановилось. Ободренные личнымъ примѣромъ начальника, цѣпи, во

главѣ съ офицерами, снова повернули къ оврагу и, поддерживаемые огнемъ артиллеріи, стали продвигаться все дальше.

Обстановка складывалась настолько благопріятно, что даже на послѣдовавшій приказъ начальника дивизіи объ отходѣ, генералъ Лопухинъ отвѣтилъ новымъ движеніемъ впередъ.

Поле дымилось отъ выстрѣловъ. Пули, съ противнымъ свистомъ и щелканьемъ, словно надоѣдливые шмели, летали по всѣмъ направленіямъ, впивались въ землю, вырывали жертву одну за другой.

Вперемежку съ русскими кавалеристами, лежали нѣмецкіе трупы, неподвижные, съ раскинутыми руками, съ плечевыми ранцами изъ желтой телячьей кожи. Одни лежали ничкомъ, другіе на спинѣ, вперивъ широко раскрытые глаза въ яркое небо.

Убитъ одинъ изъ командировъ эскадроновъ, лейбъ-уланъ ротмистръ баронъ Каульбарсъ. Рядомъ съ шоссе лежалъ трупъ конногренадерскаго офицера, молодого корнета Лопухина.

Когда доложили генералу, послѣдній подозвалъ вѣстового, слѣзъ съ коня, нагнулся, перекрестилъ и поцѣловалъ сына. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ генерала Лопухина, продолжавшаго, черезъ какую-нибудь минуту, тѣмъ же спокойнымъ и властнымъ голосомъ отдавать приказанія.

Еще нѣсколько выстрѣловъ русскихъ орудій — и замолкли нѣмецкія пушки. Противникъ дрогнулъ и сталъ отходить.

На крайнемъ правомъ флангѣ что-то зашевелилось, послышались крики „ура!“, и конные эскадроны первой гвардейской дивизіи пошли въ атаку на батарею. Со всѣхъ сторонъ скакали одиночные всадники, даже прислуга орудій, стремившаяся принять участіе въ атакѣ.

До батарей оставалось не болѣе трехсотъ шаговъ.

Но неожиданно сверкнули двѣ молніи, раздались два залпа въ упоръ — атака захлебнулась, и эскадроны, усти-

лая поле человѣческими и конскими трупами, шарахнулись, въ безпорядкѣ, назадъ.

Второй эскадронъ Конной Гвардіи, подъ командой ротмистра барона Врангеля, въ свою очередь, кинулся на батарею и захватилъ пушки...

Уже вечерѣло, когда закончился каушенскій бой.

На шоссе выстраивались полки, стояли патронныя двуколки, лазаретныя фуры. По дорогамъ еще бродили кое-гдѣ отдѣльные люди — конногренадеры, уланы, драгуны, ведя въ поводу усталыхъ, измученныхъ лошадей. Навстрѣчу плелись легко раненые. На опушкѣ рощи былъ разбитъ перевязочный пунктъ.

По обочинѣ шоссе тряслось рысью орудіе.

На передкѣ, укутанное солдатской шинелью, что-то нелѣпо стояло торчкомъ. Это было тѣло поручика конной артиллеріи Гершельмана, добровольно принявшаго участіе и павшаго въ атакѣ на нѣмецкую батарею.

— По конямъ!.. Садись! — прокатилась команда.

Генералъ Ханъ Нахичеванскій отвелъ конный отрядъ на сѣверъ, къ Лиденталю.

Каушенъ занимала пѣхота...

Каушенскій бой — удачное дѣло русской гвардейской конницы, главнымъ образомъ, первыхъ бригадъ обѣихъ дивизій.

Высокія награды, въ томъ числѣ георгіевскіе кресты, были присуждены многимъ участникамъ — генераламъ Скоропадскому и Долгорукову, полковникамъ Арсеньеву, Кирпичеву, ротмистру Врангелю — герою конной атаки, пожалованному, сверхъ того, званіемъ флигель-адъютанта.

О генералѣ Дмитріи Александровичѣ Лопухинѣ, можетъ быть, главномъ виновникѣ этого славнаго боя, вспомнили много позднѣе. А именно, когда смертельно раненымъ онъ палъ въ бою подъ Петроковомъ, ему былъ пожалованъ посмертный георгіевскій крестъ.

Упорный, рѣшительный, съ твердою волей, онъ не пользовался особою любовью начальниковъ и сослужив-

цевъ по столичному гарнизону. Къ нему относились нѣсколько свысока, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ лицу, вышедшему изъ армейскихъ рядовъ.

Бывшій Нижегородскій драгунъ, эфицеръ генеральнаго штаба, онъ незадолго передъ войной получилъ гвардейскій полкъ. И только на войнѣ, и то не сразу, былъ оцѣненъ по достоинству, какъ смѣлый кавалерійскій начальникъ, какъ истинный воинъ безъ страха и безъ упрека.

Между прочимъ, это тотъ Лопухинъ, брата котораго, директора департамента полиціи, постигла въ свое время суровая кара, едва-ли не ссылка на каторжныя работы, за раскрытіе служебной тайны.

Каушенскій бой былъ купленъ дорогою цѣной.

Особенно велики были потери въ офицерскомъ составѣ. Свыше двадцати человѣкъ — конногвардеецъ ротмистръ Суровцевъ, кавалергардъ баронъ Пилларъ фонъ Пильхау — сынъ лифляндскаго предводителя дворянства, братья Катковы, ротмистръ баронъ Каульбарсъ и корнетъ Гурскій, корнетъ Лопухинъ, поручикъ Гершельманъ и другіе — пали первыми жертвами кроваваго бога войны. Былъ тяжело раненъ въ животъ кавалергардскій полковникъ князь Кантакузенъ графъ Сперанскій.

Не взирая на большія потери, настроеніе коннаго отряда было бодрое, радостное, ликующее. Чувствовался сильный подъемъ. Окрѣпла вѣра въ русскія силы. Гипнозъ о непобѣдимости нѣмцевъ исчезъ.

Побѣда подъ Каушеномъ тѣмъ значительна, что русская конница имѣла своимъ противникомъ превосходныя силы, въ составѣ 2-ой ландверной бригады Тильзитскаго гарнизона.

Но самое главное — это былъ первый бой, первая встрѣча съ грознымъ врагомъ, увѣнчавшаяся блестящимъ успѣхомъ.

ОРУЖІЕ БОГОВЪ

I

Послѣ третьяго роббера, стряхнувъ пепелъ сигары, князь Бѣльскій потянулся къ стакану, сдѣлалъ глотокъ и, барабаня унизанными перстнями пальцами по столу, задумчиво уставился въ окно, за которымъ чернѣла ночь.

— Это называется — война! — произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась насмѣшка. — Не понимаю... О чемъ они думаютъ тамъ, на верху?...

Князь нервно затянулся, выпустилъ колечками дымъ и продолжалъ:

— Гноить насъ въ этой дырѣ, въ то время, какъ трофеи достаются другимъ?.. Никакого понятія!.. Ни малѣйшей инициативы!.. Нѣтъ, господа, такъ воевать нельзя!.. Намъ нужна побѣда... Вы понимаете — une victoire!.. Оглушительная, сногсшибательная, чортъ меня подери!

Князь стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что зазвенѣли стаканы, а дремавшій на княжеской койкѣ котенокъ кинулся въ уголъ. Партнеры, толстый полковой врачъ и молодой поручикъ, въ гусарскихъ погонахъ, съ улыбкой переглянулись и принялись провѣрять запись.

Генералъ вскочилъ со стула, быстрыми шагами прошелся по комнатѣ и остановился передъ столомъ:

— Баста!.. Я протестую!... Довольно съ меня этой обозной стратегіи!.. Конница!.. Оружіе боговъ!.. Эхъ — ма!... Гдѣ наши Зейдлицы, наши Мюраты?..

Князь долго еще бурлилъ, презрительно фыркалъ,

вскакивалъ и потрясалъ кулаками. Глаза его метали молніи, а блѣдныя щеки наливались румянцемъ.

Игра продолжалась.

Докторъ пилъ вино и, въ промежуткахъ между сдачами, разсказывалъ пикантные анекдоты и случаи „изъ практики“, поручикъ оглушительно хохоталъ, князь дымилъ сигарой и снисходительно улыбался.

Въ концѣ концовъ, если говорить откровенно, жизнь вовсе не такъ дурна, хотя бы и въ этой мазурской трущобѣ... Комфорта, правда, немного, но въ хатѣ тепло, изъ щелей не дуетъ, есть вино и закуски, есть добрые пріятели и даже, кажется, дамы... По крайней мѣрѣ, молодая аптекарша, которая вчера улыбнулась князю, положительно невредная женщина... Алагеръ комъ алагеръ! — подумалъ Бѣльскій... Это штучка!.. Надо будетъ, при случаѣ, обратить вниманіе!..

Князь окончательно развеселился, и, вынувъ изъ кармана хрустальный флакончикъ съ англійской солью, поднесъ къ носу. Потомъ высокимъ фальцетомъ началъ было модную французскую шансонетку и вспомнилъ про ужинъ. Сегодня будетъ омлетъ и новый шедевръ кулинарнаго искусства — бефъ а-ля Бѣльскій.

Нарѣзать мясо тонкими ломтиками, вродѣ какъ макароны или спаржу, немножко луку, немножко перцу, залить бѣлымъ соусомъ...

Онъ извинился и всталъ изъ-за стола, чтобы лично отдать распоряженіе повару. И когда, примѣрно, черезъ четверть часа, вернулся обратно, молодой поручикъ передалъ ему казенный пакетъ.

Князь принялъ пакетъ, съ серьезнымъ видомъ осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ подошелъ къ свѣчѣ, разорвалъ печать, вздѣлъ пенснэ и погрузился въ чтеніе записки.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его вытягивалось и принимало недоумѣвающее, досадное, сердитое выраженіе:

— Ничего не понимаю!.. Патя, прочти, голубчикъ!

Расписавшись, какъ полагается, на конвертѣ, князь передалъ записку поручику, который прочелъ:

Его сіятельству князю Бѣльскому.

„Противникъ, перейдя въ наступленіе, овладѣлъ деревней Грабово. Съ полученіемъ сего, приказываю вамъ, съ ввѣренною бригадой, выбить противника изъ деревни.“

Начальникъ дивизіи

Генералъ баронъ Штраухъ.

2

Въ комнатѣ наступило продолжительное молчаніе. Только тикали стѣнные часы и завывалъ вѣтеръ въ трубѣ.

— Сэ ту? — произнесъ князь.

— Все! — отвѣтилъ поручикъ. — Ясно, какъ кофе!.. Пожалуйте бриться!.. Вотъ такъ исторія съ географіей!

Генералъ снялъ пенснэ и задумался.

Его тонкое породистое лицо неожиданно обострилось. Онъ нервно теребилъ свою маленькую бородку, затѣмъ, глубоко засунувъ руки въ карманы рейтузъ, зашагалъ по комнатѣ и снова остановился передъ столомъ:

— Ничего не понимаю!.. Почему?.. На какомъ основаніи?.. Позвольте-съ, да вѣдь это безуміе?.. Это интрига?.. Почему я, а не вторая бригада?.. У меня лошади не кованы?.. Наконецъ, у меня сапъ?

Его голосъ, рѣзкій и металлическій, какъ кавалерійская труба, срывался и звенѣлъ:

— Сейчасъ же ѣду въ дивизію и объяснюсь!.. Докторъ, Патя, вы свидѣтели... Сэ-т-энпоссибль!.. Иль э фу!.. Этотъ номеръ, батенька, не пройдетъ!.. Я ему покажу!.. А, каково?.. Видалъ — миндалъ?.. Нѣтъ, господа, такъ воевать нельзя!..

Князь подошелъ къ окошку и прижался головою къ стеклу. Но во мракѣ ничего не было видно — только шумѣли деревья, гудѣла вьюга и гдѣ-то далеко, должно быть, на самомъ краю мѣстечка, хрипло заливались собаки.

Князь отошелъ отъ окна и посмотрѣлъ на часы. Какія-то серьезныя соображенія измѣнили, видимо, намѣченный планъ. Генералъ наморщилъ лобъ, сосредоточенно взглянулъ на свои тщательно отполированные ногти и, обратившись къ молодому офицеру, произнесъ офиціальнымъ тономъ:

— Поручикъ Дашковъ, назначаю васъ своимъ начальникомъ штаба... Пишите приказъ!

Послѣ этого, опустился на стулъ, скрестилъ на груди руки и, широко разставивъ свои длинныя, тонкія, напоминающія раскрытый циркуль ноги, снова погрузился въ раздумье.

Два огарка тускло освѣщали комнату.

Докторъ собиралъ со стола карты. Поручикъ подошелъ къ стоявшей въ углу походной койкѣ, снялъ висѣвшую на гвоздѣ полевую сумку и принялся за работу...

3

— Это называется — война! — иронически усмѣхаясь и, какъ бы бесѣдуя съ самимъ собой, въ раздумьи, произнесъ князь.

— Это — преступленіе!.. Сэ-т-энъ кримъ, монъ шеръ!.. Вы меня извините!.. Наконецъ, это безумно, подло!.. Какъ?.. Безъ развѣдки, въ слѣпую, ночью, зимой?.. Съ полученіемъ сего... А?.. Выбить противника... А?.. Какъ вамъ это понравится?.. А люди, а жертвы, позвольте спросить?.. Имъ все трофеи, а мы умирай!.. Наконецъ, почему не послать пѣхоту?.. Какъ это глупо, чортъ меня подери!..

— Глупо или не глупо, а спатеньки, кажется, не придется! — замѣтилъ докторъ, наливая изъ бутылки остатки вина и мурлыкая подъ носъ генералъ-маршъ. — Что же, собираться въ походъ?.. Тра-трата-та... Всадники, други, въ походъ собирайтесь...

Князь съ брезгливостью взглянулъ на лежавшую на столѣ записку и перевелъ глаза на доктора:

— Постойте, докторъ!.. Пока Патя напишетъ приказъ, мы успѣемъ, по крайней мѣрѣ, соорудить ужинъ... Не воевать же на голодное брюхо?.. Эй, Тришкинъ!

Князь поднялся и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Отдавъ прислугѣ необходимыя распоряженія и лично обнюхавъ яйца для омлета, князь вернулся обратно. Настроеніе его понижалось. Снова начиналась мигрень. Князь нервничалъ, поминутно подходилъ къ окну, ругался неприличными словами, ругалъ начальниковъ, стратегію и генеральный штабъ, а написанный поручикомъ приказъ подвергъ жестокой критикѣ.

Когда же поручикъ надулся, князь неожиданно размякъ, попросилъ извиненія и глядѣлъ усталыми, грустными, виноватыми глазами.

Напрасно докторъ Неопалимовскій пытался его развеселить, черпая изъ своего неистощимаго арсенала забавные анекдоты и пикантные разсказы о женщинахъ. Напрасно переходилъ даже на тему о молодой аптекаршѣ.

Князь угрюмо молчалъ и все его раздражало.

Когда же врачъ перешелъ къ обсужденію предстоящаго похода и неосторожно упомянулъ про то, что даже легкія раненія въ животъ, при переполненномъ желудкѣ, являются обычно смертельными, князь окончательно упалъ духомъ и потерялъ аппетитъ...

Между тѣмъ, время бѣжало.

Поручикъ уже надѣлъ шинель и, съ помощью доктора, затягивалъ боевой ремень.

— Куда онъ торопится? — подумалъ князь. — Экъ, обрадовался, дуракъ!.. Не сидится!..

Князь неожиданно почувствовалъ дрожь, пробѣжавшую по всему тѣлу. Имъ овладѣла нервная зѣвота и какая-то глухая злоба противъ всѣхъ тѣхъ, кто въ эту ночь не разстанется съ теплой постелью.

Текстъ злополучной записки сверлилъ его мозгъ, какъ буравъ, преслѣдовалъ неотступно и рисовалъ картины, полныя ужаса и кошмара. Онъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ, какъ толстый докторъ, совершенно спокойно,

продолжалъ пить вино, какъ поручикъ, въ боевомъ снаряженіи, твердыми шагами ходилъ по комнатѣ, насвистывая модную военную пѣсенку.

Горькое чувство охватило его душу и себѣ самому онъ представился, въ эту минуту, такимъ безпомощнымъ, такимъ обиженнымъ и забитымъ. Еще немного — и князь былъ готовъ зарыдать, какъ ребенокъ...

Поручикъ стоялъ передъ нимъ съ насмѣшливою улыбкою:

— Послушай, князь, твой Тришкинъ завернулъ въ приказъ бутерброды!

Князь кинулся на кровать, замахалъ руками и закричалъ:

— Убирайтесь вонъ!.. Оставьте меня въ покоѣ!..

4

Взрывъ хохота, отъ котораго звенѣла посуда и дрожали оконныя стекла, наполнилъ комнату.

Поручикъ, въ судорожномъ припадкѣ, корчился на походной койкѣ. Докторъ, схватившись за толстый животъ, съ багровымъ лицомъ и полными слезъ глазами, рычалъ въ приступахъ гомерическаго смѣха.

Князь, широко разставивъ длинныя ноги, сидѣлъ на кровати.

Онъ грозилъ пальцемъ и пытался принять строгій видъ, хмурилъ брови и морщилъ лобъ, въ то время, какъ на губахъ змѣилась предательская улыбка.

Все стало яснымъ...

— Мошенники!.. Дьяволы!.. Мистификація!...

Отчеканивая слова, онъ медленно произносилъ отборнѣйшія ругательства, готовый принять участіе въ общемъ весельи, чувствуя, какъ теплая, сладкая, радостная волна заливаетъ его неизъяснимымъ ощущеніемъ. И толстый докторъ, и безусый поручикъ Дашковъ казались ему близкими, преданными друзьями, точно выручившими его неожиданно изъ какой-то грозной бѣды.

Князь не выдержалъ, вынулъ изъ кармана хрустальный флакончикъ съ золоченой пробочкой и расхохотался:

— Дьяволы!.. Черти полосатые!.. Пароль д'оннеръ!..

Вскорѣ былъ поданъ ужинъ.

Въ печкѣ трещалъ огонь. Свѣчи ярко горѣли въ бутылкахъ, отбрасывая блики на бокалы съ виномъ. Въ комнатѣ было тепло, пахло сигарой и ароматомъ духовъ.

Князь, въ разстегнутой курткѣ, сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и священнодѣйствовалъ. Его красивое лицо пылало румянцемъ, рыжіе усы дерзко оттопыривались надъ губой. — Алагеръ комъ алагеръ! — подумалъ князь и образъ молодой аптекарши представился ему на одно мгновенье.

Табачный дымъ расходился медленными клубами... Звонъ стакановъ мѣшался съ хохотомъ и веселыми восклицаніями... Всѣ пили и ѣли съ истиннымъ наслажденіемъ, а второе блюдо, бефъ а-ля Бѣльскій, произвело настоящій фуроръ.

— Господа, обратите вниманіе на соусъ! — замѣтилъ князь. — Это парижскій секретъ!.. Пароль д'оннеръ, чортъ меня побери!

Потомъ пили кофе съ ромомъ, говорили и спорили о скачкахъ, объ охотѣ, о женщинахъ, о любви.

А когда подали коньякъ и толстый докторъ, съ торжественнымъ видомъ, провозгласилъ тостъ за конницу — оружіе боговъ, всѣ встали и крикнули „ура!“

ЛЮБОВНИЦА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Въ длинномъ спискѣ королевскихъ, царскихъ и иныхъ высокопоставленныхъ фаворитокъ, оставившихъ слѣдъ не только въ сердцахъ своихъ коронованныхъ покровителей, но и въ исторіи, нельзя пройти мимо женщины, связавшей свое имя съ Петромъ.

Свѣдѣнія о ней сравнительно незначительны. Тѣмъ большій интересъ пріобрѣтаетъ маленькая романтическая страничка, имѣвшая мѣсто два съ лишнимъ вѣка тому назадъ, въ той же Москвѣ, на берегахъ той же Москвырѣки, подъ стѣнами того же Кремля, подъ которыми новая россійская власть торжествуетъ нынѣ двѣнадцатилѣтній юбилей своего существованія...

Москва съ великой тревогой ожидала царя изъ его продолжительнаго заграничнаго путешествія. Розыскъ и казни стрѣльцовъ были слишкомъ поспѣшны, милосердны, необстоятельны. Уже изъ Амстердама царь шлетъ горькія укоризны князю-кесарю, Ромодановскому, за послабленіе мятежникамъ. И съ твердымъ намѣреніемъ „угасить огнь мятежа", спѣшитъ въ столицу.

Черезъ нѣсколько дней по Москвѣ пролетѣла вѣсть:

— Государь пріѣхалъ!

Въ самомъ дѣлѣ, царь вмѣстѣ съ Лефортомъ прибылъ въ столицу. Проводивъ иностранныхъ пословъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, Петръ спѣшитъ насладиться радостями любви. Но не въ объятьяхъ постылой царицы, Авдотьи Федоровны, а въ семействѣ одного изъ жителей Нѣмецкой Слободы.

Царица Авдотья, въ ту пору, была уже матерью двухъ сыновей, прижитыхъ отъ своего „лапушки Петруши“. Она горячо любила своего мужа. Едва-ли въ сочувствіи старинѣ и противникамъ державнаго супруга слѣдуетъ искать причину ея ссылки и заточенія въ Покровскій дѣвичій монастырь. Царица Авдотья прежде всего не соотвѣтствовала, какъ женщина, идеалу Петра.

Тихая, скромная, набожная, образецъ русскихъ женщинъ XVII вѣка, выросшая въ условіяхъ теремной жизни, она только нянчится съ дѣтьми, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ дворовыми дѣвушками, вышиваетъ и шьетъ, сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа.

Порывистой натурѣ Петра нужна была иная женщина.

Ему нужна подруга, которая не умѣла бы плакаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжною лаской, шутливымъ словомъ смогла бы отогнать отъ него черную думу, смягчить досаду и гнѣвъ. Которая не только не чуждалась бы его буйныхъ пирушекъ, но сама бы любила плясать до упаду, осушать бокалы съ виномъ, щеголять иноземнымъ нарядомъ и любезной ему нѣмецкой и голландскою рѣчью.

Такой именно была статная, ловкая, высокогрудая, съ огненными глазами, веселая красавица Анна Монсъ, одна изъ дочерей золотыхъ дѣлъ мастера и виноторговца Іоганна Монса, уроженца города Миндена.

Съ домомъ стараго Монса хорошо былъ знакомъ Лефортъ. Гуляка, весельчакъ, поклонникъ женщинъ, онъ часто бывалъ у виноторговца и ухаживалъ за его красивыми дочерьми. Старшая изъ нихъ, Матрена, вышла вскорѣ за Федора Балка. Анна стала любовницей ловкаго женевца.

Лефортъ всегда стремился потѣшать своего державнаго друга, доставлять ему всякаго рода развлеченія и однажды, какъ на веселую и пріятную утѣху, указалъ на красавицу Монсъ. Анна Ивановна стала фавориткою обоихъ друзей...

Иностранцы и особенно нѣмцы отзываются о ней съ большой похвалой. Кромѣ красоты и прочихъ отмѣнныхъ

качествъ, по увѣреніямъ нѣмцевъ, Анна была до такой степени цѣломудренна, что на любовныя предложенія Петра отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Однако, эти восоторженные отзывы иноземцовъ разлетаются въ прахъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами и съ разсказами современниковъ:

— Какой онъ государь! — говорили въ Москвѣ. — Басурманъ!.. Въ среду и въ пятницу ѣстъ лягушекъ и мясо!.. Царицу сослалъ!.. Съ иноземкою Анною Монсовой спитъ!...

Смерть Лефорта, лишивъ Петра любимѣйшаго друга, въ то же время избавила царя отъ соперника и вывела изъ неловкаго положенія „вѣрную" ему Анну, какъ подписывала она обычно свои письма...

Въ 1699 году Петръ отправился въ послѣдній походъ подъ Азовъ.

Изъ уцѣлѣвшей въ свое время корреспонденціи можно найти знаки нѣжныхъ заботъ Анны Монсъ къ своему любовнику.

Она хлопочетъ, по его просьбѣ, достать нѣсколько скляницъ какой-то „цедреоли".

„Вельми печалится", что не удается ее достать. Жалѣетъ, что у нея „убогой крыльевъ нѣтъ", а если бы „крылья были, я бы тебѣ, милостивому моему государю, сама принесла цедреоли".

Въ ожиданіи, пока выраступъ крылья, „вѣрнѣйшая до своей смерти" Анна Ивановна посылаетъ „четыре цитрона", чтобы государь „кушалъ на здоровье". Наконецъ, посылаетъ и цедреоли двѣнадцать скляницъ, причемъ проситъ не гнѣваться — „больше достать не могла."

При такихъ нѣжныхъ заботахъ, Анна Ивановна, казалось, должна была рѣшительно приковать къ себѣ пылкую натуру Петра.

Петръ съ полной охотою выполнялъ всѣ ея просьбы. Несмотря на свою скупость по отношенію къ женщинамъ, царь осыпалъ красавицу дорогими подарками, имѣніями,

угодіями и пенсіономъ въ 708 рублей — немалую по тому времени сумму. Вниманіе къ ней государь распространилъ до того, что на счетъ казны выстроилъ ей въ Нѣмецкой Слободѣ дворецъ.

Военныя тревоги, страшная борьба съ „сѣвернымъ героемъ“, шведскимъ королемъ Карломъ XII, одновременно занимали мысли Петра.

Въ одно изъ отсутствій царственнаго любовника, Анна Монсъ отдала свое сердце саксонскому посланнику Кенигсеку.

Связь была искусно скрыта и недостойная подруга Петра не стыдилась по-прежнему выпрашивать и получать отъ него подарки. А подарки были не малоцѣнны. Такъ, въ 1703 году Анна Ивановна получила въ свое владѣніе имѣніе Дудино, въ Козельскомъ уѣздѣ и 295 дворовъ со всѣми угодьями.

Петръ узналъ объ измѣнѣ „вѣрной до смерти“ Анпушки совершенно случайно. Въ этихъ случаяхъ, царь не щеголялъ великодушіемъ. Анна Ивановна вмѣстѣ съ способствовавшей интригѣ, сестрой Матреной были заперты въ собственномъ домѣ и отданы подъ строгій надзоръ князя-кесаря, съ запрещеніемъ посѣщать даже кирку.

Опала надъ Анной Ивановной и ея семействомъ продолжалась три года. Указомъ отъ 3 апрѣля 1706 года, изъ Санкъ-Питербурха, государь далъ „позволеніе Моншѣ и ея сестрѣ Балкшѣ въ кирку ѣздить“. Мужъ Матрены Ивановны, полковникъ Балкъ, отправленъ былъ въ Дерптъ комендантомъ. Съ 1705 года, сердце Петра принадлежало уже новой безвѣстной иноземкѣ — Мартѣ Скавронской, будущей Екатеринѣ I.

Зато и сердце ея предшественницы, въ это время, такъ же было не свободно.

Измѣнивъ живому герою, Анна Ивановна тѣмъ легче забыла случайно утонувшаго Кенигсека. За ней ухаживаетъ прусскій посланникъ фонъ Кайзерлингъ. Его хо-

датайству Анна Ивановна обязана была полученіемъ высочайшаго разрѣшенія посѣщать кирку. Затѣмъ, по усиленнымъ просьбамъ того же влюбленнаго представителя короля прусскаго, Анна Монсъ была совершенно освобождена.

Хлопоты Кайзерлинга были весьма нелегки.

Они сопровождались для него длиннымъ рядомъ весьма существенныхъ непріятностей. Съ одной стороны, могущественный Меншиковъ, создавая въ то время „фаворъ“ Марты, не могъ безъ опасенія видѣть, что Кайзерлингъ хлопочетъ объ освобожденіи бывшей царской любовницы. Съ другой, въ самомъ Петрѣ не могло не шевельнуться чувство ревности къ своему замѣстителю.

Интересенъ историческій документъ — рапортъ посланника прусскому королю, въ которомъ подробно излагается „случившаяся трагедія на пиру“:

„Князь Меншиковъ началъ грубить мнѣ непристойными словами, сказавъ, что дѣвица Монсъ есть дѣйствительно подлая, публичная женщина, съ которой онъ самъ развратничалъ столько же, сколько и я... Князь Меншиковъ не переставалъ обращаться со мной съ насмѣшкою и презрѣніемъ, и даже подвигался все ближе и ближе... Зная его извѣстное всему міру коварство и безразсудство, я сталъ опасаться его намѣренія, по московскому обычаю, ударомъ „подъ ножку“ повергнуть меня на землю — въ искусствѣ этомъ онъ упражнялся, когда разносилъ по улицамъ лепешки на постномъ маслѣ... Князь Меншиковъ собственноручно вытолкалъ меня изъ комнаты, ударилъ кулакомъ въ грудь... Я успѣлъ дать ему затрещину и выругалъ особливымъ словомъ... Тутъ мы схватились было за шпаги, но у меня ее отняли... Меня вытолкнули къ дверямъ и я попалъ въ руки мучителямъ, лейбъ-гвардейцамъ князя Меншикова... Они низвергли меня съ трехъ большихъ каменныхъ ступеней и проводили толчками черезъ весь дворъ...“

Въ 1711 году Кайзерлингъ сочетался бракомъ съ Анной Ивановной и вскорѣ умеръ.

Анна Кайзерлингъ скончалась въ 1714 году, въ Нѣмецкой Слободѣ, на рукахъ больной старухи-матери и пастора...

Такова краткая исторія этой женщины, которая была одной изъ виновницъ заточенія царицы Авдотьи Федоровны въ монастырь, которая въ продолженіе десяти лѣтъ царила въ сердцѣ преобразователя Россіи и, по его собственному признанію, едва не сдѣлалась императрицей. Благодаря которой, наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй, преждевременно лишается материнскаго надзора и затаиваетъ въ душѣ ненависть къ отцу. Которая, наконецъ, заставляетъ царя приблизить къ своей особѣ брата Виллима — человѣка, разбивающаго его семейное счастье, отравляющаго послѣдніе дни его жизни и являющагося, весьма вѣроятно, одной изъ причинъ преждевременной смерти Петра...

СИРЕНЕВЫЕ САДЫ

1

На фронтѣ безъ перемѣнъ.

Зацвѣтаетъ сирень, бѣлая и лиловая, набухаютъ жасмины, крѣпкимъ сокомъ наливается рожь подъ лаской мягкаго солнца. Въ саду пахнетъ травами, прѣлымъ листомъ, острымъ духомъ земли. Прозвенитъ шмель — и снова все погрузится въ дрему до вечера. А вечеромъ, въ темныхъ кустахъ, рокочатъ, чвикаютъ, надрываются соловьи...

Лѣвый флангъ упирается въ Вислу и смотритъ на западъ. За рѣкой стоятъ нѣмцы и смотрятъ на востокъ, на Варшаву.

Подобное обстоятельство чрезвычайно тревожитъ комкора I коннаго и еще въ большей степени начальника кавалерійской дивизіи. Ибо рѣка, сравнительно неширокая, перетянутая плесами, заросшая лознякомъ и сиреневыми садами, не представляетъ серьезной преграды.

По этой причинѣ, за рѣчнымъ участкомъ установлено зоркое наблюденіе. На всемъ протяженіи стоятъ сторожевые посты изъ конныхъ частей. По узкимъ береговымъ тропкамъ, днемъ и ночью, рыщутъ рззвѣдчики и дозоры. Назначенъ даже особый подвижной резервъ съ конными пушками, который, по первой тревогѣ, имѣетъ быть переброшенъ къ опасному мѣсту. А командиру „Длиннаго Тома“, на случай переправы германцевъ, дана соотвѣствующая инструкція.

„Длинный Томъ“ — большая тяжелая сорокадвух-

линейная пушка, бьющая на восемь верстъ. Она не размѣнивается на мелочи, ищетъ широкія цѣли и держитъ себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ крупнокалиберному орудію.

Прапорщикъ Абрикосовъ, юноша съ мечтательными глазами и кудрями, на подобіе Ленскаго, дежуритъ на батареѣ круглыя сутки. Только подымется надъ позиціей нѣмецкая „колбаса", прапорщикъ отдаетъ приказаніе — рявкаетъ „Длинный Томъ", и привязной шаръ опускается.

А въ остальномъ, спокойно, тихо на фронтѣ.

Нѣженъ вислянскій вечеръ. Бѣлѣютъ сиреневые сады. Сладко пахнутъ жасмины. Волокнистый сумракъ стелется надъ землей.

И вотъ, начинается концертная часть.

Щелкнулъ, застоналъ соловей, выдержалъ паузу, и зачмокалъ, засвистѣлъ, разсыпался бархатной трелью... Что можетъ быть лучше этой восхитительной музыки?... Какъ зачарованный смотрится мѣсяцъ и плавно скользитъ его золоченый челнокъ по бездонному океану... Все примолкло въ старомъ саду и слушаетъ соловьиную пѣсню... И до полуночи будетъ она врываться въ окно, и будить сладкія мысли и чувства...

Да, полно, война-ли?

Не объ ужасахъ смерти, а о красотѣ жизни поетъ соловей?

О любви, о женскихъ улыбкахъ?

О душистыхъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ, о ласкахъ, по которымъ тоскуетъ душа?...

Сквозь вѣтвистыя липы, тамъ, гдѣ стоитъ часовня съ изображеніемъ Богоматери, время отъ времени, всполыхнетъ алое зарево. Тогда умолкаетъ соловьиная пѣсня и гудитъ канонада, точно барабанная дробь или отдаленное ворчаніе грома:

— Ррррръ...

Это на Бзурѣ льется кровь...

2

Утро чистое, розовое, умытое.

Покружился непріятельскій фоккеръ, съ траурными крестами на крыльяхъ и на хвостѣ, забралъ высоту и поднялся, подался далеко на востокъ, взглянуть что дѣлается въ русскомъ тылу. Потомъ, надъ нѣмецкою линіей, поднялся привязной шаръ.

„Длинный Томъ" грохнулъ два раза и шаръ опустился...

Въ полдень съ уланскаго участка привели человѣка.

Онъ былъ въ рваномъ казачьемъ бешметѣ, худъ, черноволосъ, съ загорѣлымъ рябымъ лицомъ, обросшимъ грязной, путаной бородой. Это былъ подъесаулъ Бабченко.

— Видимо-невидимо! — передавалъ удалый казакъ, за обѣдомъ, въ штабѣ дивизіи. — Сила несмѣтная, ваше превосходительство... Полагаю, что готовятся германы къ наступленію!

— Мда! — въ раздумчивости промолвилъ начдивъ и, по привычкѣ, забарабанилъ четырьмя пальцами по столу. Потомъ вытащилъ табакерку изъ карельской березы, протянулъ казаку. — Продолжайте, однако, я слушаю!

Подъесаулъ, съ явнымъ удовольствіемъ обжигаясь горячимъ чаемъ, во всѣхъ подробностяхъ передалъ свой разсказъ.

Послѣ великой лодзинской битвы очутился въ нѣмецкомъ тылу, укрывался съ станичниками въ польскихъ лѣсахъ, голодалъ, холодалъ, подвергался смертельнымъ опасностямъ. Однихъ казаковъ перестрѣляли, другихъ переловили. Изъ всего взвода, подъесаулъ докатился до Вислы въ единственномъ числѣ, трое сутокъ лежалъ, какъ русакъ, въ ржаномъ полѣ, а ночью перемахнулъ на правый берегъ, къ своимъ.

И еще повѣдалъ казакъ, что по всѣмъ польскимъ дорогамъ рыщутъ большія нѣмецкія фуры, ищутъ метал-

лическій ломъ, подбираютъ всяческій хламъ — гвозди подковы, консервныя банки, бидоны отъ керосина, снимаютъ мѣдныя украшенія, ручки съ дверей, колокола съ божьихъ храмовъ.

Къ Вислѣ будто-бы стягиваются резервы, стучатъ обозы, день и ночь грохочетъ колесами тяжелая артиллерія. По свѣдѣніямъ отъ населенія, германскій кайзеръ обѣщается захватить къ первому іюля Варшаву.

— Мда! — протянулъ снова начдивъ и снова забарабанилъ перстами. — Полковникъ! — добавилъ онъ, обращаясь къ начальнику штаба. — Прикажите, на всякій случай, выслать дополнительную развѣдку, а свѣдѣнія разослать по частямъ... Весьма важныя данныя... А подъесаула представьте къ наградѣ!

И, сдѣлавъ поклонъ, удалился.

3

Въ лиловомъ закатѣ бѣлѣютъ сиреневые сады, и защелкала снова соловьиная пѣсня.

Въ этотъ вечеръ, какъ никогда, звучала въ кустахъ соловьиная трель, и звала къ счастью, къ радости, къ наслажденіямъ.

—Чвикъ-чвикъ-чвикъ! — стонали, чвикали, перекликались невидимые пѣвцы по всѣмъ угламъ сада, а въ открытое окно ползъ запахъ жасмина. И нельзя было уснуть ни на минуту... И томила пряная, душная іюньская ночь...

Въ такую ночь хорошо мечтать о женщинѣ — о невѣстѣ, о дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ, съ голубыми глазами...

Въ такую ночь...

И оборвалась вдругъ соловьиная пѣсня, а вмѣстѣ съ нею мечты.

И затрещалъ пулеметъ — та-та-та-та!

На лѣвомъ флангѣ заворковали конныя пушки.

И грохнулъ изъ Неслуховскаго лѣса знакомый басъ „Длиннаго Тома“:

— Боммъ!

Черезъ пять минутъ, бой кипѣлъ по всей линіи. Въ темнотѣ взвивались свѣтовыя ракеты, бухали пушки, трещали винтовки, хрипѣлъ и пищалъ телефонъ.

— Наступленіе?

— Да, наступленіе! — отвѣчалъ нервнымъ голосомъ начальникъ боевого участка и требовалъ подкрѣпленій.

— Подкрѣпленія направляются! — успокаивалъ начальникъ штаба и диктовалъ приказанія ординарцамъ. — Гинденбургъ, разбудите начдива! — обратился къ адъютанту по хозяйственной части, маленькому, круглому, лысоватому ротмистру, выстукивавшему зубами мелкую дробь. Но высокая фигура начдива, въ сорочкѣ, въ ночныхъ туфляхъ, уже появилась у косяка двери и взволнованно хваталась за телефонную трубку:

— Алло!... Наступленіе?... Держаться до послѣдней возможности!... Вотъ! — подумалъ начдивъ и брезгливо поморщился. — Начинается... Напророчилъ, проклятый казакъ!

Однако, канонада смолкала.

Въ послѣдній разъ тявкнули конныя пушки, прогудѣлъ „Длинный Томъ“ и лишь, то затихая, то разгораясь съ новою силой, трещалъ ружейный огонь...

— Потери?.. Трофеи? — запрашивалъ по телефону комкоръ.

— По случаю темноты выяснить не представляется возможнымъ! — рапортовалъ бодрымъ тономъ начдивъ. — Къ утру будетъ представлено подробное донесеніе!

И когда наступилъ мягкій сизый разсвѣтъ, къ штабу дивизіи прибылъ уланскій поручикъ съ трофеями — шанцовою лопатой, двумя винтовками и тремя нѣмцами, подъ надежнымъ конвоемъ.

Начдивъ сидѣлъ за столомъ и былъ мраченъ, какъ ноябрьская туча...

Въ штабѣ корпуса было составлено донесеніе и цыфра трофеевъ скромно увеличена до двѣнадцати человѣкъ.

Въ штабѣ арміи количество плѣнныхъ было округлено до одной роты. А военный обозрѣватель „Русскаго Слова“ написалъ по этому поводу талантливый фельетонъ, который начинался слѣдующими словами:

„На фронтѣ безъ перемѣнъ. Въ частности, на участкѣ I коннаго корпуса нельзя не отмѣтить молодецкаго дѣла. Противникъ, сосредоточивъ превосходныя силы, внезапно обрушился на участокъ позиціи, съ охватомъ фланга и тыла. Наступленіе было отбито съ крупными потерями и взятіемъ въ плѣнъ германскаго батальона“...

И еще пышнѣй зацвѣтали сиреневые сады надъ тихоструйною Вислой... И точно изступленные, стонали и цокали соловьи, призывая къ радостямъ жизни, къ счастью, къ любви...

И для многихъ — въ послѣдній разъ.

Въ тихій іюньскій день былъ убитъ юноша съ мечтательными глазами, командиръ „Длиннаго Тома“, прапорщикъ Абрикосовъ.

Недвижимый и безгласный, онъ лежалъ у лафета тяжелой сорокадвухлинейной пушки, прикрытый брезентомъ. Кругомъ толпилась растерянная команда. Осиротѣлъ „Длинный Томъ“ и молчалъ нѣсколько сутокъ.

И когда снова заговорилъ, сиреневые сады уже отцвѣтали...

НАУМОВКА

Осень, гнилая, мокрая петербургская осень, плачетъ нудными слезами, хлипкимъ туманомъ, сыростью, слякотью. Осыпаются листья и, точно бездомные сироты, кружатся по пустыннымъ дорожкамъ садовъ и скверовъ. Все тонетъ въ блѣдной немочи осенняго дня.

Послѣ двухъ зажигаются фонари — и болѣзненно-страненъ, словно призракъ или фантомъ, видъ гигантскаго города, въ эту пору, между „собакой и волкомъ", когда будто кончился день и начинается вечеръ.

Какая радость вырваться изъ столицы и провести мѣсяцъ въ деревнѣ, на югѣ, въ черноземной курской губерніи!.. Нѣтъ, даже не радость, а великое наслажденіе уйти отъ мокраго петербургскаго неба, отъ холодной рѣки, отъ скользкихъ торцовъ и панелей, и прикоснуться къ золотой, какъ первое дѣтство, землѣ...

Уже отъ Москвы, убранной осеннимъ нарядомъ, начинаетъ вѣять сладкое дыханіе юга. Уже меньше лѣсныхъ пространствъ и все больше полевого простора.

Еще сотня-другая верстъ — и начинается иной край, область родимыхъ степей, съ бѣлыми мазанками взамѣнъ бревенчатыхъ срубовъ, съ пятнами вишневыхъ садовъ и баштановъ, съ чабанами, съ волами, съ стадами овецъ на подножномъ корму.

А кондукторская бригада — не въ суднѣ, какъ на сѣверѣ, а въ легкой парусиновой формѣ. И пассажиры не тѣ, и воздухъ не тотъ, и небо, и смѣхъ, и щирая хохлацкая рѣчь, съ милымъ мягкимъ оттѣнкомъ.

Между Бѣлгородомъ и Харьковомъ, среди океана черной земли, лежитъ знакомая станція, маленькая,

убогая, съ минутною остановкой. Поѣздъ только подходитъ — и звенитъ уже первый звонокъ. И ползетъ паровозъ дальше, на Веселую Лопань, а тамъ рукой подать и до Харькова.

Вещи уже на тачанкѣ, запряженной парой сухихъ поджарыхъ коней. А рядомъ сидитъ старый пріятель, съ возжами, съ длиннымъ бичомъ въ рукахъ, въ сѣромъ плащѣ, въ выгорѣвшей отъ южнаго солнца гусарской фуражкѣ Черниговскаго полка. Еще минута — и щелкаетъ бичъ, и летитъ легонькая тачанка по пыльной дорогѣ, мимо снятой пшеницы, мимо жирнаго пара, въ глубину черноземныхъ полей...

Гдѣ вы, наумовскіе безпечальные дни, проведенные подъ дружеской кровлей, въ лѣнивомъ досугѣ, въ охотахъ, въ бесѣдахъ, въ верховыхъ прогулкахъ по свекловичнымъ полямъ, въ маленькихъ помѣщичьихъ развлеченіяхъ?

Гдѣ ты, другъ юности, фантазеръ съ неосуществившимися надеждами, грезившій удѣломъ великихъ завоевателей, мечтавшій о славѣ конквистадоровъ, отпрыскъ древняго варяжскаго рода, чей гербъ съ серебрянымъ лебедемъ на аломъ щитѣ глядѣлъ столь выразительно съ фронтона бѣлаго дома?

Гдѣ вы?..

Въ карманѣ моемъ сохранился бумажникъ доброй вѣнской работы. Это памятка друга. Многое отняло безпощадное время, все расхитилъ злой вихрь русскаго чертопляса. Но бумажникъ, необыкновеннымъ образомъ, уцѣлѣлъ.

Правда, исчезли инициалы и золотая коронка въ углу. И скуденъ, очень сталъ скуденъ старый бумажникъ, съ затрепанными, лоснящимися краями. Но прочна доброкачественная основа. И гляжу порой на нее, перебирая, съ улыбкой, ворохъ воспоминаній, и сладкихъ и горькихъ, воскрешающихъ образы прошлаго, навѣвающихъ неутолимую скорбь.

„Что позолочено — сотрется,
Свиная кожа остается...“

Послѣ смерти отца, оставилъ Борисъ Вадимовичъ служеніе грозному богу войны, покинулъ Черниговскій полкъ и его высочайшаго командира — брата послѣдняго императора, сталъ землеробомъ и съ головой окунулся въ хозяйство.

Одиннадцать мѣсяцевъ проводитъ безотлучно въ Наумовкѣ, вдали отъ соблазновъ, въ полномъ уединеніи, если не считать общества пожилой экономки. Ольги Васильевны. Только порой выѣзжаетъ въ уѣздъ на дворянскіе выборы да къ ближайшимъ сосѣдямъ.

Вся энергія молодого и здороваго тѣла вложена имъ въ хозяйственныя заботы. На досугѣ балуется уѣздной политикой. Ежедневно, по старой привычкѣ, отдаетъ дань верховымъ упражненіямъ. Съ этою цѣлью, стоятъ на конюшнѣ два сѣрыхъ араба завода князя Сангушки—Султанъ и Фатьма.

И только двѣнадцатый мѣсяцъ, подведя итогъ урожаю, смѣнивъ Черниговскую фуражку на котелокъ, а сѣрый парусиновый плащъ на модный демисезонъ, отдыхаетъ на лазоревыхъ берегахъ, въ наслѣдственной вотчинѣ славнаго князя Монакскаго...

Еще не законченъ утренній завтракъ, а передъ крыльцомъ уже стоитъ кучеръ Игнатъ, держа подъ уздцы лошадей.

Горячатся сѣрые кони, предвкушая просторный галопъ по степи, по свекловичнымъ полямъ, на которыхъ стоятъ сотни возовъ съ круторогими украинскими волами. Споровисто убирается урожай — червонное золото благодатной земли, съ пѣснями, шутками, задорнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ густобровыхъ Парасокъ и Гапокъ.

Фыркаютъ горячіе кони и, едва касаясь земли, широкимъ махомъ несутся по полю. Хочется пѣть и кричать, отъ радости, отъ буйнаго солнца, отъ простора, отъ пьянящаго духа земли.

Ближе и ближе выростаютъ очертанія сахарнаго завода, съ высокими трубами, съ амбарами, клунями, закромами. Со всѣхъ сторонъ столпились вереницы

возовъ. Одинъ за другимъ ползутъ на вѣсы, отсчитывается тара, ссыпается въ кучи драгоцѣнный буракъ.

— Цобъ!.. Цобе! — слышится тягучій, неторопливый окрикъ. Пахнетъ овчиною, дегтемъ, кожаными чоботами.

Управляющій, Алоизій Викентьевичъ, приглашаетъ въ контору, потчуетъ старымъ, выдержаннымъ медомъ, отсчитываетъ задатки — толстую пачку свѣжихъ, хрустящихъ сторублевыхъ бумажекъ:

— Съ урожаемъ, Борисъ Вадимовичъ!

Медъ кружитъ голову, и еще быстрѣй несутъ кони домой, цѣлиной по широкой степи, раскинувшейся во всѣ стороны безъ конца, мимо свекловичныхъ полей, на которыхъ еще дрожатъ пѣсни полногрудыхъ дивчатъ, чьи очи, какъ звѣзды, а уста слаще меда...

Наумовка, точно оазисъ, лежитъ въ этомъ безкрайномъ океанѣ земли, въ могучей черноземной пустынѣ, гладкой, какъ поверхность рѣчного затона. На десятки, можетъ быть, сотни верстъ, раскинулось необозримое полотно бурака и пшеницы, безлѣсное и безводное, лишенное всякаго признака рощи, малѣйшаго слѣда какого-нибудь водоема.

Только и есть, что прудокъ въ глубинѣ парка, окружающаго наумовскій домъ, да крошечное болотце у станціи, въ которомъ свили пріютъ дупеля и бекасы...

Въ послѣобѣденный часъ хорошо пошататься, со старою ирландскою сукой, по наумовскому болотцу, потѣшить охотничье сердце стрѣльбой по отъѣвшимся долгоносикамъ.

Нѣтъ, не курскіе соловьи, что заливаются въ маѣ и раннимъ іюнемъ, а перепелиное — подь-полоть! въ туго набитыхъ золотымъ просомъ поляхъ, блеянье, кряканье болотной и водяной птахи, составляетъ тотъ неотразимый, исключительный по красотѣ концертъ, знакомый съ перваго дѣтства!..

Птица держится крѣпко, лѣниво подымается изъ-подъ собаки и даетъ случай сдѣлать нѣсколько удачныхъ дуплетовъ. Но иной разъ вырвется залетѣвшій

случайно кроншнепъ и, отъ волненія и неожиданности, дробовикъ производитъ выстрѣлъ въ пустую.

— Тахъ-тахъ! — гремитъ безполезный салютъ. Зента, приподнявъ переднюю лапку, долго слѣдитъ за исчезающей птицей и переводитъ укоризненный взоръ на стрѣлка.

Медленно падаетъ вечеръ, пылаетъ закатъ и острѣе становится запахъ земли, буйной черноземной земли...

И одна за другой высыпаютъ ясныя украинскія звѣзды, точно золотыя мониста на таинственномъ сарафанѣ.

Тихо въ паркѣ усадьбы. Темныя тѣни легли на аллеи, и гомозится въ вѣтвяхъ усталая птица. Пропищитъ летучая мышь, шарахнется, съ уханьемъ, сова-курягница. Изъ далекой степи доносится лай чуткихъ овчарокъ, стерегущихъ сонное стадо.

И странно чувствовать себя въ этомъ закинутомъ мірѣ, среди необозримыхъ пространствъ, на лонѣ благодатной пустыни, гдѣ и ночью, и днемъ струится сладостное дыханіе...

Тихо въ наумовскомъ домѣ. Въ окошкѣ блеснулъ огонекъ, и вотъ, уже пора, въ маленькую столовую, съ ярко начищеннымъ самоваромъ, съ мурлыкающимъ котомъ, съ свернувшейся въ уголкѣ лягавою сукой, съ старыми дѣдовскими курантами, отбивающими неугомонный бѣгъ:

— Тикъ-такъ!.. Тикъ-такъ!

За ужиномъ — воспоминанія, дружеская бесѣда, мечты.

Хорошо бы прикупить десятинъ триста земли, завести конскій заводъ, образцовую ферму?..

Хорошо бы обзавестись молодою хозяйкой?.. Утомительно влачить дни въ одиночествѣ... И скучны, ахъ, скучны долгіе зимніе вечера!..

И снимаетъ Борисъ Вадимовичъ висящую на стѣнѣ, рядомъ съ гусарскою саблей, гитару, и выводитъ чувствительные аккорды, сопровождая ихъ такими же чув-

ствительными словами, изливая въ старомъ романсѣ затаенную думу и боль:

„Въ часъ ро-ко-во-ой
Я встрѣтилъ те-бя-а...“

Быстро протекаетъ мѣсяцъ въ деревнѣ. Съ верховыми прогулками, съ бекасиной охотой, съ поѣздками по ближайшимъ сосѣдямъ, съ мимолетными увлеченіями...

И Наумовка уже позади.

Въ послѣдній разъ мелькнула въ окно знакомая станція. Въ послѣдній разъ показался затерянный, точно оазисъ въ пустынѣ, старый паркъ съ наумовскимъ домомъ.

И со всѣхъ сторонъ протянулась безкрайная степь.

А впереди—петербургскій туманъ, слезы панелей и мостовыхъ, блѣдная немочь сѣверной осени.

И думы не могутъ разстаться съ золотомъ солнца, съ ароматами буйныхъ просторовъ, со всѣми цвѣтами черноземнаго юга, чьи очи, какъ звѣзды, а уста слаще меда...

РОМАНЪ СЪ ПРИКЛЮЧЕНІЕМЪ

1

Изъѣзжены всѣ моря, исхожены всѣ дороги, тысячепудовый якорь привязалъ крѣпко къ землѣ. Пять долгихъ лѣтъ протекло въ тихой и мирной, безконечно знакомой пристани, стремленіе къ которой было воздушной мечтой, а пребываніе стало тяжелымъ грузомъ.

Нѣтъ, кто отравленъ сладкимъ ядомъ скитальчества и необоримыхъ фантазій, кто, какъ путникъ въ пустынѣ, приникъ хотя бы однажды къ этому кастальскому роднику, тотъ рано или поздно выправитъ снова бѣлый свой парусъ и отдастся попутному бризу, въ погонѣ за новой фатаморганой, въ поискахъ края нездѣшнихъ очарованій, гдѣ зыблются жемчуговыя дали, гдѣ маячатъ золоченые берега...

«Гдѣ карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
Гдѣ нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица —
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ міръ не открытъ до конца...»

Впрочемъ, не парусъ, а мощный, шестиколесный, сработанный весь изъ стали, конь сверкающаго экспресса, буйнымъ ходомъ рѣзалъ, на этотъ разъ, вечерѣющее Пространство.

Въ сумракѣ мутнѣли поля... Падала ночь... И убѣгалъ одинъ километръ за другимъ...

Мой спутникъ, крупный, плотный, пожилой человѣкъ, котораго звали Степаномъ Петровичемъ, который уже въ

теченіе нѣсколькихъ часовъ занималъ меня разговоромъ, который, порывшись, наконецъ, въ дорожномъ баулѣ, извлекъ старый клѣтчатый пледъ и, казалось, изготовился къ отходу ко сну, неторопливо развернулъ пледъ на колѣнахъ и вытянулъ кожаный портсигаръ.

Закуривъ папиросу, возобновилъ прерванную было бесѣду.

— Изволите видѣть! — произнесъ Степанъ Петровичъ своимъ спокойнымъ, убѣдительнымъ тономъ, слегка поморщившись и сдѣлавъ перстами неопредѣленный жестъ. — Возвращаясь къ первоначальной дискуссіи, остаюсь при своемъ убѣжденіи... Фантазію отметаю!... Романтику не признаю!... Факты цѣню, сударь, единственно факты, а не игру поэтическаго воображенія!.. Что глаза видѣли, что уши слышали, что освящено муками личнаго чувства!...

Степанъ Петровичъ на минуту задумался.

— Факты изъ дѣйствительной жизни Степана Петровича Заболотнаго! — произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и поднялъ указательный палецъ, на которомъ золотѣлъ перстень съ блѣдною персидскою бирюзой. — Полное собраніе сочиненій, въ двѣнадцати томахъ, въ коленкоровомъ переплетѣ!... Пфі-пфъ!...

Клубокъ дыма, точно сизая птица съ бѣлыми пушистыми крыльями, выпорхнулъ изо рта.

— Дѣтство, отрочество, юность, — продолжалъ словоохотливый собесѣдникъ. — Юность и зрѣлые годы!.. Любая тема!.. Все къ вашимъ услугамъ!... Объ анекдотѣ первой любви или объ истинномъ происшествіи на охотѣ съ борзыми въ пампасахъ екатеринославской губерніи?.. О комической исторіи съ лотерейнымъ билетомъ или о трагической драмѣ съ аттестатомъ на зрѣлость?.. О сухопутныхъ фактахъ или морскихъ, или, можетъ быть, въ частности, о подвигѣ желѣзнодорожномъ?

Я улыбнулся.

— О желѣзнодорожномъ? — переспросилъ спутникъ. — Извольте!

Степанъ Петровичъ выпустилъ голубоватый дымокъ,

взглянулъ въ окно, за которымъ висѣла зимняя ночь, перевелъ глаза на фонарь и, послѣ хорошо разыграннаго раздумья, такъ началъ разсказъ.

2

— Лѣтъ двадцать тому назадъ... Да, примѣрно, лѣтъ двадцать съ нѣкоторымъ лишкомъ — помните, можетъ быть тотчасъ вслѣдъ за японской войной, въ эпоху, такъ сказать, нашей под-го-то-ви-тель-ной революціи? — началъ Степанъ Петровичъ, намѣренно сдѣлавъ удареніе на словѣ „подготовительной". — Съ забастовками, съ стрѣльбой по высокимъ сановникамъ, съ экспропріаціями и нападеніями на артельщиковъ... Помните?.. Возвращаюсь, стало быть, изъ своего деревенскаго уединенія въ Кіевъ.

— Дѣло происходитъ зимой, на святкахъ, какъ сейчасъ, въ самый сочельникъ... Поѣзда еще ходили исправно, по расписанію, но пустовато было въ вагонахъ... Сидѣли, признаюсь, всѣ больше дома... Неспокойное, ненадежное, жуткое было время. Да и праздники, само собою понятно, не располагали къ передвиженіямъ...

— Въ купэ, вотъ какъ сейчасъ, оказалось насъ двое — я да молодая особа, премилое, этакое славное существо, съ ямочками на щечкахъ, въ котиковой шубейкѣ, съ обручальнымъ колечкомъ на пальчикѣ... Сударыня, не стѣсню-ли? — задаю первый вопросъ... О, нисколько, напротивъ! — отвѣчаетъ съ улыбочкой спутница. — Я отчаянная трусиха!... Вы будете моимъ тѣлохранителемъ!

— Шарманъ! — отвѣчаю по-французски и отвѣшиваю поклонъ. — Сочту за особую честь, сударыня!... Само собой разумѣется, завязывается бесѣда... Разговоры на различныя темы, о томъ, о семъ, о десятомъ, и, прежде всего, натурально, о сюжетѣ, такъ сказать, злободневномъ... Дамочка передаетъ сенсаціонныя столичныя вѣсти... Убитъ будто бы одинъ министръ, подстрѣленъ другой, заводы бунтуютъ, волненіе въ войскѣ, неспокойно

даже въ гвардіи санктпетербургской... А въ Петергофъ вызваны якобы нѣмецкіе миноносцы за царской семьей... Это зимой-то!..

— Вздоръ! — утверждаю. — Все обойдется, сударыня... Въ россійской имперіи и не такое бывало... Побунтуетъ народъ и успокоится... Ибо сказано въ Священномъ Писаніи... „Всякая душа властямъ предержащимъ да повинуется... Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога... Сущія же власти отъ Бога учинены суть!..“ Что же касается путешествія по желѣзной дорогѣ, не волнуйте себя понапрасному... Все обойдется, сударыня!.. Въ подобномъ обществѣ, если хотите, готовъ даже подвергнуться нападенію экспропріаторовъ!

Съ этими словами взялъ ручку — и чмокъ!

— Однако! — улыбается спутница. — Вы рѣшительный человѣкъ!..

Нѣтъ, не рѣшительный я человѣкъ, скажу вамъ, сударь, съ полною откровенностью... Особымъ мужествомъ не обладаю... Осторожный, можетъ быть только, предусмотрительный, не болѣе...

Между тѣмъ, досталъ погребецъ, вынулъ закусочки деревенскія, наливочки, хереску собственнаго разлива.

— Смѣлый вы человѣкъ! — повторяетъ въ задумчивости сосѣдка. — А я вотъ, отчаянная трусиха!... Тѣмъ болѣе, что деньги большія везу... Ахъ! — смутилась дамочка и даже всплеснула руками. — Ну развѣ можно признаваться въ этомъ постороннему человѣку?... Богъ же васъ знаетъ, кто вы такой?

И засмѣялась славно такъ обѣими ямочками — хи-хи-хи-хи!

Засмѣялся и я... А по любопытству своему, взялъ да насѣлъ... Въ шутливой, вполнѣ пріемлемой формѣ, понятно... Много-ли денегъ да гдѣ спрятаны, въ надежномъ-ли мѣстѣ, ну, словомъ, выпыталъ всѣ подробности до конца... Преглупая любознательность, но, представьте, какой удивительный случай!

Степанъ Петровичъ замолкъ.

На лицѣ его показалась улыбка, точно у человѣка,

переживающаго не страницу, а какую-то особо яркую, особо радостную строчку воспоминаній. Онъ затянулся, на мгновенье окутался дымомъ и продолжалъ:

— Дѣло близится къ полуночи, пора бы, пожалуй, и на покой... А тутъ, какъ на грѣхъ, возьми да раскройся инкогнито... Тысяча бомбъ!.. Вотъ такъ исторія!.. Можете себѣ только представить, моя дамочка съ ямочками, Вѣра Михайловна, фамиліи не назову, оказывается-то супругою нашего прокурора?

Степанъ Петровичъ захохоталъ:

— Изволите видѣть, окружного нашего прокурора, который не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, объегорилъ меня въ городскомъ клубѣ!... Честное, благородное слово!.. Противный этакій старикань, играетъ прижимисто, скулитъ, брюзжитъ, пришепетываетъ... И недавно женился, каналья, взялъ сироту-безприданницу, молодую, красивую, говорятъ, никому не показываетъ, старый хрычъ, держитъ подъ семью замками, подъ восемью печатями... Здравствуйте вамъ!.. Такъ вотъ она какая, голубушка-прокурорша, Вѣра Михайловна!

— Гляжу на нее, залюбовался, смѣюсь... Совсѣмъ весело стало!... И взяла меня невѣроятная злоба противъ этого старика... И представилъ я его себѣ въ зеленомъ халатѣ, въ туфляхъ, со сводомъ уголовныхъ постановленій подъ мышкой, съ шелковой ермолкой на головѣ... Ахъ, мошенникъ!.. Ахъ, гнусъ!.. „Вѣлуся, пупсикъ, поди-ка сюда, ангелъ мой!“... Вы представляете себѣ эти нѣжности, эти прокурорскіе поцѣлуи, эти сюсюкающія слова любви?... Ха-ха-ха!..

— Ну, скажу вамъ коротко... Я буду не я, если не отыграю свой проигрышъ въ городскомъ клубѣ... Атанде-съ!

А ямочки смотрятъ на меня и, будто нарочно, дразнятъ, смѣются...

3

Степанъ Петровичъ остановился.

Лицо его приняло новое выраженіе. Въ теченіе нѣ-

сколькихъ минутъ, онъ молчалъ, потомъ поднялъ указательный палецъ съ фамильною бирюзой, насторожился и продолжалъ другимъ, глухимъ, нѣсколько театральнымъ тономъ:

— Представьте же случай!.. Нѣтъ, не случай, какой тамъ, а чрезвычайную, если можно такъ выразиться, оказiю!.. Господи Боже мой!.. Повѣрите вы или нѣтъ, но вотъ, какъ сейчасъ, вижу все собственными глазами... Пять минутъ передъ тѣмъ, еще смѣялся, шутилъ, каламбурилъ, какъ сукинъ сынъ, мелкимъ бѣсомъ передъ интересною женщиной разсыпался, а тутъ сразу совсѣмъ другое, весь хересъ, все блаженство выскочили изъ головы, въ одно мгновенье...

— Щолкъ!

Повернулся замокъ, дверь открылась.

— Ни съ мѣста!.. Руки вверхъ!.. Двѣ полумаски смотрятъ на васъ въ упоръ и черный зѣвъ пистолета уставился въ переносицу... Нѣтъ, нѣтъ, не такъ это было, милостивый мой государь! — торопливо, перебивая плавное теченiе рѣки, выкликнулъ Степанъ Петровичъ. — Ни въ какомъ случаѣ!... Такъ сочиняютъ только въ романахъ!

— Ни крика, ни восклицанiй... И полумасокъ, представьте, даже никакихъ не было, а только нахлобученныя по уши шляпы и поднятый воротникъ... Это вамъ не колядки, не ряженые!.. Одинъ незнакомецъ прикрылъ дверь, прижалъ ее своею спиной и точно — вертитъ въ рукѣ небольшую вороненую штучку съ семью зарядами... Шутки въ сторону!.. Аргументъ серьезный!... Другой, ростомъ пониже, обратился ко мнѣ и спокойнымъ тономъ этакимъ заявляетъ... Вашъ бумажникъ! Будьте любезны, сударь!.. Сопротивленiе можетъ вамъ повредить!...

Покосился на висѣвшую шубу и протянулъ руку.

— Что происходитъ?... Другой бы, можетъ быть, умолялъ, поднялъ крикъ, оказалъ какое-либо сопротивленiе... Воззвалъ бы къ милосердiю, и, одновременно, изъ пистолетика — пифъ-пафъ!... Но тихiй, мягкiй, покорный я человѣкъ... На военной службѣ не состоялъ... Оружiе,

по натурѣ своей, носить избѣгаю... Взвѣсилъ только всю ситуацію, выдавилъ черезъ силу улыбку, и говорю... Извольте, сударь!... Охотно готовъ оказать вамъ эту услугу!.. Деньги у меня, къ сожалѣнію, небольшія, всего какихъ-нибудь тридцать рублей!..

Вытянулъ изъ бокового кармана бумажникъ, протянулъ незнакомцу и съ тою же улыбочкой заявляю:

— А вотъ у дамочки, обратите вниманіе, тысяча цѣлковыхъ за лѣвымъ чулочкомъ лежитъ!

Что происходитъ? Въ одно мгновенье, молодой человѣкъ кидается къ Вѣрѣ Михайловнѣ, которая сидитъ въ углу ни жива, ни мертва, поблѣднѣла, какъ листъ, трясется мелкою дрожью, точно въ ознобѣ... Боже ты мой!.. Дамочка моя закувыркалась, отбивается руками, ногами... Молодецъ!.. Крикъ, слезы, истерика!.. Не тутъ-то было!.. Распахнулась котиковая шубейка, мелькнуло, точно божественное видѣніе, кружевное дезабилье и бѣлая полная ножка, повыше колѣна... Попъ!.. Чулочекъ сорванъ и конвертикъ съ деньгами уже въ рукѣ!..

Еще мгновенье, хлопнула дверь и незнакомцы исчезли.

Только ихъ видѣли...

4

Степанъ Петровичъ снова остановился.

Я молчалъ, устремивъ взглядъ на своего собесѣдника. Степанъ Петровичъ загадочно улыбнулся, намѣренно выдержалъ долгую паузу, потомъ, привычнымъ движеніемъ извлекъ свой кожаный портсигаръ и снова закурилъ папиросу.

— Ха-ха-ха-ха! — засмѣялся Степанъ Петровичъ и ударилъ меня по колѣну. — Ну, признавайтесь?.. Воображаю, вотъ, думаете вы, какой негодяй?... Труса отпраздновалъ!.. Надсмѣялся надъ дамскимъ довѣріемъ!.. Вѣроломнымъ, не имѣющимъ названія образомъ, предалъ беззащитную женщину!... Нечего сказать — тѣлохра-

нитель!.. Рыцарь безъ страха и безъ упрека!.. О, жалкій мерзавецъ, достойный истиннаго презрѣнія!

— Что же дальше?.. Вотъ поѣздъ подходитъ къ станціи... Плавно замедляется его бѣгъ, уже показался семафоръ, водокачка, привѣтливые огни буфета перваго класса... Уже стоитъ усатый жандармъ на перронѣ, дежурный по станціи, бѣгаетъ, суетится публика, носильщики, лакеи, телеграфисты... Я натурально срываюсь съ мѣста, кричу, подымаю тревогу... Я заявляю о нападеніи злоумышленниковъ и телеграммы летятъ во всѣ концы... Составляется протоколъ, поѣздъ задерживается, начинается обыскъ, полиція поднята на ноги... Не такъ ли?

Собесѣдникъ пристально посмотрѣлъ на меня:

— Ни въ какомъ случаѣ! — снова разсмѣялся Степанъ Петровичъ своимъ раскатистымъ смѣхомъ. — Это не входило въ мои расчеты!... Это нарушило бы мой планъ!... Вотъ, въ сущности, рѣдкій примѣръ, когда и злоумышленники, и потерпѣвшіе оказались, въ концѣ концовъ, вполнѣ довольными другъ другомъ... Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь... Помните посланіе къ Римлянамъ? „Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божію... Ибо написано: мнѣ отомщеніе, Азъ воздамъ, говоритъ Господь!“...

Словомъ, черезъ пять минутъ поѣздъ, какъ ни въ чемъ не бывало, безъ суеты, отходитъ строго по расписанію.

— Пфъ-пфъ! — клубокъ дыма выпорхнулъ изо рта.

Степанъ Петровичъ откашлялся:

— Но что же дальше?.. Все, какъ въ этомъ случаѣ полагается... Вѣра Михайловна продолжаетъ лежать въ уголкѣ, на диванѣ, еще не очнувшись отъ нервнаго потрясенія... Мало-по-малу приходитъ, однако, въ себя... Истерическія рыданія смѣняются плачемъ, тѣмъ ровнымъ, здоровымъ плачемъ, который, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, знаменуетъ окончаніе кризиса...

— Я успокаиваю и, само собой разумѣется, являюсь мишенью для самыхъ оскорбительныхъ выраженій... Каюсь передъ молодой женщиной, какъ грѣшникъ, ожидающій

святого причастія... Прошу извиненія за причиненное безпокойство... Больше того, за то, что не оправдалъ дружескаго довѣрія... Куда тамъ!.. Все тщетно, сударь мой!.. Ничего не помогаетъ!... О, не стану передавать тотъ лексиконъ, которымъ наградила меня моя уважаемая попутчица... Злодѣй!... Извергъ!.. Преступникъ!.. Негодная тварь!.. Трусъ!.. Подлый обманщикъ!.. Ха-ха-ха-ха!.. Кто бы подумалъ, что женскія уста, созданныя, казалось бы, для поцѣлуевъ, способны извергать подобныя вещи?

Степанъ Петровичъ не безъ горечи усмѣхнулся и продолжалъ:

— Понялъ я, наконецъ, что пора прекратить спектакль... И вотъ, не взирая на сопротивленіе, взялъ Вѣру Михайловну за ручку и выразилъ душевную благодарность... За симъ, порывшись въ шубѣ, досталъ свертокъ, въ которомъ лежало двѣсти тысячъ рублей государственными билетами, въ качествѣ задатка за проданный лѣсъ... Отсчиталъ двадцать кредитокъ съ изображеніемъ императрицы Екатерины II и неторопливымъ движеніемъ положилъ на колѣни сосѣдкѣ.

— Милостивая государыня, Вѣра Михайловна! — произношу офиціально, съ твердостью въ голосѣ. — Ваши деньги оказали мнѣ незабываемую услугу!... Разрѣшите возмѣстить произведенный расходъ!.. А эту тысячу — прошу принять въ видѣ маленькаго рождественскаго подарка, въ качествѣ процентовъ за безпокойство.

Степанъ Петровичъ остановился и скромно опустилъ взоръ.

— Фактъ изъ дѣйствительной жизни Степана Петровича Заболотнаго! — задумчиво произнесъ спутникъ и, развернувъ клѣтчатый пледъ, сталъ располагаться къ ночлегу.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Но за клубный проигрышъ вы все-таки расквитались? — ехидно спросилъ я.

— Ни въ какомъ случаѣ! — отвѣтилъ съ достоинствомъ Степанъ Петровичъ. — Записалъ на черную доску!.. Пріѣхавъ въ Кіевъ, усадилъ дамочку въ саночки, поцѣловалъ почтительно ручку и крикнулъ только вдогонку:

— Пріятныхъ праздниковъ!.. Кланяйся пупсику!

ТАННЕНБЕРГЪ

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ глухихъ мазурскихъ лѣсахъ, разыгралось драматическое событіе, больно ударившее по сознанію русскихъ людей.

Одна изъ русскихъ армій подверглась неслыханному разгрому, съ плѣненіемъ двухъ корпусовъ, съ потерей почти всей артиллеріи.

Трагедія эта имѣла мѣсто въ началѣ кампаніи, когда главныя силы германскихъ штыковъ рѣшали судьбу великой войны на западномъ фронтѣ...

Наступленіе 1-ой арміи Ренненкампфа, въ предѣлы Восточной Пруссіи, производимое подъ настойчивымъ давленіемъ союзниковъ, продолжало медленно развиваться.

Послѣдняя попытка германцевъ задержать натискъ русскихъ дивизій закончилась сраженіемъ подъ Гумбиненомъ. Нѣмецкія контръ-атаки разбились о стойкое сопротивленіе войскъ. Нѣмецкія части понесли большія потери. Резервы были исчерпаны.

Три батареи, смѣло выѣхавшія на открытую позицію, были, въ одно мгновенье, сметены русскимъ огнемъ. Въ нѣмецкихъ частяхъ, потрясенныхъ неудачами и безостановочными боями, сталъ наблюдаться упадокъ духа. Даже въ образцовомъ XVII корпусѣ генерала Макензена началось „разложеніе, одержавшее побѣду надъ желѣзной дисциплиной прусскихъ полковъ“.

Сверхъ того, выросла неожиданная угроза съ юга, въ лицѣ 2-ой русской арміи, спѣшно кинутой на поддержку корпусовъ Ренненкампфа...

При этихъ условіяхъ, 8-ой германской арміи, генерала барона Притвица, ничего болѣе не оставалось, какъ начать отступленіе къ нижней Вислѣ.

Германское командованіе, во имя уже обозначавшейся побѣды на западномъ фронтѣ, почти готово было примириться съ временнымъ очищеніемъ Восточной Пруссіи — цитадели прусскаго юнкерства, отдаваемой на потокъ и разграбленіе „дикимъ скифамъ, попирающимъ всѣ законы, божескіе и человѣческіе". Мощная линія вислянскихъ крѣпостей, отъ Кенигсберга до Торна, безъ сомнѣнія, надолго остановитъ русское наступленіе. Со взятіемъ Парижа и разгромомъ французскихъ войскъ, побѣдоносная германская армія возьметъ реваншъ и на востокѣ.

Однако, когда полумильонная масса прусскихъ бѣженцевъ хлынула къ переправамъ на Вислѣ и въ столицу имперіи, психологія и политика стали оказывать могущественное вліяніе на основной планъ главной германской квартиры.

Стратегическія доктрины, „порывъ не терпитъ перерыва", завѣты стараго Мольтке, „ошибки въ первоначальномъ развертываніи непоправимы въ теченіе всей кампаніи", уступили мѣсто половинчатымъ, компромисснымъ рѣшеніямъ. И германская ставка принимаетъ иной планъ — продолжая добиваться рѣшительной побѣды на западномъ фронтѣ, одновременнымъ ударомъ по лѣвому флангу и тылу русскихъ армій, рѣшаетъ измѣнить въ свою пользу положеніе на восточно-прусскомъ театрѣ войны.

Во исполненіе этого плана, командующій 8-ой арміей, подавленный неудачею, генералъ баронъ Притвицъ, была замѣненъ, призваннымъ изъ отставки, генераломъ фонъ Гинденбургомъ.

Будущій германскій фельдмаршалъ покинулъ активную службу не по своей волѣ. Утверждаютъ, будто неожиданная отставка послѣдовала въ результатѣ конфликта на одномъ изъ осеннихъ маневровъ, когда упрямый, не искушенный въ политикѣ генералъ, имѣлъ смѣлость „раз-

бить“ войска, находившіяся подъ командою кайзера. Это, вѣроятно, не болѣе, какъ анекдотическій вымыселъ. Гинденбургъ ушелъ въ отставку по предѣльному возрасту. Однако, извѣстно, что генералъ не пользовался симпатіей у императора.

Начальникомъ штаба арміи былъ назначенъ, только недавно отличившійся подъ Льежемъ, молодой генералъ Людендорфъ.

8 армія спѣшно усиливалась въ своемъ составѣ. Въ частности, съ западнаго фронта были сняты два корпуса — гвардейскій резервный и XI армейскій, при 8-ой кавалерійской дивизіи. Пользуясь густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, армія приступила къ быстрой перегруппировкѣ.

Между тѣмъ, генералъ Ренненкампфъ, придавая преувеличенное значеніе успѣху Гумбиненскаго сраженія, утративъ соприкосновеніе съ противникомъ, продолжалъ медленно продвигаться на западъ, за „разбитымъ врагомъ“. Стратегическій маневръ нѣмцевъ, съ переносомъ операцій на югъ, былъ ему неясенъ и непонятенъ. То же неясное представленіе имѣла и русская ставка, стремившаяся, въ безостановочномъ толканьи армій впередъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ идти навстрѣчу настойчивымъ домогательствамъ Жоффра.

Съ этой цѣлью былъ принятъ планъ, который, по общему замыслу, долженъ былъ облегчить положеніе союзниковъ подъ Парижемъ и, въ частности, рѣшить судьбу всего наступленія на Восточную Пруссію.

2-ая русская армія, въ составѣ неполныхъ пяти корпусовъ, I, VI, XIII, XV и XXIII, движеніемъ отъ линіи Нарева, должна была развить успѣхъ I-ой арміи и „отрѣзать германцевъ отъ Вислы“.

Командующій 2-ой арміей, генералъ отъ кавалеріи Самсоновъ, отдавалъ себѣ отчетъ въ рискованности этой стратегической операціи.

Наступленіе арміи въ глухомъ, бѣдномъ, лишенномъ

путей районѣ, въ промежуткѣ между желѣзными дорогами, не обезпечивало войскамъ своевременнаго подвоза. Существовало серьезное опасеніе за лѣвый флангъ. Армія, сколоченная наспѣхъ, не укомплектованная необходимымъ имуществомъ и пополненіями, не представляла мощнаго организма. Несоотвѣтствіе оперативнаго заданія съ имѣвшимися возможностями ставило весь планъ подъ знакъ вопроса.

Однако, сомнѣнія генерала Самсонова встрѣтили въ штабѣ фронта чрезвычайно холодный пріемъ, вплоть до обвиненія командующаго арміей въ недостаткѣ мужества и рѣшимости.

Кто зналъ покойнаго Александра Васильевича Самсонова, тотъ отмететъ это ложное обвиненіе. Генералъ Самсоновъ принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ русскихъ военачальниковъ.

Начало его боевой репутаціи относится ко временамъ русско-японской войны, когда удачными дѣйствіями, подъ Вафангоу и на Шахэ, генералъ Самсоновъ обратилъ на себя вниманіе. Его дѣятельность въ роли начальника штаба варшавскаго военнаго округа, на должности наказного атамана Войска Донского, наконецъ, на посту генералъ-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, вполнѣ оправдали возложенныя на него надежды.

Утверждаютъ, будто Самсоновъ, уже нѣсколько утомленный продолжительной службой, вполнѣ удовлетворенный своей мирною дѣятельностью гуманнаго, культурнаго, просвѣщеннаго администратора, искренно уважаемый и любимый всѣмъ населеніемъ русской азіатской окраины, съ тяжелымъ предчувствіемъ принялъ предложенный ему постъ командующаго 2-ой арміей.

Онъ не строилъ себѣ иллюзій въ смыслѣ легкости предстоящей борьбы. Основательное изученіе мощи противника и театра войны вынуждало его относиться къ планамъ высшаго военнаго руководства съ долей извѣстнаго скептицизма.

Могъ-ли, однако, онъ, генералъ съ блестящей боевой

репутаціей, уклониться отъ отвѣтственнаго поста, въ тяжелый часъ боевыхъ испытаній... Открытый, честный, благородный характеръ заставилъ его, расходившагося съ оптимистическими планами фронта и ставки, принести себя въ жертву...

22 августа армія перешла границу.

Движеніе арміи протекало въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, при палящемъ зноѣ, въ сыпучихъ мазурскихъ пескахъ, при вопіющей неорганизованности тыла. Не всѣ части имѣли дивизіонный обозъ. Люди и лошади выбивались изъ силъ. Въ особенности, неудовлетворительно была поставлена служба связи. Важнѣйшія оперативныя распоряженія передавались незашифрованными радіограммами. Чувствовался недостатокъ въ дивизіонной конницѣ. Дневокъ не существовало.

Настойчивыя требованія фронта „отрѣзать германцевъ отъ Вислы“ превращали движеніе арміи въ форсированный маршъ. Армія подходила къ полю сраженія утомленной, разстроенной, обезсиленной.

Къ вечеру, 22 августа, встрѣтивъ незначительное сопротивленіе, армія заняла линію Ортельсбургъ—Нейденбургъ—Сольдау.

На другой день была взята нѣмецкая укрѣпленная позиція у Орлау-Франкенау. Соприкосновеніе съ противникомъ было, однако, утрачено. Армія продолжала движеніе въ слѣпую, съ завязанными глазами. Между тѣмъ, на ея лѣвомъ флангѣ уже заносился могучій нѣмецкій кулакъ.

Соотношеніе силъ и ихъ группировка предопредѣляли заранѣе исходъ столкновенія. Германская армія, въ составѣ 8 дивизій при 90 батареяхъ, свѣжая, богато снабженная, прекрасно оріентированная, имѣла противъ себя разбросанныя на широкомъ фронтѣ, утомленныя продолжительными походами, незнакомыя съ обстановкой, 9 пѣхотныхъ дивизій съ 60 батареями.

Армія продолжала движеніе на сѣверъ.

Обозначившаяся угроза лѣвому флангу вынуждала повернуть фронтъ на западъ или на сѣверо-западъ. Однако, подъ впечатлѣніемъ треній съ главнокомандующимъ и ставкой, чуткая натура генерала Самсонова стала сдавать. Продолженіе операціи, во имя общей идеи, опасеніе новыхъ обвиненій въ недостаткѣ рѣшимости, заставили его подчиниться распоряженіямъ фронта.

Между тѣмъ, германское командованіе ясно представило себѣ картину русскаго наступленія. Перехваченныя депеши открывали Людендорфу распредѣленіе русскихъ силъ, до мельчайшихъ подробностей. Въ полевой сумкѣ убитаго офицера была даже случайно найдена общая директива. Нѣмецкому полководцу предоставлялась счастливая случайность бить войска по частямъ.

26 августа завязалось сраженіе, превратившееся, вслѣдствіе разброски русскихъ силъ, въ рядъ корпусныхъ боевъ.

Военный историкъ, вооруженный точными свѣдѣніями, на основаніи строго провѣренныхъ данныхъ, опишетъ, можетъ быть, въ будущемъ, эту кровавую драму въ мазурскихъ лѣсахъ. Пока же, не касаясь деталей, можно въ схематическомъ видѣ отмѣтить рядъ эпизодовъ.

Правофланговый VI корпусъ, генерала Благовѣщенскаго, бездарнаго поповича, проведшаго всю службу на чиновничьихъ должностяхъ, былъ атакованъ нѣмцами и, охваченный съ трехъ сторонъ, отступилъ, въ полномъ безпорядкѣ, на Ортельсбургъ.

Лѣвофланговый I корпусъ, генерала Артамонова, въ свою очередь подвергся атакѣ противника.

— Стою, какъ скала! — доноситъ безпардонный очковтиратель, генералъ Артамоновъ, и отходитъ на Сольдау, обнаживъ лѣвый флангъ арміи.

XXIII корпусъ, попавъ подъ огонь тяжелыхъ орудій, отступилъ къ Липау. Вся тяжесть послѣдующихъ боевъ легла на плечи центральной группы — XIII корпуса генерала Клюева и XV — генерала Мартоса.

Послѣдній, понеся въ жестокихъ бояхъ, большія по-

тери, добился, однако, тактическаго успѣха и все болѣе продвигался впередъ.

Корпусъ Клюева, занявъ Алленштейнъ, благодаря чрезвычайному утомленію войскъ, не былъ въ состояніи развить успѣха и оказать поддержку сосѣду. Прочная связь между войсковыми группами отсутствовала. Къ довершенію общаго злополучія, штабъ арміи переходилъ, въ этотъ критическій часъ, изъ Нейденбурга въ Надрау, аппаратъ былъ снятъ, управленіе арміей фактически прекратилось...

Генералъ Самсоновъ сознаетъ невозможность упорства въ достиженіи поставленнаго штабомъ фронта заданія. Дальнѣйшее движеніе на сѣверъ угрожаетъ роковыми послѣдствіями.

Подъ грохотъ орудій и ружейную трескотню, Самсоновъ, въ сопровожденіи чиновъ штаба и казачьяго конвоя, направляется въ ближайщую пѣхотную часть. Отдается приказаніе объ отходѣ войскъ къ Нейденбургу.

Однако, Нейденбургъ уже занятъ противникомъ... Фланги смяты... Всѣ пути отступленія перехвачены нѣмцами...

30 августа, измученные, растерзанные боями, окруженные нѣмцами со всѣхъ сторонъ, остатки XIII и XV корпусовъ положили оружіе...

Штабъ 2-ой арміи, съ генераломъ Самсоновымъ во главѣ, пытается укрыться въ лѣсу. Кругомъ идетъ стрѣльба нѣмецкихъ разъѣздовъ и патрулей, добивающихъ отдѣльныя группы.

Ночью, когда перестрѣлка стихаетъ, штабъ оставляетъ своихъ лошадей и блуждаетъ пѣшкомъ по лѣсу, въ надеждѣ выскочить изъ нѣмецкой петли.

Что перечувствовалъ въ эти минуты командующій 2-ой арміей?.. Какую душевную борьбу, какія пытки и муки перенесъ, въ эти трагическія минуты, Самсоновъ?..

Его натура не мирится съ горечью пораженія и позоромъ...

Отдаться въ руки врагу онъ не можетъ...

Чаша страданій должна быть испита до дна...

Генералъ Самсоновъ незамѣтно отдѣляется отъ своихъ спутниковъ и вынимаетъ револьверъ. Одинокій выстрѣлъ нарушаетъ тишину лѣса...

Этимъ драматическимъ эпизодомъ закончилась катастрофа подъ Танненбергомъ, подъ тѣмъ Танненбергомъ, у котораго, пять вѣковъ тому назадъ, соединенное русско-литовское воинство нанесло жестокое пораженіе рыцарямъ Тевтонскаго Ордена.

Какъ ни расцѣнивать катастрофу самсоновской арміи, послѣдняя сыграла извѣстную роль въ общемъ ходѣ боевыхъ операцій Антанты. Не взирая на блестящій успѣхъ 8-ой германской арміи Гиндербурга, этотъ успѣхъ не могъ компенсировать той неудачи, которую нѣмцы понесли на поляхъ Марны.

Въ отвѣтственную минуту, когда рѣшалась судьба всей кампаніи, ударное крыло генераловъ Клука и Белова, на западномъ фронтѣ, было лишено двухъ корпусовъ, переброшенныхъ опрометчиво на востокъ.

И не правы-ли военные изслѣдователи, видящіе въ этомъ одну изъ причинъ „Чуда на Марнѣ", — спасенія Франціи отъ неминуемаго разгрома?..

Въ живописномъ лѣсу стоитъ памятникъ изъ сѣраго камня. На немъ нѣмецкая надпись:

„General Samsonow, Gegner Hindenburgs,
in der Schlacht bei Tannenberg".
1914.

Кругомъ тишина, мракъ, зеленая ночь.

Миръ и покой разлиты въ лѣсу.

И только сѣрый памятникъ свидѣтельствуетъ о томъ, какая жуткая драма имѣла здѣсь мѣсто пятнадцать лѣтъ назадъ...

ФОРЪ

1

Это былъ сеттеръ, изъ породы гордоновъ, рѣдкій звѣрь, огромный, костистый, рѣзвый, какъ волкъ, съ черною курчавою шубой, съ рыжими заплатами на брюхѣ и на груди.

Говорятъ, будто лѣтъ двѣсти тому назадъ, одинъ англійскій лордъ скрестилъ лягаваго кобеля съ дикой овчаркой — и получилась эта изумительная порода.

Мой пріятель, всинскій охотникъ Василій Шишокъ, досталъ пса изъ гатчинскаго питомника, отъ своего кума, егеря царской охоты.

Ахъ, что это была за собака!...

Въ первый разъ я увидѣлъ ея работу на охотѣ за бѣлыми куропатками...

— Ну-ка, баринъ, гляди! — говоритъ Василій, когда миновавъ всинскія пожни, мы подошли къ забавскому Мошку.

— Хворъ, ищи!.. Ширшъ!..

Сеттеръ пулей выскочилъ изъ-подъ ногъ, закружился, какъ бѣшеный, подошелъ къ краю болота, поднялъ морду. Черезъ минуту, напруживъ палкою хвостъ, осторожно переступая мохнатыми лапами, потянулъ къ рѣденькимъ сосенкамъ.

Еще мгновенье — и застылъ мертвою стойкой, вытянувшись, точно струна, временами оборачиваясь и поглядывая на насъ жалобнымъ, недоумѣвающимъ взоромъ.

— А теперь можно и покурить, — говоритъ Шишокъ, растягивая улыбкой скуластое, сѣрое, изрытое

оспинками лицо. — Ученый песъ!.. Не сорветъ, будетъ стеречь до вечера!.. Всѣ куропаточки будутъ въ карманѣ!

— А почему ты знаешь, что куропатки?

Шишокъ улыбнулся вторично, порылся за пазухой, досталъ кисеть съ табакомъ, худыми закорузлыми пальцами свернулъ крученку:

— Какъ не знать! — смѣется всинскій охотникъ. — Мѣсто такое, баринъ!.. А главное дѣло, Хворъ мнѣ обо всемъ доложилъ!.. Куропатки, дескать, Василій!.. Пѣтухъ и матка съ дитятами!.. И выводокъ, мало-маля, штукъ на двадцать!.. Вотъ какъ!

Шишокъ, дѣйствительно, не ошибся.

Выкуривъ, не торопясь, папиросу, снялъ съ плеча свою старую, одноствольную, передѣланную изъ казенной берданки пищаль, указалъ мнѣ рукою мѣстечко, а самъ, увѣренными шагами, беззвучно вытаскивая поршни изъ вязкой жижи, сталъ подходить къ собакѣ.

— Хворъ, пиль!

Но сеттеръ упирается, дрожитъ мелкой дрожью, а морда устремлена на моховой кустъ, откуда тянетъ богуномъ и ржавой землей и, точно капельки крови, горитъ „богородицына слеза“.

Шишокъ легонько толкаетъ собаку колѣномъ подъ задъ. Сеттеръ подымаетъ переднюю лапу — и, словно разорвавшаяся ракета, съ трескомъ, съ гамомъ, съ пѣтушинымъ ржаньемъ и клохтаньемъ, сверкая пестрыми крылышками, подымается куропачье стадо.

— Ба-бахъ! — гремятъ выстрѣлы и, уродливымъ комкомъ, перевернувшись въ воздухѣ, валятся на землю три жирныя, откормившіяся за лѣто, птицы. Остальныя разлетѣлись по лѣсу. Но къ каждой подвелъ, всѣхъ нащупалъ сеттеръ-гордонъ, весь выводокъ, въ количествѣ двадцати одной штуки...

2

Мы сидимъ на маленькомъ островкѣ, на крошечной сопкѣ посреди мохового болота. Здѣсь часто копается

разная птица. Можно видѣть тетеревиныя „купки“, перья, пометъ, склеванныя ягоды клюквы, черники и гоноболя. Здѣсь сухо, знойно, пахнетъ смолой.

Шишокъ снимаетъ съ плеча полотняную торбу съ припасами — хлѣбомъ, копченымъ саломъ, огурцами, крутыми яйцами, водкой. Сеттеръ лежитъ, уткнувъ морду въ сѣтку съ убитою дичью. Иногда оторвется отъ сѣтки и, высунувъ красный языкъ, порывисто дышитъ разинутой пастью, съ которой стекаетъ слюна.

— Ученый песъ! — говоритъ всинскій охотникъ и легкимъ ударомъ ладони откупориваетъ бутылку. — Вотъ, на прошлой недѣлѣ, пріѣзжалъ господинъ Корвинъ-Круковскій, изъ питерскаго кіятера, очень ему собачка пондравилась... Продай да продай, Василій!.. Ну и гораздъ!.. Большія тыщи давалъ!

— Хворъ, иси! — кличетъ Шишокъ на французскій ладъ и кидаетъ сеттеру ржаную краюху.

Я улыбаюсь.

— Да не Хворъ, а Форъ! — поправляю я, наконецъ. — Кто это только придумалъ?

— Пущай будетъ по твоему, баринъ! — улыбается Шишокъ, въ свою очередь. — А придумалъ не я, стало быть... Другими имя такое мудреное дадено... Сказываютъ, быдто былъ хранцузскій король...

— Не король, еловая голова!.. Не король, а президентъ французской республики!.. Понялъ?

Шишокъ съ виноватымъ видомъ умолкаетъ и берется за сало.

А мои мысли еще сильнѣе, еще неотвязнѣе переносятся къ чудесному псу. Я склоняюсь надъ нимъ и треплю его за длинное мохнатое ухо, за курчавую шубу, прикасаюсь къ мягенькимъ краснымъ, тяжело висящимъ брылямъ, съ зубчатою бахромкой.— Форъ!... Форушка! — нѣжно шепчу я, и уже представляю себѣ, будто это мой песъ, неизмѣнный спутникъ въ охотничьихъ развлеченіяхъ, мой вѣрный другъ на прогулкахъ по лѣсу и луговому простору, съ безкурковымъ дробовикомъ двѣнадцатаго калибра.

Хорошая охотничья собака — истинный кладъ.

Не мало перебывало въ моихъ рукахъ всякихъ псовъ. И пуделей, добросовѣстно таскавшихъ изъ озера подбитыхъ крыжней, чирятъ, водяныхъ курочекъ. И понтеровъ, незамѣнимыхъ на легкой охотѣ по полевой дичи, по сѣрымъ куропаткамъ и перепеламъ. И огненно-рыжихъ ирландцевъ, и нѣмецкихъ лягавыхъ, и гончаковъ, подымающихъ козу или зайца на чернотропѣ.

Но съ гордономъ я познакомился въ первый разъ.

Впервые я увидѣлъ это чутье, эту изумительную силу, рѣзвость, повадку.

Сеттеръ-гордонъ, да еще царской охоты, да еще натасканный столь исключительнымъ образомъ...

Что бы я отдалъ за такую собаку!..

Двѣ недѣли не сдавался Василій Шишокъ. И на всѣ посулы и просьбы отвѣчалъ тѣмъ же, что говорилъ господину Корвинъ-Круковскому, изъ питерскаго театра.

Крѣпокъ и твердъ былъ всинскій охотникъ передъ денежнымъ искушеніемъ. Но еще крѣпче была моя думка, моя мечта.

И вотъ, помню это, ну какъ сейчасъ — разомлѣвъ послѣ удачной охоты, зноя и выпитой водки, сдался, въ концѣ концовъ, на мои уговоры Шишокъ. Цѣлую сотню, спеціально приготовленными, для этого случая, рублевыми бумажками, отвалилъ я ему за собаку и на придачу обѣщалъ фунтъ табаку.

— Твоя взяла, ничего не подѣлаешь! — произнесъ Василій и рѣшительно махнулъ рукой. — Владай, баринъ, собачкой!

Онъ погладилъ пса, поцѣловалъ его въ морду, привязалъ шнурокъ къ шейному ремешку.

Форъ покорно поплелся за мной...

3

Сколько лѣтъ, сколько чудесныхъ весенъ и зимъ, а особенно осеней, тихихъ, ясныхъ, благоуханныхъ, подарилъ мнѣ мой славный песъ!..

Сколько сладкихъ часовъ, сколько острыхъ минутъ пережилъ я съ моимъ охотничьимъ другомъ!..

Это не передать, не разсказать никакими словами, ибо нѣтъ такихъ звуковъ и красокъ на человѣческомъ языкѣ!..

По лѣсамъ, по доламъ, по глухимъ волчьимъ яругамъ, пожнямъ и по омшарамъ, румяными радостно-бодрящими зорями, въ полуденный жаръ и мягкими вечерѣющими закатами, на десятки верстъ исчертилъ я округу охотничьими шагами, съ дробовикомъ за плечомъ, съ упоительнымъ гимномъ въ душѣ.

Добрый охотничій песъ — это, какъ компасъ для мореплавателя, какъ пылающій огнями Стожаръ для путника, заблудившагося въ лѣсу.

Бывало, подойдешь къ моховому болоту — кругомъ темная ночь, птица гуляетъ нивѣсть гдѣ, никакимъ глазомъ не усмотрѣть, не отыскать, не нащупать, развѣ наступишь случайно на хвостъ.

Съ хорошей собакой — дѣло другое. Только смотри за ней, не зѣвай.

— Форъ, ищи!.. Шершъ!

Песъ только ждетъ приказанія, бомбой выскочитъ изъ-подъ ногъ, сдѣлаетъ кругъ, другой, остановится, завертитъ хвостомъ. Потомъ обернется и посмотритъ съ лукавой такой, насмѣшливою улыбкой.

Это значитъ — ничего, братецъ, нѣтъ!.. Переходи на сосѣдній участокъ!.. Не теряй времени зря!..

А бывало, не успѣешь спустить — сеттеръ тотчасъ подыметъ морду, поведетъ носомъ, точно причуялъ какой-то сладкій, особенный духъ, и уже тянетъ, чуть не ползкомъ, въ березнякъ или въ осинникъ, въ самую гущару, въ которой сидитъ глупый чернышъ или старый линяющій глухарь-одиночка.

На всякую птицу у Фора своя повадка.

Одно дѣло бекасъ или дупель. Совсѣмъ другое — бѣлая куропатка, вальдшнепъ или тетеревиная матка, отвлекающая охотника отъ дѣтей. Только надо тонко понять собачій языкъ, со всѣми особенностями, со всѣми

условностями, общими правилами, исключеніями, даже акцентомъ.

И я понялъ его очень скоро.

И не стало у меня никакихъ тайнъ, ни въ болотѣ, ни въ полѣ, ни въ краснолѣсьѣ, ни въ глухомъ чернораменьѣ.

И былъ я уже не слѣпецъ, а зоркій, проницательный человѣкъ, которому собачій хвостъ разсказываетъ истинную поэму...

4

Текли дни, одинъ за другимъ, въ довольствѣ, въ ласкѣ, въ мирномъ уютѣ, въ охотничьихъ развлеченіяхъ.

Пробѣжало, безъ малаго, десять лѣтъ.

Постарѣлъ, отяжелѣлъ Форъ. Стали слезиться глаза, налились свинцомъ ноги, въ черной шубѣ завелась сѣдина. Чутья не утратилъ, однако, но уже не то стало охотничье сердце.

А люди, между тѣмъ, повырубили лѣса. Браконьеры-охотники перестрѣляли, на свистокъ, матокъ. Мальчишки-озорники, изъ Щирска, Забавки, Всиней, переловили птицу силками.

Много меньше стало дичи въ округѣ.

И бывало, завернешь въ старый Мошокъ, въ которомъ когда-то тетеревей держалось до чорта, уже не то удовольствіе. Пусто, мертво кругомъ. Только щебечетъ камышевка свою нехитрую пѣсенку, да выскочитъ, съ пискомъ, молодой ястребенокъ.

Скучно стало въ мошкѣ, совсѣмъ скучно!

А зазѣваешься на минуту, Фора и слѣдъ простылъ. Вернешься въ усадьбу, смотришь — лежитъ, бестія, на крыльцѣ, возлѣ кухни, щуритъ виновато глаза, облизывается послѣ сытнаго завтрака.

— Ахъ, негодяй!.. Что, братъ, прошло твое время?

— Прошло, хозяинъ, прошло! — говоритъ Форъ, вертитъ хвостомъ и ковыляетъ за мною въ комнаты.

Растянется на коврѣ, возлѣ кушетки, положитъ голову на мохнатыя лапы и дремлетъ до вечера.

Одряхлѣлъ, износился, старикъ...

Когда началась война и мужиковъ забрали въ солдаты, стало не до охоты, другія думки шевелятся въ головѣ. Однако, съ оказіей, на недѣлю — другую отрываясь отъ фронта, шатаюсь по чернолѣсью, по знакомымъ болотамъ. И старый Форушка подбодрился, грузно шлепаетъ по водѣ, скачетъ вприпрыжку по гремушкамъ, по омшарамъ, по луговымъ пожнямъ, нюхаетъ, ищетъ тетеревиный слѣдъ. Найдетъ полевика и обрадуется, замретъ, какъ статуя, палкой вытянетъ хвостъ и поведетъ за собой.

И встаютъ прежніе дни...

Когда подошла революція, многое перемѣнилось. Не узнать прежней деревни и мужики стали не тѣ, хмурые, невеселые, глядятъ исподлобья. Многихъ и вовсе нѣтъ. А старый всинскій пріятель, Василій Шишокъ, уже два года гніетъ въ безвѣстной могилѣ, въ австрійской Галичинѣ.

Только поля, только лѣса остались тѣ же, безъ измѣненія.

Тяжело вспоминать да и не къ чему...

Былъ сѣрый холодный день.

Низко неслись облака, сѣрыя, хмурыя, какъ русская революція.

Съ гоготаньемъ летѣли дикіе гуси. Съ звонкимъ курлыканьемъ, точно кавалерійская труба, тянули на далекій югъ журавли.

Кружились и падали листья и, вмѣстѣ съ ними, отлетали надежды.

И вотъ...

Прозвучалъ хриплый лай и тотчасъ загремѣлъ выстрѣлъ:

— Пахъ!

На крыльцѣ, возлѣ кухни, стояла группа людей, въ полушубкахъ, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, безъ погонъ. Среди нихъ, съ винтовкой въ рукахъ — молодой цыганъ, конокрадъ Пашка.

Подъ березою лежалъ Форъ. Онъ былъ еще живъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, перепачканнымъ кровью и грязью.

Я подбѣжалъ и склонился надъ нимъ:

— Форуша!.. Форушка!..

Глаза его открылись въ послѣднiй разъ. Онъ взглянулъ на меня, завилялъ пушистымъ хвостомъ и шепнулъ съ грустной улыбкой:

— Не поминай лихомъ, хозяинъ!..

— Убили недобрые люди!..

—Прощай!..

АНТОНЪ КАЗИМИРОВИЧЪ

I

На поляхъ галиційскихъ родилась эта повѣсть...

Ее пеленалъ дымъ походныхъ костровъ...

Ржаніе лошадей было колыбельною пѣсней...

Тринадцать лѣтъ протекло со дня девятнадцатаго іюня. Знаменитый былъ день. Четыре конныхъ атаки, четыре громовыхъ удара, сверкнувшіе точно молніи среди яснаго неба, прекратили побѣдное шествіе воиновъ генерала Бэма-Эрмолли и возстановили утраченное было положеніе русскаго фронта.

Сначала — драгуны, потомъ — гусары и наконецъ — шальной бросокъ Заамурской конной бригады. И разметала русская конница австрійскія цѣпи по всему полю, и надолго отбила у врага охоту къ активному выступленію. Сотни четыре людей было порублено шашками, сотни три поколото пиками, болѣе батальона попало въ плѣнъ.

А собственная пѣхота, подъ натискомъ противника уже бросившая было окопы, съ крикомъ „ура!" кинулась за кавалеріей и упрочила положеніе.

Всѣ четыре полка, соперничая другъ передъ другомъ, поддержали репутацію шашки и пики, освятивъ кровью павшихъ боевое содружество. А потери были не малыя, особенно въ первомъ пограничномъ полку, уменьшившемся на цѣлую треть...

Пограничная Заамурская бригада прибыла издалека, съ восточно-китайской желѣзной дороги. И люди совершенно особые, не то казаки, не то черкесы, въ погонахъ

цвѣта созрѣвшаго гаоляна. А лошади — мелкіе маштачки безъ вершковъ, бѣлыя, какъ снѣгъ, забайкалки и манчжурки таковой же масти. А на вооруженіи, вмѣсто трехлинейной винтовки — легкій карабинъ мексиканскаго образца.

Когда бригада вошла въ составъ Сводной дивизіи, драгуны и гусары отнеслись къ ней пренебрежительно. Извѣстно —

„Пограничная стража —
Безграничная кража!"

Однако, въ первомъ же дѣлѣ, подъ Городенкой, когда развернувшись, какъ на парадѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на огонь, бригада ударила на австрійцевъ, взяла три линіи и, съ гикомъ, гайканьемъ, улюлюканьемъ, погнала врага передъ собой, отношенія сразу перемѣнились. За бригадой установилась прочная репутація:

— Молодцы!..
— Хунхузы!...
— Головорѣзы!..

2

Герой повѣсти — ротмистръ перваго коннаго полка, Антонъ Казимировичъ Левандовскій, другъ юности, эффектная и чрезвычайно симпатичная личность.

Антонъ Казимировичъ прибылъ изъ сызранскаго запаса, съ маршевымъ эскадрономъ. Само собой разумѣется, встрѣтились, какъ пріятели — было о чемъ побесѣдовать за стаканомъ легонькаго австрійскаго вина.

Главною цѣлью прибытія Антона Казимировича на фронтъ былъ патріотическій подвигъ, желаніе пролить кровь за отечество, принять участіе въ боевыхъ операціяхъ, о которыхъ извѣстно только по сводкамъ да по высочайшимъ приказамъ.

Антонъ Казимировичъ — помѣщикъ изъ-подъ Чернигова и особой склонностью къ честолюбію не обладаетъ.

Однако, заработать, при случаѣ, бѣленькій крестикъ — не прочь.

А войнѣ, того и гляди — конецъ.

Австрійцы уже трещатъ по всѣмъ швамъ. Необходимо, какъ говорится, использовать конъюнктуру...

— Заработать крестикъ возможно, особенно — деревянный!

— Отъ судьбы не уйдешь! — бойко возразилъ Антонъ Казимировичъ и закрутилъ черный усъ. — Знаешь, кстати, что сызранская цыганка мнѣ нагадала? Героемъ будешь!.. Егорьевскій крестъ, баринъ, получишь!.. Въ добромъ здоровьи къ женѣ и къ дѣткамъ воротишься!... Ха-ха-ха-ха!

Антонъ Казимировичъ дружески пожурилъ меня за скептицизмъ, находя, впрочемъ, естественнымъ, что за два года войны теряется истинная мѣра вещей, а нервы требуютъ заслуженнаго отдыха. А чтобы утвердить меня въ своей счастливой звѣздѣ, предложилъ даже пойти на закладъ:

— На двѣнадцать флаконовъ?

Пари было принято. Далеко за полночь разошлись.

А на другой день — пожалуйте бриться!

3

Славный, знаменитый день девятнадцатаго іюня.

Какъ ураганъ, налетѣли драгуны на рыжихъ коняхъ...

А за ними, гнѣдою лавиной, вынеслись гусары его высочества...

Не выдержали австрійцы неожиданнаго удара и покатились обратно, кидая оружіе, раненыхъ и убитыхъ, сдаваясь ротами въ плѣнъ...

Стоявшій на флангѣ, первый конный полкъ Заамурской бригады, выжидалъ удобной минуты, чтобы, въ свою очередь, кинуться коршуномъ на противника, искрошить его шашечными ударами.

Но противникъ сидѣлъ передъ нимъ въ глубокихъ траншеяхъ и не выходилъ въ чистое поле...

И вышелъ здѣсь такой случай.

Начальникъ Заамурской бригады, генералъ князь Тумановъ, подскочилъ къ командиру полка и закричалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Въ атаку, полковникъ!.. Драгуны атаковали!.. Гусары атаковали!.. Въ атаку или я не ручаюсь!

Тщетно командиръ доказывалъ пылкому кавказскому князю, что удобный моментъ не наступилъ. Что противникъ еще держится за проволочными сѣтями. Что въ этомъ случаѣ, самъ прусскій Зейдлицъ, непревзойденный кавалерійскій начальникъ всѣхъ временъ и народовъ, еще продолжалъ бы раскуривать свою трубку и не швырялъ бы ее высоко въ воздухъ, подавая этимъ сигналъ къ атакѣ.

— Вва! — заревѣлъ князь. — Въ атаку или подъ судъ!

Командиръ пожалъ плечами, сѣлъ на коня, помчался къ полку. Блеснули на солнцѣ кривыя шашки, колыхнулась стальная щетина пикъ. И черезъ минуту развернулся первый дивизіонъ въ три тонкія линіи и пошелъ.

Какъ снѣгъ въ лѣтній день, разсыпались бѣлые маштачки по зеленому полю и поскакали крутымъ наметомъ. И нарвались тотчасъ, бѣдняги, на австрійскіе пулеметы.

— Та-та-та-та! — строчнули по конницѣ огненнымъ швомъ изъ десятка машинъ.

Ахнуло, гикнуло, застонало по серединѣ, вздыбились кони, брякнулись о-земь и остались лежать навѣки. И повернулъ бѣлый снѣгъ, съ храпомъ, съ ржаньемъ и съ гайканьемъ, и раскатился на двѣ версты, пока не скрылся за рощей...

Многихъ не досчитались въ тотъ день.

Храбрый полковникъ Скопинъ, четырнадцать господъ офицеровъ и безъ малаго триста всадниковъ, имена же ихъ ты, Господи, вѣси, уплатили дань жадному богу войны. И среди нихъ — Антонъ Казимировичъ Леван-

довскій, черниговскій хлѣборобъ, старый испытанный другъ, прибывшій наканунѣ съ маршевымъ эскадрономъ.

И по причинѣ того, что поле битвы осталось нейтральнымъ, тѣла павшихъ не были преданы достойному погребенію.

Но подвигъ былъ тотчасъ отмѣченъ.

И въ приказѣ по арміи удостоились павшіе награжденія посмертнымъ бѣлымъ крестомъ — „въ воздаяніе отличнаго мужества и беззавѣтной отваги, доблестно пожертвовавъ жизнью въ бою съ дерзкимъ врагомъ“, и въ томъ числѣ — Антонъ Казимировичъ.

И пролилъ я искреннюю слезу...

И задумался о судьбѣ человѣческой...

И вспомнилъ о сызранской гадальщицѣ...

И написалъ по извѣстному адресу нижеслѣдующія слова:

Милостивая Государыня
Францискa Игнатьевна!

„Съ душевною скорбью извѣщаю Васъ о геройской кончинѣ Вашего мужа, а моего безцѣннаго друга, ротмистра Антона Казимировича Левандовскаго, павшаго смертью храбрыхъ въ конной атакѣ, при селеніи Дубовыя Корчмы, минувшаго девятнадцатаго іюня. Да послужитъ утѣшеніемъ то, что жертва сія не безцѣльна, а велика передъ царемъ и отечествомъ.“

4

Пять черныхъ, смрадныхъ, кощунственныхъ лѣтъ протекло со времени историческаго событія.

Давно прекратилась война, и противники, пожавъ руки, зализывая, какъ псы, тяжелыя раны, вернулись къ строительству мирной жизни.

И только въ бывшей россійской имперіи продолжала, по-прежнему, широкой струей литься русская кровь...

Вихрь гражданской войны перенесъ на край свѣта.

И случилось однажды, что сидя во владивостокскомъ скверѣ адмирала Завойки, я былъ изумленъ въ неожиданной степени.

Мимо меня, по кленовой дорожкѣ, мимо играющихъ на пескѣ ребятишекъ, проходилъ человѣкъ средняго возраста, эффектной наружности, въ генеральскихъ лампасахъ, съ золотыми генеральскими погонами на плечахъ, съ крестомъ бѣлой эмали, четко выдѣлявшимся на фонѣ темнаго хаки.

Я провелъ рукой по глазамъ:

— Обманъ зрѣнія!.. Миражъ!.. Фатаморгана!

Но нѣтъ, это не фатаморгана.

Антонъ Казимировичъ Левандовскій, не покойникъ, а самый настоящій, живой человѣкъ, собственною персоной, лишь постарѣвшею ровно на пять лѣтъ, находится въ двухъ шагахъ отъ меня.

— Антонъ! — крикнулъ я, не будучи въ состояніи справиться со своими чувствами.

Черезъ минуту, мы заключили другъ друга въ объятья.

Черезъ другую, сидѣли за столикомъ, въ Шуинскомъ поплавкѣ, съ ослѣпительной панорамой на рейдъ и синія воды Золотого Рога.

— Какъ живешь? — спросилъ Антонъ Казимировичъ. — Ну и встрѣча!.. Господи Боже мой!

— Но ты какъ воскресъ? — перебилъ я.

Антонъ Казимировичъ, въ двухъ словахъ, передалъ свою повѣсть:

— Кинулись мы только въ атаку, тутъ насъ и взяли съ двухъ сторонъ въ переплетъ!.. Австрійцы садятъ изъ пулеметовъ, а мнѣ смѣшно... Хохочу во все горло... Шалишь, братъ, заговоренный я, меня не тронешь!... Однако, долженъ признаться, хлопнулъ для куражу изъ походной фляжки передъ самой атакой... И свалился, на полѣ брани, съ коня... Такъ, на межѣ, австрійцы и подобрали!

Антонъ Казимировичъ засмѣялся и покрутилъ правый усъ:

— Отсидѣлъ полтора года въ плѣну!.. Потомъ въ любезное отечество возвратился и сразу угодилъ „къ стѣнкѣ"... Спасибо, чехи выручили, а то бы не сдобровать... Вотъ и болтаюсь сейчасъ въ Сибири!

Антонъ Казимировичъ покрутилъ лѣвый усъ:

— Будетъ съ меня, навоевался!.. Хорошаго понемножку!.. Устроился сейчасъ въ читинскомъ царствѣ, у атамана Семенова, по продовольственной части... Жаловаться нельзя! Его атаманское сверкательство, Григорій Михайловичъ, весьма одобряетъ... Три чина за усердную службу пожаловалъ... Вотъ и состою превосходительнымъ... Генералъ-то я липовый, а все-таки генералъ!.. А кромѣ того — кавалеръ, за атаку девятнадцатаго числа!

— Да, кстати! — произнесъ онъ, точно дѣло шло о вчерашнемъ. — А закладъ-то ты все-таки проигралъ!.. Выставляй-ка, братецъ, флаконы!

Я разсмѣялся.

Но такъ какъ благородный напитокъ, не взирая на порто-франко, являлся недосягаемымъ для бѣлогвардейскаго кошелька, съ милостиваго согласія Антона Казимировича, угостилъ его полудюжиной пива.

Сидѣли до ночи и выпивали.

Солнце давно уже скрылось за аметистами дымчатыхъ сопокъ, и молодой мѣсяцъ закувыркался въ темной водѣ залива.

— За Дубовыя Корчмы!.. За первый полкъ Заамурцевъ!.. За героя и кавалера, Антона Казимировича Левандовскаго!

Антонъ Казимировичъ почтилъ отвѣтнымъ тостомъ:

— За девятнадцатый полкъ!.. За славныхъ Архангеловъ!

И протянувъ стаканъ, чокнулся отъ всего сердца...

ЛИВАДІЯ

Кто помнитъ крымскую осень, томную, спѣлую южную осень, въ золотомъ багрянцѣ виноградниковъ и садовъ, въ аметистѣ спокойнаго моря, въ ясныхъ, точно прозрачныхъ, даляхъ?

Бархатный сезонъ начался.

Передъ глазами замелькали знакомыя лица, которыя, словно вчера, встрѣчались на концертахъ павловскаго симфоническаго оркестра, подъ управленіемъ Абакумова, на коломяжскихъ скачкахъ, среди петергофскихъ фонтановъ, въ царскосельскихъ и гатчинскихъ паркахъ, въ фешенебельныхъ уголкахъ невской столицы или на выбитыхъ копытами лошадей просторахъ красносельскаго военнаго поля.

Ялта становится, въ это время, точно кусочкомъ столицы.

Блистательный Санктъ-Петербургъ выраженъ сейчасъ исключительнымъ образомъ. Всѣ, кто по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, считаютъ своею обязанностью набрать запасъ свѣжихъ силъ или, наоборотъ, расточить ихъ избытокъ въ многообразныхъ развлеченіяхъ юга, стекаются подъ нѣгу сладкаго крымскаго солнца.

Представители свѣтскихъ круговъ и бюрократія высшаго класса... Артисты и литераторы, знаменитые адвокаты, политики, магнаты промышленности... Столичные щеголи, нарядныя петербургскія демимонденки, офицеры императорской гвардіи... Весь букетъ русскаго общества и высшей столичной общественности проводитъ въ крымской жемчужинѣ модный осенній сезонъ...

Въ эти ясные сентябрьскіе дни воздухъ напоенъ

бодрящей свѣжестью моря и неба. Природа брызжетъ полнокровными соками въ этомъ краѣ вѣчной весны, въ этой грандіозной теплицѣ, отгороженной каменною стѣной отъ набѣговъ сѣверной стужи и вьюгъ. Изумителенъ синій плащъ небеснаго свода и сверкающій золотомъ глазъ, точно каска конногвардейца или шитье измайловскаго мундира.

Я провелъ здѣсь нѣсколько дней и навсегда сохранилъ о нихъ очаровательное воспоминаніе.

Сколько бы погрѣшностей не заключалось въ изліяніи чувства, слова первой любви имѣютъ силу искренности и правды, какими бы устами не произносились...

Джалита!...

Кто не помнитъ это названіе, вызывающее представленіе о дѣвушкѣ съ огненными очами?

А противъ мола расположенъ отель „Россія", съ широкой терассой, увитой тропическими растеніями.

По берегу тянется длинный рядъ „поплавковъ" и фруктовый базаръ съ виноградомъ различныхъ сортовъ — шасля, черною изабеллой, душистымъ мускатомъ, чаушемъ, шабаномъ, осмой, кадынъ-пармакомъ или „дѣвичьими пальчиками", съ корзинами черноморской рыбы и устрицъ.

Тутъ же стоятъ вереницы щеголеватыхъ пролетокъ, дрожекъ, колясокъ. Шоссе вьется берегомъ моря и уходитъ въ Гурзуфъ...

Вотъ — Массандра, центръ крымскаго винодѣлія, съ знаменитыми воронцовскими виноградниками, съ безконечнымъ подземнымъ подваломъ, уставленнымъ винными бочками...

А дальше — Никитскій Садъ...

Четко виднѣется силуэтъ генуэзской башни и выпятившаяся въ глубину моря, облизанная теплыми вѣтрами и прибоемъ, горбатая спина Аю-Дага — Медвѣдьгоры...

Въ Гурзуфѣ, по обыкновенію, тихо, спокойно. Надъ пустыннымъ берегомъ вьются бѣлогрудыя чайки. Два татарченка полощатся въ синей водѣ. Берегъ усѣянъ

камнями, голышами различныхъ формъ и оттѣнковъ, розовыми, лиловыми, бурыми, ослѣпительно-бѣлыми. И кругомъ, пышная зелень стараго губонинскаго владѣнія, съ итальянскими тополями, грецкимъ орѣхомъ, стройными стрѣлами кипарисовъ, съ вѣковыми каштанами, съ знаменитымъ „деревомъ Пушкина", подъ которымъ поэтъ возлежалъ якобы въ часы вдохновеній...

По шоссе, взадъ и впередъ, мчатся веселыя кавалькады, дѣвушки, кавалеры, эксцентричныя амазонки съ своими „абдулками", въ расшитыхъ золотымъ позументомъ короткихъ татарскихъ курточкахъ, съ сверкающими каратами на перстняхъ — сувенирами замоскворѣцкихъ поклонницъ, отыскивающихъ на южномъ берегу не только одинъ виноградъ и не одно морское купанье.

Летятъ соломенныя плетенки, съ парусиновымъ верхомъ, запряженныя бойкими маленькими лошадками. Слышенъ хохотъ, смѣхъ, оживленныя восклицанія. Съ наступленіемъ вечера, на уединенныхъ дорожкахъ, въ густомъ чапыжникѣ кизиля, жимолости, боярышника, шиповника, въ кустахъ орѣшника, тамарикса и карагача, перевитыхъ цѣпкими плетями плюща, попадаются отдѣльныя парочки, шарахающіяся при приближеніи или звукѣ шаговъ...

Когда стемнѣетъ, и Ялта расцвѣчивается огнями, когда огни ползутъ все выше и, кажется, будто сливаются съ звѣздами, есть особое наслажденіе созерцать грандіозную панораму, стоять надъ моремъ и слушать пѣсню прибоя. Это не хуже симфоніи классическаго оркестра, который, тутъ же, подъ управленіемъ павловскаго маэстро, даетъ очередной концертъ въ Мордвиновскомъ скверѣ...

Если повернуть налѣво, въ сторону Балаклавы, и миновать бѣлый дворецъ эмира бухарскаго, приблизительно въ трехъ верстахъ, лежитъ императорская Ливадія. А за нею расположенъ цѣлый рядъ извѣстныхъ виллъ и дворцовъ, принадлежащихъ высшей аристократіи и особамъ царскаго дома.

Сначала идетъ красавица-Ореанда — владѣніе Константиновичей.

Потомъ, Ай-Тодоръ, съ Ласточкинымъ Гнѣздомъ, отвѣсною кручей низвергающимся въ морскую бездну — имѣніе великой княгини Ксеніи.

Затѣмъ, Дюльберъ — великаго князя Петра Николаевича, Мисхоръ, Симеизъ, Кореизъ — князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстонъ.

Алупка — усадьба свѣтлѣйшаго князя Воронцова, съ роскошнымъ мавританскимъ дворцомъ, на подобіе Альгамбры арабскихъ калифовъ, съ нависшимъ вплотную хребтомъ Яйлы и высшею точкою — двурогимъ Ай-Петри, увѣнчанныхъ точно гривой, лѣсами гигантскихъ сосенъ и пиній, вонзающихся въ самыя облака.

Затѣмъ, слѣдуетъ Гаспра — имѣніе графини Паниной, и, наконецъ, восхитительный Форосъ — владѣніе Юшковыхъ, съ лежащими наверху знаменитыми Байдарскими воротами, откуда дорога круто поворачиваетъ отъ моря въ сторону материка...

Ливадія — царская резиденція, главная прелесть которой заключается въ обширномъ паркѣ, съ коврами изумительныхъ цвѣтниковъ, съ фонтанами и мраморными статуями въ сочной зелени луговыхъ травъ, въ гигантской площади кудрявыхъ виноградныхъ лозъ, осыпанныхъ золочеными гроздьями.

Безчисленное множество небольшихъ деревянныхъ строеній, обвитыхъ ползучимъ плющомъ, фермы, оранжереи и парники, придаютъ своеобразный уютъ и очарованіе. Старый дворецъ необитаемъ, со дня кончины императора Александра III.

Императорская семья, при посѣщеніяхъ Крыма, помѣщалась въ новомъ дворцѣ, двухъэтажномъ зданіи изъ бѣлаго мѣстнаго камня, легкой, воздушной архитектуры, напоминающей виллы на берегахъ Босфора...

Императоръ, въ послѣдніе годы, все чаще отрывался отъ туманной столицы и на все болѣе продолжительный срокъ уѣзжалъ въ Крымъ. Окруженный семьей и небольшою группою приближенныхъ, освобожденный, въ

извѣстной степени, отъ сложныхъ заботъ по управленію государствомъ, царь, съ исключительнымъ удовольствіемъ, наслаждался тѣмъ отдыхомъ, который предоставляла ему ливадійская жизнь, среди зелени, водъ и утесовъ, въ царствѣ неподдѣльной красоты и поэзіи.

Уже съ утра, въ сопровожденіи двухъ-трехъ лицъ, чаще всего, генерала Комарова, флигель-адъютантовъ Дрентельна и молодого графа Воронцова-Дашкова, царь предпринималъ обширныя прогулки по горамъ, по живописнымъ ливадійскимъ окрестностямъ, къ императорской фермѣ, къ брыжжущему пѣнистыми каскадами водопаду Учанъ-Су.

Будучи превосходнымъ ходокомъ, почти ежедневно, дѣлалъ, безъ всякаго утомленія, десять, пятнадцать, иногда до двадцати верстъ, подтрунивая надъ отставшими спутниками, и къ завтраку возвращался обратно.

Царскія дѣти, въ эти утренніе часы, занимались съ Жильяромъ, съ придворнымъ священникомъ, отцомъ Васильевымъ, съ гофъ-лектрисой, Екатериной Александровной Шнейдеръ, культурной, высокообразованною особой, носившей въ интимномъ кругу данное дѣтьми прозвище — Трины.

Больная императрица, въ обществѣ неразлучной наперсницы Вырубовой, проводила время за вышиваньемъ.

Въ этой спокойной, размѣренной обстановкѣ, разнообразимой скромными развлеченіями, чтеніемъ, шахматной и карточною игрой, докладами пріѣзжающихъ изъ столицы министровъ, протекалъ день...

Въ воскресенье, послѣ службы въ дворцовой церкви, садились за завтракъ, къ которому неизмѣнно приглашалось нѣсколько лицъ изъ мѣстной администраціи, таврическій губернаторъ, командиръ корпуса и другіе.

Маленькій мальчикъ, съ темными локонами, окаймлявшими красивое личико съ такими же прекрасными, умными, выразительными глазами, одѣтый въ морскую курточку и шапочку съ надписью „Штандартъ", сопровождаемый Жильяромъ, любилъ встрѣчать прибывающихъ

на автомобиляхъ гостей. И не разъ, бывало, съ серьезнымъ видомъ, останавливалъ ихъ вопросомъ:

— Вы развѣ не знаете, что папа велѣлъ закрывать глушитель?

И тогда, подавляя улыбку и почтительно прикладывая руку къ треуголкѣ съ бѣлымъ плюмажемъ, губернаторъ или иной гость отвѣчалъ бойкому мальчику:

— Слушаю, ваше императорское высочество!

За завтракомъ сидѣли за общимъ столомъ. Императрица, по нездоровью, обычно отсутствовала. По обѣ стороны императора сидѣли старшія дочери.

Молодымъ царевнамъ было не болѣе семнадцати-восемнадцати лѣтъ.

Ольга, любимица государя, держалась съ спокойнымъ достоинствомъ, какъ бы сознавая ту роль, которую накладываютъ на нее обязанности старшей въ семьѣ. Привѣтливая, ласковая, умная, эта прелестная во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка производила самое обаятельное впечатлѣніе. Царь охотно вводилъ ее въ кругъ своей кабинетной работы, и, какъ утверждали, прислушивался къ мнѣніямъ, высказываемымъ юной царевной.

Татьяна, высокая, стройная, тоненькая, какъ стебелекъ, можетъ быть, не такая красивая, какъ сестра, нѣсколько замкнутая, сосредоточенная и молчаливая, съ хрупкимъ здоровьемъ, считалась любимицей императрицы.

Двѣ младшія дочери — Марія и Анастасія, были еще подростками. Марія, полная и крупная для своего возраста, являя собой въ будущемъ типъ настоящей русской красавицы, обладала, кромѣ своего цвѣтущаго вида, открытымъ, веселымъ, жизнерадостнымъ нравомъ.

Маленькая рѣзвушка Анастасія, очень подвижная и живая, какъ ребенокъ, еще забавлялась дѣтскими шалостями. И бывало, свернувъ хлѣбный шарикъ, запускала имъ въ сидящаго напротивъ сосѣда.

Царь находился въ отличномъ настроеніи, смѣялся, шутилъ, обращаясь къ своимъ адъютантамъ и гостямъ запросто, по фамиліи. Иногда, точно отвлекаемый тяжелыми мыслями, на мгновенье задумывался. Но черезъ

минуту, на лицѣ императора снова свѣтилась обычная ласковая улыбка...

Разъ въ мѣсяцъ, въ ливадійскомъ дворцѣ, наблюдалось извѣстное оживленіе.

Для развлеченія царскихъ дѣтей, устраивались танцовальные вечера, съ участіемъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Предварительно ставился кино-сеансъ, давали представленіе фокусники, заѣзжіе музыканты, артисты.

Ужинъ происходилъ на отдѣльныхъ маленькихъ столикахъ. Послѣ ужина, переходили на усыпанный гравіемъ внутренній дворикъ, съ крытою галереей. Столы убирались, общество возвращалось въ столовую и начинались танцы.

Кромѣ великихъ княженъ и молодыхъ офицеровъ, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ и восторгомъ, кружившихся по паркету, участіе въ танцахъ принимало нѣсколько фрейлинъ — графиня Анастасія Гендрикова, Бюцова, баронесса Буксгевденъ, Хитрово, Келеповская, дочь командующаго войсками — Никитина.

Дирижировалъ танцами молодой свитскій генералъ Княжевичъ.

Императрица, сидя въ креслѣ, наблюдала за танцами. Тутъ же, возлѣ нея, полулежала въ такомъ же креслѣ любимая фрейлина, молодая парализованная княжна Орбеліани.

Въ вестибюлѣ играли въ карты — дворцовый комендантъ Дедюлинъ, генералъ-адъютантъ Ниловъ, старый генералъ Косычъ. Въ формѣ терскаго казачьяго войска, въ черкескѣ съ голубымъ бешметомъ, съ улыбкой на смугломъ, чувственномъ, опушенномъ черною, какъ смоль, бородою, лицѣ, глядѣлъ на танцующихъ эмиръ бухарскій — свиты его величества генералъ Саидъ-Алимъ.

Царь обходилъ гостей, шутилъ и разговаривалъ съ приближенными, съ фрейлинами и офицерами, съ главноначальствующимъ надъ ялтинскимъ уѣздомъ, старикомъ

Думбадзе. Время отъ времени, выходилъ на маленькій дворикъ, выкурить папиросу.

Къ полуночи танцовальный вечеръ заканчивался...

Шестого декабря, въ день тезоименитства, состоялся торжественный обѣдъ.

Вскорѣ предстоялъ отъѣздъ императорской семьи въ Царское Село.

Гостей было больше обыкновеннаго. Въ числѣ приглашенныхъ находился, извѣстный въ свое время, крупный ялтинскій винодѣлъ, князь Левъ Сергѣевичъ Голицынъ.

Это былъ высокій, плотный старикъ, съ бѣлою бородой, какъ всегда небрежно одѣтый, фрондирующій, со многими странностями.

Фронда стараго князя проистекала, какъ утверждали, не изъ идейныхъ или политическихъ побужденій. Другъ юности императора Александра III, старый князь, на протяженіи многихъ лѣтъ, пользовался монопольнымъ правомъ по распространенію удѣльныхъ винъ, получая процентъ съ каждой „пробки".

Старикъ былъ крѣпко обиженъ распоряженіемъ удѣльнаго вѣдомства, лишившаго его, въ концѣ концовъ, источника этихъ доходовъ. Считая молодого царя главнымъ виновникомъ, князь Голицынъ затаилъ противъ него чувство длительной непріязни.

И торжество было омрачено инцидентомъ.

Въ концѣ обѣда царь обратился къ гостямъ съ обычною рѣчью. Вслѣдъ за тѣмъ, постучавъ ложечкой по хрустальному бокалу, неожиданно, вопреки придворному этикету, поднялся Голицынъ.

Произошло неловкое замѣшательство.

— Ваше императорское величество! — произнесъ, шамкая, старый князь, обращаясь къ сидѣвшему черезъ столъ императору. — Сегодня, въ торжественный день вашего тезоименитства, собравшись тѣсной вѣрноподданической семьей...

Послѣ соотвѣтствующаго вступленія, князь перешелъ на тему политическаго характера, не заключавшую, можетъ быть, ничего серьезнаго, но носившую въ данной обстановкѣ печать неумѣстной критики, неловкой, безтактной выходки.

Замѣшательство стало еще сильнѣе.

Графъ Фредериксъ поднялся съ кресла и подошелъ къ императору. На строгомъ лицѣ министра двора были выражены признаки явнаго раздраженія. Но царь оставался спокоенъ, съ улыбкой взглянулъ на князя Голицына и поднялся съ мѣста. Въ шумѣ отодвигаемыхъ стульевъ потонула дальнѣйшая рѣчь стараго князя.

Вскорѣ начался разъѣздъ.

Однако, у одной изъ колоннъ вестибюля, можно было еще наблюдать императора, своей обычной манерой покручивавшаго усы, и министра двора, продолжавшаго что-то, съ настойчивостью, докладывать государю.

— Не будемъ обижать старика! — произнесъ царь. — Мы съ вами, Владимиръ Борисовичъ, придумаемъ что-нибудь другое!

На слѣдующій день, таврическій губернаторъ посѣтилъ князя Голицына, вручивъ ему чекъ на тысячу рублей и высочайшее повелѣніе объ оставленіи предѣловъ Россіи.

Та же сумма переводилась ежемѣсячно изъ личныхъ средствъ императора въ Ниццу, куда переѣхалъ на жительство старый ялтинскій винодѣлъ.

Къ пасхальнымъ праздникамъ, опальный князь былъ возвращенъ изъ своей ссылки.

Но ко двору болѣе не приглашался...

ГОСПОДСКІЙ ДВОРЪ ПСАРЫ

„Скрва, Вкра и Шква — три польскія рѣчки, которыя не легко перейти въ бродъ, а вымолвить скороговоркой эти названія и того, пожалуй, труднѣе.

Рѣчонки, въ сущности, плевыя, однако текутъ въ столь крутыхъ берегахъ, что дѣлаютъ переправу весьма затруднительной. Обратите вниманіе на это обстоятельство и вамъ станетъ понятнымъ, почему нѣмецкій нажимъ началъ ослабѣвать.

Ну, такъ вотъ...

Полкъ, въ которомъ имѣлъ честь служить, Клястицкій гусарскій имени генерала Кульнева полкъ, иначе „синіе гусары“ — помните, можетъ быть, сѣрые въ яблокахъ кони, синій доломанъ съ бранденбургами, а внизу крапъ? — шелъ въ арьергардѣ, прикрывая отступленіе кавалерійской дивизіи. Измотались мы чрезвычайно, каждый день сторожевка, перестрѣлка, бои, а на дворѣ стужа, вѣтеръ, лютый безснѣжный декабрь...

Въ самый сочельникъ перешли, стало быть, Вкру, взорвали мосты, остановились.

Гасли зимнія сумерки. Впереди чернѣла деревня. Кое-гдѣ мерцали огни. Брехали собаки. Въ сизомъ небѣ показалась первая звѣздочка, такая ласковая, такая родная... „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, славимъ!“... Да, можно сказать — Рождество!... Хуже, сударь мой, ничего не придумать!...

Полковникъ Левъ Гамзагурдій, онъ же „Богъ войны“, онъ же „Гамзѣй Гамзѣичъ“, повернулся въ сѣдлѣ, постучалъ рукавицами, зѣвнулъ, потеръ ладонями носъ:

— А ну-те ка, поручикъ князь Гедевановъ, пошарьте вокругъ до около! — сказалъ командиръ. — Глазъ-то у васъ, голуба, наметанный!... Полагаю, что гусарамъ въ халупахъ польскихъ остановиться будетъ не худо!... Да и намъ, ради сочельника, мѣстишко какое-нибудь очистится!... Обалдѣть можно!

Правильно сказано!

Насчетъ развѣдки на фронтѣ, по совѣсти скажу, слабоватъ... Ну а въ тылу — лучшаго квартирьера не сыщешь, пожалуй, въ дивизіи!... Чутье имѣю, сударь, особенное, верхнее, вродѣ какъ сеттеръ-гордонъ... Всѣ порядки польскіе и обычаи знаю да и языкомъ, проше пана, изрядно владѣю... Далъ шпоры сѣрому Азамату и поскакалъ...

Деревенька оказалась неважная, съ позволенія сказать, совсѣмъ дрянная, всего какихъ-нибудь два эскадрона умѣстятся... Зато въ полуверстѣ, можете себѣ только представить, — колоссальный фольваркъ, господскій дворъ по ихнему называется, съ винокуреннымъ заводомъ, съ амбарами, съ усадебными постройками, со всѣми эдакими удобствами... А посрединѣ стоитъ каменный домъ... Что за домъ — палацъ!... Зимній дворецъ, простите за выраженіе!...

Гусары уже заводятъ коней по хлѣвамъ да по стодоламъ, снимаютъ сѣдла, вынимаютъ желѣзо.

Гамзѣй Гамзѣичъ, я да человѣка четыре изъ полкового штаба, съ „клистирной трубой“ нашей, съ милѣйшимъ докторомъ, генераломъ отъ дизентеріи, Яковомъ Степанычемъ Ярмоловскимъ, входимъ, стало быть, въ прихожую, рекомендуемся.

Все честь-честью, какъ въ лучшемъ англійскомъ домѣ — покои въ коврахъ, гарнитуръ краснаго дерева, каминъ пылающій, канделябры, словомъ, комфортъ и всѣ двадцать четыре удовольствія!...

А дальше?...

Нѣтъ, это сонъ, это сказка, совершенно невѣроятное происшествіе!...

Представьте себѣ — роскошно сервированный столъ, цвѣты, хрусталь, серебро и общество молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ!...

Н-да-съ!...

И мы сидимъ въ этомъ обществѣ, прокуренные, до дьявола, пороховымъ дымомъ и табачищемъ, иззябшіе, голодные и небритые, простите за выраженіе, точно какіе-нибудь острожники, а не господа офицеры императорской арміи... Ахъ, вы не повѣрите, какъ удивителенъ былъ этотъ неожиданный переходъ отъ прозы войны къ чистой поэзіи!... Душа ликуетъ, душа жаждетъ эмоцій, женской ласки, любви!...

Само собой разумѣется, настроеніе самое теплое.

Смѣхъ, улыбки, звонъ стекла и бокаловъ, пріятные разговоры... Какой прелестный сюрпрюзъ!... Какой милый визитъ по случаю праздника!... Ха-ха да хи-хи!... А старая вудка, вы имѣете о ней понятіе? А польскій медъ, выдержанный въ папскихъ подвалахъ?... Ну, такъ вотъ, послушайте дальше...

Панъ Брохоцкій, хозяинъ нашъ гоноровый, пятьдесятъ шестой пробы вельможа, приподымается, говоритъ тосты за армію, за славный шестой полкъ — за полкъ „синихъ гусаровъ“, выпиваетъ бокалъ до капли и швыркъ на-земь — дзынннь!...

Поигравъ щетинистыми бровями, поднялся Гамзѣй Гамзѣичъ.

Полковникъ нашъ не былъ рѣчистъ, однако выдавилъ все же, отъ чистаго гусарскаго сердца, парочку словъ за Польшу, за милыхъ хозяевъ, какъ полагается, за прекрасное дамское общество.

А потомъ, по командирскому знаку, затянулъ я нашу гусарскую „Чарочку“, знаете, эту самую:

„Чарочка моя,
Се-ре-бря-на-я...“

Обошли, стало быть, по очереди виномъ... Много смѣху тутъ было!... Барышни-то кокетничаютъ, шушукаются, смѣются... Хи-хи да ха-ха!... Дзенькую

сличне!... Пш... Пш... Пшепрашамъ!... Застольныя пѣсни гусарскія пѣли, дурачились всячески, за гусарскіе анекдоты взялись, кто-то затянулъ гимнъ — „Еще Польска не сгинела!“, и подхватили дѣвичьи голоса, и пошла, сударь мой, писать губернія, прямо потѣха!...

А потомъ, вдругъ, наступило молчаніе, жуткое, непріятное эдакое молчаніе, какое бываетъ, когда мысли опускаются съ облаковъ на грѣшную землю. Панъ Брохоцкій, поглаживая концы сѣдыхъ, свисающихъ книзу подусниковъ, ну совершенно какъ на картинѣ у круля Яна Собѣсскаго, съ нѣкоторой тревогой освѣдомился о положеніи на фронтѣ, есть-ли надежда остановить натискъ германовъ, будетъ ли дефензива альбо, можетъ быть, офензива?...

И снова поднялся тутъ Гамзѣй Гамзѣичъ, пунцовый, какъ кормовая свекла, отяжелѣвшій отъ вудки и меда, пошевелилъ по привычкѣ щетинистыми бровями и отчеканилъ, и даже въ рифму, стихами:

— Гдѣ Псары — тамъ Клястицкіе гусары!

И рухнулъ на стулъ, какъ говорится, подъ громкія рукоплесканія...

Но, извиняюсь, я ничего не сказалъ вамъ о женщинахъ, о томъ букетѣ цвѣтовъ, который былъ прекраснѣе во сто кратъ лилій, тюльпановъ и розъ, разсыпанныхъ по столу!

Ихъ было пять или шесть. И среди нихъ панна Марія, панна Янина и Гальжка, три дочки хозяина, три дѣвушки изумительной красоты, черноволосыя съ голубыми глазами, съ тонкими таліями, опьяняющія свѣжестью и задоромъ, точно шампанское настоящаго французскаго качества...

Младшая панночка была моей сосѣдкой. Она понравилась мнѣ чрезвычайно, съ перваго взгляда, съ первыхъ сказанныхъ словъ... Ахъ, эти дѣвичьи чары!.. Какъ неотразимы онѣ для человѣка съ гусарской душой, одареннаго пылкимъ воображеніемъ!...

И вотъ, ужинъ кончается и общество, стало быть,

переходитъ въ салонъ. Генералъ отъ дизентеріи' Яковъ Степановичъ, сѣлъ за рояль, ударилъ по клавишамъ. И вотъ, уже кружатся, уже порхаютъ пары, уже журчитъ онѣгинскій вальсъ:

„Что же ты, Ленскій, не танцуешь,
Разочарованный стоишь?..."

А въ углу, сударь, сверкаетъ нарядная елочка, со снѣгомъ, золотыми орѣшками, серебряной канителью, съ хлопушечками, съ пампушечками, съ рождественскою звѣздою и дѣдомъ... А прислуга разноситъ вино — хлопаютъ пробки, звенятъ бокалы, звучитъ задорный смѣшокъ и мелодія господина Чайковскаго... Пахнетъ смолистой хвоей, женщинами, ароматами благоуханій... Ну, словомъ, настоящій рождественскій балъ, гдѣ-нибудь въ дворянскомъ собраніи или, можетъ быть, даже въ царскомъ дворцѣ!... И ужъ, конечно, нельзя представить, что происходитъ эдакій балъ на боевомъ фронтѣ, въ какомъ-нибудь переходѣ отъ тяжелой непріятельской артиллеріи!...

И гоню я бокалъ за бокаломъ, и ношусь съ панной Гальжкой по навощенному паркету, простите, за выраженіе, точно орловскій рысакъ на бѣгахъ... И польку-мазуръ, и вальсъ, и шаконь выстрачиваю ногами... А за окошками чернѣетъ зимняя ночь, воетъ вѣтеръ, мететъ первая пороша... Бррръ!...

Уже поздно... Погасли свѣчи на елкѣ... Общество утомлено, клонитъ ко сну, головки кружатся, улыбочки становятся шире и соблазнительнѣй... Не пора ли спать, моя дѣтка, моя ясноокая панночка?

„Для тебя одной любовь храню,
И тебѣ одной я пѣснь пою —
Баю-бай,
Баю-бай,
Пусть тебѣ приснится рай!..."

Отъ вина или отъ мыслей, что черезъ нѣсколько дней отъ всего этого останется только воспоминаніе, отъ тревоги или отъ одуряющей близости женщинъ, охватило меня странное чувство. Здѣсь была нѣж-

ность и горечь, сладкая боль и ласка влюбленности, смѣлость и робость, и еще многое изъ того, чего, клянусь вамъ, нельзя совершенно передать словами.

И на прощанье, жму дѣвушкѣ ручку, и готовъ упасть на колѣни, и цѣловать оборку волнистаго кружева и, задыхаясь, шептать про радость, счастье, любовь... „И тебѣ одной я пѣснь пою!“

Вы скажете, можетъ быть, что я былъ пьянъ?... Допустимъ... Не отрицаю... Но пьянъ не отъ вина, отнюдь нѣтъ, а отъ другого напитка, имя которому — любовь... Да, именно — свѣтлая, чистая всепоглощающая любовь!...

Панна Гальжка стоитъ передо мной, блѣдненькая, взволнованная, смущенная... Что происходитъ въ ея маленькомъ дѣвичьемъ сердцѣ — про то не знаю... Но помню, какъ приблизилъ лицо къ яснымъ голубымъ очамъ и сказалъ:

— Панна Гальжка будетъ ласкова показать мнѣ мою квартиру!

Ничего не отвѣтила панночка. Потомъ, улыбнулась, выскочила въ сосѣднюю комнату, поманила меня за собой... Нотомъ въ ея рукѣ оказалась свѣча, и я подымаюсь по крутымъ ступенямъ, а передо мной мелькаютъ, точно въ туманѣ, двѣ маленькія бѣлыя ножки въ бѣлыхъ атласныхъ туфелькахъ... Ахъ, ахъ, ахъ!... Потомъ, неожиданно гаснетъ свѣча... Двѣ душистыя ручки обвили мою шею и губы наши встрѣтились въ одно мгновенье:

— Милый!... Коханый!...

Было утро.

Въ окно ползъ голубоватый разсвѣтъ. Сыпалъ снѣгъ, настоящій рождественскій снѣгъ, запорошившій въ одну ночь дорожки, деревья сада, и дали стали бѣлы, какъ молоко. Тихо въ домѣ и на дворѣ и слышно только, стало быть, какъ каркаетъ воронье на оголенныхъ березахъ:

— Краааа!... Краааа!... Краааа!...

И нѣжусь я въ мягкой панской постели, и размышляю о вчерашнемъ, о молодой панночкѣ, о которую укололся столь неожиданнымъ образомъ въ рождественскую ночь, о поцѣлуяхъ, улыбкахъ, словахъ любви... И смѣюсь сладко такъ, и уже думаю о томъ, какъ увезу съ собой, одѣну гусаромъ, въ синій доломанъ съ бранденбургами — то-то славный будетъ гусарикъ въ штабѣ полка! — и не разстанусь съ моей польскою кралечкой, съ моей ясноокой царевной...

А потомъ...

Ну, совершенно внезапно, представьте себѣ, точно по чьей-то командѣ, прорѣзавъ тишину утра, затрещали ружейные выстрѣлы: тра-та-та-та!, раздались крики, бѣготня, тревожное ржанье коней...

— Сѣдлай! — доносилась команда. — Гусары, ко мнѣ!..

— Поручикъ князь Гедевановъ! — кричалъ перекошеннымъ голосомъ „Богъ войны".

Въ одно мгновенье я былъ на ногахъ.

— Тра-та!.. Тра-та! — гремѣла ружейная трескотня и пули, точно горохъ, стучали по крышѣ. Со звономъ валились стекла. Домъ неожиданно ожилъ. Изъ комнатъ выскакивали обезумѣвшіе люди, въ сорочкахъ, въ нижнемъ бѣльѣ.

— На батарею! — кричалъ „Богъ войны" и трясъ волосатыми кулаками. — Полковой адъютантъ!... Поручикъ князь Гедевановъ, на батарею!

Въ слѣдующее мгновенье, взобравшись однимъ прыжкомъ на вздыбившагося подо мной Азамата, я летѣлъ по широкой дорогѣ, въ тревогѣ, въ волненіи, чувствуя, какъ колотится сердце, смутно отдавая себѣ отчетъ въ происшедшемъ. — Зыкъ-зыкъ! — свистѣли стальные шмели, впиваясь въ снѣговое пространство, подхлестывая бѣшеный ходъ Азамата.

— Бамммъ!

Это грохнула батарея. И сразу стало какъ-то спокойнѣе на душѣ. Влѣво отъ дороги, темнѣли на снѣгу тѣла четырехъ конныхъ пушекъ. Вправо, узенькой лен-

точкой, вилась сѣрая линія отступающихъ эскадроновъ. Ружейная трескотня усиливалась съ каждой минутой.

— Баммъ-баммъ! — отвѣчали четыре орудія прямою наводкой. Четыре змѣиныя жала вырывались изъ дула, хлестали по наступающему противнику, гвоздили ударъ за ударомъ, отхаркиваясь желѣзомъ и кровью.

И когда я подскочилъ къ батареѣ и оглянулся — высокій столбъ пламени подымался надъ господскимъ дворомъ Псары..."

Собесѣдникъ замолкъ и задумался. Я задумался въ свою очередь. Въ шинкѣ было пусто. Посѣтители давно разошлись, и только мы двое продолжали сидѣть за бутылкой недорогого вина, погруженные въ рождественскія воспоминанія.

Табачный дымъ подымался медленными клубами... За стойкой дремалъ хозяинъ... А за окномъ, въ черномъ декабрьскомъ небѣ, сверкали звѣзды, такія далекія, такія чужія...

Конецъ.

Нашимъ постояннымъ читателямъ

по примѣру прошедшаго абонементнаго года изд-во и въ настоящемъ году, несмотря на крайнюю дешевизну изданій, рѣшило выдать

традиціонныя преміи.

Въ этомъ году каждый читатель, собравшій всѣ купоны отъ № 1—24, которые будутъ печататься въ нашихъ книгахъ отъ № 49—72, появляющихся въ текущемъ году, получитъ

роскошный альманахъ

„Красота и страсть женщины“

(Das lüsterne Weib)

составл. популярнымъ германскимъ ученымъ и публицистомъ д-ръ Гайеромъ.

Альманахъ этотъ поднялъ въ Германіи цѣлую революцію и разошелся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ альманахѣ много прекраснѣйшихъ иллюстрацій. Изъ нихъ нѣкоторыя исполнены въ краскахъ.

Альманахъ выйдетъ еще заранѣе до окончанія подписного года и наши читатели смогутъ съ нимъ ознакомиться.

Цѣна альманаха въ продажѣ 6—8 латъ.

Въ альманахъ войдутъ между прочимъ слѣд. главы:

Сладострастная женщина
Любопытная женщина
Типы мужчинъ и женщинъ
Неудовлетворенная женщина
Прекрасная женщина
Натуральный и искусственный темпераментъ женщины
Всезабывающая страсть любви.

Этотъ альманахъ представляетъ собою цѣлую симфонію любви и красоты.

Собирайте наши купоны для полученія премій. Въ каждой книгѣ одинъ купонъ!

Собравшій всѣ 24 купона по предъявленіи ихъ получитъ въ конторѣ изд-ва или заграницей у представителя изд-ва обѣщанныя преміи.

Цѣль премій возбудить въ читателяхъ еще большій интересъ къ книгѣ.

Книга должна побѣдить многія нежелательныя явленія нашей обыденной жизни.

См. наши новыя преміи на предыдущей страницѣ.

КУПОНЪ

для полученія премій за 1929

№ 23

Къ книгѣ Юрія Галича
„Волчій смѣхъ“.